

**Лариса Михайлова П. Е. Каннингем Н. Скотт
Момадэй Майк Резник Эйвин Мюре Рудольфе
Анайя Ольга Спицына Александр Ващенко
Алексис де Токвиль Николай Яковлев**

**Сверхновая американская фантастика, 1996 № 01-
02**

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 13

FineReader 12

«Сверхновая американская фантастика, 1996 № 01-02»: Издательство

«Ладомир»; Москва; 1995
ISBN ISSN 1029-2675

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

Номер 13-14

МИФОЛОГИЯ И ЯЗЫЧЕСТВО

FB2 книгу сделал mefysto

СВЕРХНОВАЯ

американская фантастика

№ 13-14

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЩИТЫ ЧЕРВЛЕННЫЕ И БИЗОНЬИ

Приветствуем вас, дорогие читатели — и те, кто не оставляет нас своим вниманием, и те, к которым наша «Сверхновая» попала в руки впервые в этом, еще достаточно новом 1996 году. Пожелаем друг другу новых встреч и в дальнейшем.

Лежащий перед вами номер — плод довольно долгой работы, возникший из внешне случайного соединения на редакторском столе рукописей конкурса, объявленного «Сверхновой» на лучшее произведение в жанре фэнтези на славянском материале, и перевода повести «Сын Идущего Сквозь Огонь». Поединок отважной девушки, посвященной в магические обряды своего племени, с ненасытным духом кечи, чью силу может ослабить лишь Солнце, напомнил недавно прочитанную историю о заклинаниях ветра у древних славян. В эту канву сопоставления легко легли истории из «Собрания щитов» Н. Скотта Момадэя, давно ждущие удобного случая для публикации, захотелось побольше рассказать о давно ушедших, но живущих в коллективной памяти обычаях. Замысел начал обрастать дополнительным материалом, рецензиями на вышедшие книги о язычестве по обе стороны океана. А впоследствии захотелось дать для сопоставления, расширения диапазона магического видения и вещи с других континентов. Но объем номера, пусть и сдвоенного, все же не безграничен. Поэтому мы ограничились пока включением получившей премию «Небьюла» за 1994 год повести Майка Резника «Семь видов ущелья Олдувай», где перед нами взгляд фантаста на проблему традиции и движения вперед с африканской перспективы, как в знакомом нашим читателям рассказе «Ибо я коснулась неба» («Сверхновая», № 1, 1994). Рассказ норвежца Эйвина Мюре «Институт всех проблем» представляет европейскую традицию взгляда на мир духов.

Есть в наших полях и лесах русские индейцы, то есть это народ наш, славянский, но воспринявший образ жизни североамериканских индейцев настолько близко к сердцу, что даже имена себе люди выбирают заново, под стать Бегущему Оленю или Верной Руке. Совсем как в известном романе Мардж Пирси «Женщина на кромке двух времен», где в мирном варианте будущего, предстоящем перед героиней, каждый, будь то белый, негр или китаец, абсолютно свободно мог выбрать себе культуру и образ жизни, стать, к примеру, индейцем-вампауном. А сейчас у нас как раз та кромка времен, когда вопрос принадлежности к той или иной традиции, отождествления себя с определенной национальной культурой — один из самых больных для многих стран. Очень больно режущая кромка. Что же привлекает сегодня в индейском образе жизни, пусть

даже идеализированном (примем этот допуск сразу во внимание)? Близость к природе, умение слышать ее мягкий говор и грозные предупреждения, не заглушенные гулом городов, стойкость к невзгодам, нежелание уступать обстоятельствам только потому, что они сильнее... можно перечислить и другие качества. Хочется лишь особо выделить одно: веру в сверхценность слова, в котором отражен опыт предков, которое обладает больше чем просто смыслом-однодневкой, прикладным смыслом, оно — часть того Слова, правила, закона, что стягивает мир воедино.

Славянский мир также объединяет Слово — близко понятное повсюду, от Дуная до Сибири, и хранящее в себе память о братстве и защите от набегов с тех времен, что принято называть незапамятными. Создательница теории звукослов Наровчатская слышит в названии Русь воспоминание о новом типе государственности, зародившемся в середине первого тысячелетия нашей эры на землях оседлых славянских племен, допускавшем к себе торговать всякого, кто платил мыт — таможенный сбор — на границах. Но если здесь трудно что-либо неопровержимо доказать, одно бесспорно — это общность обычаев, связанных с самым главным в жизни земледельцев (каковыми были славяне) — хлебом. Известный исследователь фольклора Н. И. Толстой описывает следующий ритуал: «Среди свидетельств XII века о славянских языческих божествах и обрядах (Нестора, Гельмольда и др.) интересно сообщение Саксона Грамматика (1185 г.) о том, что балтийские славяне в Арконе по окончании жатвы выпекали огромный пирог — каравай, за которым прятался жрец и спрашивал собравшийся народ, виден ли он за пирогом. Получив ответ, что его видят, жрец высказывал пожелание, чтобы следующий год был таким плодородным, что его не будет видно за пирогом. Этот обряд с аналогичным диалогом сохранился у украинцев и сербов и совершался во время рождественских или иных праздников хозяином и его домочадцами. Ритуал этот не изолирован: он входит в целый круг ритуалов, построенных на диалоге и направленных на плодородие или защиту от стихий, угрожающих плодородию, от хищных зверей и птиц». Описание это приведено в замечательной книге, полной текстов ритуальных, заклинательных, величальных, корильных, игровых и лирических песен, подблюдных песен-гаданий — «Русские обрядовые песни» Ю. Г. Круглова (М., Высшая школа, 1989). Специально указываю выходные данные, чтобы каждому, кто заинтересуется, было легче ее отыскать. А теперь, помянув добрым словом тех, кто изучал далекие наши корни, переведем взгляд на сегодняшнюю фантастику — как в ней аукается былое.

Идее магической защиты служили изготавливавшиеся воинами для себя щиты. Но истории щитов, поведенные писателем-кайова Скоттом Момадэем — мини-рассказы о необычном, случившемся с их владельцами, столь памятно, что оно овеществилось в щите. Бесписьменные народы передавали память о минувшем песнями и легендами. И вот рисунок на щите становится живой частью прошлого.

Повесть Майка Резника оставляет очень мало надежды на разрешение нарастающих сегодня конфликтов, но сильна своим зарядом боли. Она заслуживает отдельного разговора, пока же — читайте и пишите нам свое мнение.

В разделе «Голоса пространства» мы публикуем размышления читателя Н. Яковлева о возможностях развития фантастики. Несомненно,

философия будет рассуждать о новых смыслах, но порождает их жизнь, и умение заметить их зависит не только от непредвзятого взгляда на сегодняшние события, но и от способности, погрузившись в прошлое, почерпнуть оттуда живительной влаги без муты обид и оскорблений. Поэтому мы продолжаем публиковать главы из книги Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» в рубрике «Инвариант» — книги о прошлом, написанной для будущего.

Вот номер и сложился. Чур чура.

Лариса Михайлова

П. Е. Каннингем

СЫН ИДУЩЕГО СКВОЗЬ ОГОНЬ

Первым у П. Е. Каннингема был опубликован в «F&SF» рассказ «Удовлетворение гарантировано» (июнь 1987), с которым мы познакомим читателей несколько позже. В своем новом рассказе автор обращается к легендам американских индейцев и предлагает захватывающую историю о солдатах, переживших на заставе осаду неких сверхъестественных сил.

© P. E. Cunningham. The Son Of Walks Through Fire.

F&SF September 1988.

Перевела Олеся Гадалова

Боевой клич прозвучал как раз на закате. Майор Виллис выскочил из своей комнаты, не успев даже застегнуть ремень, и рубашка его развевалась по ветру. Ему приходилось слышать такой настойчивый сигнал дважды. Каждый раз, когда гибли солдаты губернатора.

Кашика? Не может быть. Я думал, они все в резервациях.

Во всяком случае, большинство из кланов. Но некоторые сумели бежать из-под военного надзора и скрываются на холмах. Они появляются и исчезают как привидения, оставляя за собой горящие заставы и трупы. Виллис знал, что они никогда не пытались атаковать частокол.

Однако полковник Дитвайлер усиленно внушал ему, что от кашика можно ожидать любых зверств.

— Сюда, майор! — Дитвайлер разместился на ближайшем блокгаузе. Он вытащил свой пистолет и небрежно постукивал себя стволом по

бедру. — Не о чем беспокоиться, — сказал он, когда Виллис влез к нему по лестнице. — Просто горстка скалящихся пьяных дикарей.

Их было шестеро, черноволосых, и кожа, пропеченная солнцем, делала их похожими на мумий. Они окружили седьмого, неуклюжее мускулистое животное, в одной лишь набедренной повязке. Он выделялся среди своих компаньонов подобно кабану в толпе голодных щенков. Лицо его было расписано алыми кольцами — военный символ шамана племени кашика.

Приметив Виллиса и Дитвайлера на крыше блокгауза, шаман усмехнулся.

— Труссы! — выкрикнул он. — Прячетесь за своими стенами, как дрожащие кролики. Выходите лицом к лицу как мужчины, бледнокожие, или я разнесу ваши стены и вытащу вас за уши!

Губы Дитвайлера, растянулись в улыбке под пепельно-серыми усами.

— Наглый ублюдок. Он у меня получит. Казалось, им пора бы уже стать умнее.

Виллис безмолвствовал. Нечто в манерах этого кашика показалось ему... после минутного размышления память подсказала слово «жутким». Как он стоял, наклон головы, узкие глаза...

Шаман поднял руки к небу, словно собираясь поймать ветер и забрать его силу. Он повернулся лицом к частоколу и выкрикнул несколько слов на гортанном наречии кашика.

Стены сотряслись.

Доска изогнулась у Виллиса под ногами, пришлось ухватиться за поручень, но он позабыл обо всем, когда увидел происходившее со стенами частокола. Крепкие столбы, противостоявшие ружейным выстрелам и пламенным стрелам, грозам и ураганам, теперь качались как молодые деревца на ветру. Но только ветра никакого не было, не слышать и канонады. Здесь действовала сила, имени которой Виллис не знал. Сама земля, казалось, корчится от боли, швыряя солдат вдоль стен и сбивая с ног. Всех, кроме кашики.

Ворота трещали и скрипели. Туземцы, бешено смеясь, вытащили ножи и луки. Виллис вцепился в пистолет. Если ворота рухнут...

Но на этот раз ворота выстояли. Ветер, или эта сила, утихли; частокол выдержал. Восходящее солнце высветило несколько глубоких трещин в опорах.

Большой Кашика осел, руки его обвисли. Ярость и негодование отразились на его лице. Виллис понял: он ожидал, что ворота распахнутся перед его силой. Новые эмоции возникли на лице индейца. Голод? Алчность? Майор не мог объяснить.

Он уставился на шамана. Его голубые глаза встретились с черными как деготь глазами туземца, в глубине которых билось алое пламя. Они пылали, словно алкали крови. Виллис отвел взгляд. Во всех своих путешествиях ему ни разу не приходилось встречаться с глазами как эти, ни среди кашика, ни в других племенах. Ни у одного человека не видел он таких глаз.

Двое спутников шамана устремились на поддержку своего истощенного предводителя. Он оттолкнул их, ища Дитвайлера. В течение всего приступа только Виллис и полковник устояли на ногах. Дитвайлер все держал свой пистолет, но уже не столь небрежно.

Кашика ухмыльнулся:

— Ну как, бледнолицые? Говорят, вы, кечи, уважаете только силу.

Такой вам достаточно? — Смех его был резким, пронзительным, почти нечеловеческим. Он указал пальцем на Дитвайлера. — Кашика жалеет тебя, бледнокожий. Мы дарим тебе шесть дней. Возвращайтесь на свою мягкую землю на востоке, где визжат ваши детки и правят женщины. Вы можете взять только свои жизни. Вы покинете свой форт, скот и лошадей. Если не уйдете, я вернусь и разнесу ваши стены, и кашика нанижут вас на копья, как дрожащих кроликов.

Все с той же усмешкой он отвернулся от частокола и важно удалился со своими спутниками. Не торопясь, *осыпая* врагов ругательствами и жестикулируя, туземцы взгромоздились на своих лошадок и рысью поскакали к холмам.

Дитвайлер весь посинел:

— Дикари! Они атакуют другую заставу, заграбастают своими красными руками пушки или динамит. Виллис! Нужно послать отряд за этими недоумками немедленно. Перестреляйте их сколько сможете.

— Сэр, договор...

— Договор с почтенными туземцами, а не с бандой уголовников. Они напали на форт. Они нам угрожали! Проклятые кровавые скоты. Им только покажи снисхождение, и они перережут горло. Грубая сила. Только это таким скотам и понятно.

— Да, сэр, — сказал Виллис. Он не собирался попусту спорить со своим командиром. Дитвайлер провел здесь пять лет, а это немало; он не слушает совета своего подчиненного, который недавно приписан к форту. Виллис отдал приказ отряду, хотя и он сам, и солдаты понимали тщетность этих действий. Кашика знали эту землю, как мужчина знает тело любовницы; они будут уже слишком далеко, когда первый солдат выйдет за ворота.

Остаток утра Виллис провел, обдумывая это нападение. Совсем не пушечные выстрелы сотрясали стены; в этом он был уверен. Никаких снарядов или динамита. Это выходило за пределы его опыта... почти. Виллис провел пять лет на границе, имея дело — а иногда воюя — с туземцами, населявшими холмы, прерии и пустыни. Не раз он сталкивался с силой, которую можно было бы назвать сверхъестественной. Он не знал, как с ней бороться... но знал людей, которые это умеют.

Наконец, глаза кашика решили все. Не советуясь с полковником Дитвайлером — он был уверен, что тот ни за что не согласится, — Виллис вызвал одного из разведчиков и отправил на восток с посланием к человеку, которого знал, который был другом. Кашика были коварными воинами прерий, но никому не дано было превзойти в магии Идущего Сквозь Огонь из племени потогатанов.

Разведчик вернулся через три дня и предстал перед полковником. Дитвайлер сразу послал за Виллисом. Виллис удивленно покачал головой, но не стал комментировать заметную перемену в человеке. Метис-разведчик был всегда угрюм и презрителен одинаково и к краснокожим, и к белым. Теперь он вел себя нервно и суетливо, без конца облизывал губы. Его глаза, уже больше не угрюмые, метались по сторонам, но чаще упирались в землю. Виллис понял, что он отыскал потогатанов.

— Майор, — рявкнул Дитвайлер. — Долан докладывает, что вы посылали его на переговоры в лагерь дикарей другого племени. Без моего приказа.

Виллис выдержал его взгляд:

— Так точно, сэр.

Дитвайлер вытряхнул трубку о стол:

— Может, объяснитесь?

— Хорошо, сэр. — Достаточно будет и половины всей правды. — Я провел некоторое время среди потогатанов. Их вождь, Идущий Сквозь Огонь, принимал меня как друг. Потогатане жили здесь прежде кашика и враждовали с ними веками. Если кто и может посоветовать, как справиться с теми, кто на нас напал, так это они.

— Пусть один дикарь ловит другого, э? — Дитвайлер улыбнулся. — Мы рассмотрим случай нарушения вами субординации, через некоторое время. Давайте послушаем, что скажет Долан.

Бросив быстрый взгляд на полковника, разведчик обратился к майору:

— Идущий Сквозь Огонь, вождь Людей Солнца, хорошо помнит своего брата Усача, чьи волосы сияют как Солнце. — Разведчик словно произносил заученный урок, в совершенстве передавая послание. — Твое имя ласкает его слух, слух его жен и детей.

— «Усач» — это вы, майор? — сказал Дитвайлер.

Виллис улыбнулся и показал на свои светлые усы:

— Их прозвище для меня. Не очень умно возвещать свое имя вслух, может услышать колдун и использовать это против тебя.

Полковник хохотнул.

— Извини, — сказал Виллис разведчику. — Продолжай.

— Идущий Сквозь Огонь сожалеет, что не может сам прийти в лагерь белокожих...

Дитвайлер фыркнул:

— Это слишком для твоего краснокожего «друга», майор.

— ...но он посылает своего сына, храброго и обученного магии и знающего многие песни, в помощь в твоих бедах.

— Магия? — в усмешке Дитвайлера была тень сомнения. — Что это значит? Ты думаешь, то, что было со стенами — вроде туземный фокус-покус?

— Я этого не говорил, полковник. Тем не менее это мх земля...

— Была их, ты имеешь в виду. Теперь это государственная собственность. Пять лет я здесь на посту, майор. Если здесь есть какая-то магия, мне она на глаза не попадалась.

— Все равно, сэр.

— Гм. — Дитвайлер воткнул трубку себе в рот и жестом отпустил разведчика. Тот, не медля, ушел. — Туземная магия.

— Говорите, жили у них, да? Готов спорить, слишком долго. Однако они хитрые вояки. Ловкие, как крысы. Наверняка у этого парня от рождения знание военной науки в его звериной черепушке. Что за черт, стоит попробовать. Губернатор хочет очистить эту землю под поселения, и ему плевать, как это будет сделано. Я поручаю все приготовления тебе. Они ведь твои друзья, в конце концов. — Он небрежно затянулся. — Потогатане? Ладно, они достаточно смирны. Полагаю, с ними не будет проблем. Надеюсь, их будет здесь не слишком много. Эти скоты дурно воняют.

— Да, сэр, — сказал Виллис.

— Давным-давно, — говорил Идущий Сквозь Огонь, — до ветра и солнца, до появления кровожадных кашика, когда твои люди еще

качались в колыбели, были потогатане. Солнце открыло свой глаз над нами и сказало: «Я вижу, вы мирные люди. Не для вас кровавая тропа войны. Я дам вам взамен силу белой магии, чтобы вы могли защитить себя». И запело нам свою песню могущества, и мы стали сильными людьми.

Виллис не вполне верил в подобные легенды, но шесть месяцев наблюдений за здешними шаманами и ведьмами развеяли сомнения в действенности магии потогатанов. Они были одним народом с племенем кашика, свирепейшими воинами на границе, не покорившимися никому. Возможно, это лишь очередной набег кашика, но глаза шамана говорили о другом. Виллис должен быть уверен.

Сразу после полудня дозорный доложил о появлении трех всадников на горизонте с востока. Виллис предпочел бы встретить их сам, но Дитвайлер взял ружье, вырядился в военные регалии и прихватил с собой дюжину вооруженных верховых солдат.

— Краснокожие уважают демонстрацию силы, — сказал он Виллису. — Это заставит их дважды подумать, прежде чем что-нибудь сделать.

Виллис сильно сомневался, что приближающаяся троица грозила форту. Его сознание погрузилось в воспоминания. У Идущего Сквозь Огонь было три жены, семь дочерей и один сын. Как звали мальчика? Ему было не больше двенадцати, когда Виллис жил в этой семье. Был ли мальчик уже воином? Или шаманом? Это было бы необычно. У потогатанов хранительницами песен являются женщины, а не мужчины. Хотя Идущий Сквозь Огонь был славным парнем, который мог согнуть в дугу любые традиции и заставить людей с этим считаться. Он не послал бы сына к белым, не будучи уверен в его способностях.

Путники приблизились настолько, что их можно было уже разглядеть как следует.

Двое были стройные красивые юноши лет девятнадцати-двадцати. Они держались на своих лошадках с грацией опытных наездников, настороженные и готовые до смерти защищать существо, державшееся между ними. Третий всадник, в украшенном перьями одеянии, не показывал ни враждебности, ни страха перед солдатами. Виллис склонился в седле и прищурился. Похоже не на мальчика, которого он помнил, а скорее на...

Дитвайлер резко натянул поводья.

— Черт побери! — разразился он. — Да это девчонка!

Виллис теперь узнал ее под черными волосами, переплетенными ракушками, и желтой раскраской на лице, подобавшей сыну вождя.

— Кьюни?

Девушка остановила лошадь в нескольких шагах от Виллиса и Дитвайлера, а юноши на два шага за ней. Она подняла правую ладонь в формальном приветствии и изрекла пару слов на плавном языке потогатанов. Виллис не уловил ни одного. В голове у него было пусто, как в южных пустынях. Кьюни, дочь Идущего Сквозь Огонь? А где его сын?

— Девчонка, — проворчал Дитвайлер сквозь зубы. — Еще одна дурацкая издевка от краснокожих. Этого и следовало ожидать. Ладно! Мы им покажем, как с этим управятся белые люди. — Он послал лошадь вперед. — Моя — Дитвайлер, — сказал он на ломаном кашика, стукнув себя в грудь так, что медали звякнули. — Моя в форте главный. Вам спасибо, что пришли. Вам много приветов.

— Да взглянут на тебя с благосклонностью Солнце и Небеса, полковник Дитвайлер. — Она изъяснялась по-английски бегло, как подобает послу могущественного вождя. Солдаты кривились от смеха. Лица более сдержанных аборигенов оставались бесстрастными. — Я ношу имя Кьюни, сына Идущего Сквозь Огонь. Мой отец болен и не может приехать в ответ на ваше послание. В моем лице он предстал перед вами. Я выполню его обещание, как если бы он сделал это сам.

Дитвайлер прищурился:

— Хм. Пусть так. Майор объяснит суть дела.

Он выстроил солдат фланговым эскортом. Кьюни отдала команду двум юношам, которые стали у нее за спиной. Она повела свою лошадку рядом с гнедой кобылой Виллиса. Желтые полосы раскраски изогнулись, когда она улыбнулась:

— Майор Усач. Солнце радо за нас, что мы встретились вновь. Отец очень скучал по вам, и мы были бы очень рады опять видеть вас у себя.

Виллис прочистил пересохшее горло:

— Кьюни... твой брат... почему не он?..

Ее темные глаза еще больше помрачнели.

— Мой брат, Медленный Медведь, умер от оспы пару месяцев назад. У отца нет больше сыновей и, возможно, не будет. Как его старшая незамужняя дочь я была избрана сыном вождя.

Виллис понимающе кивнул. Были случаи, когда женщины занимали мужские должности в племени. Особенно теперь, когда столько молодых людей гибнут в битвах с белыми и от их болезней.

— Душа моя горюет по Медленному Медведю, — сказал он на языке потогатанов.

— Он больше не страдает. Солнце смеется. — Она легко сменила тему. — Вы говорили об опасности, с которой, как вы считаете, можем справиться только мы.

— Да. — Он понизил голос, взглянув на Дитвайлера. — Мой военный начальник не верит мне, но я думаю, что кашика нашли источник черной магии.

Она кивнула, взгляд ее сделался серьезнее.

— Так говорили наши разведчики. Кровопийцы поют новую песнь власти, похваляются, что отберут земли у тех, кто пойдет против них. Отец собирался отправить меня разведать, когда ваш посланник приехал к нам.

— Тогда тебе известно...

— В воздухе носятся слухи. Мы ничего не знаем — пока. Мы будем держать совет с вами и вашим начальником. Там будет видно.

Виллис под присмотром Дитвайлера превратил пустую казарму в трапезную, в честь Идущего Сквозь Огонь и его сына забили бычка. После обеда Кьюни отпустила своих воинов и присоединилась к Виллису и Дитвайлеру в полковничьем штабе. Виллис, хорошо разбиравшийся в обычаях потогатанов, принес глиняную трубку и табак и передал по кругу. Дитвайлер из вежливости сделал маленькую затяжку, прежде чем передать трубку Кьюни.

— Майор Виллис рассказал, зачем мы послали за вами?

Она выдохнула несколько маленьких облачков.

— У вас проблемы с кашика. Это старая сказка. У всех проблемы с кашика.

— Но теперь серьезнее, чем обычно, — сказал Виллис. Он рассказал

ей об атаке на форт. О шамане. О разрушении стен. О глазах кашика.

Она молча слушала, пока он не кончил, затем отложила трубку.

— Покажите мне, где они стояли перед фортом, — сказала она.

Виллис провел ее через ворота, Дитвайлер, не выпуская из рук оружия и ворча, плелся позади. Кьюни задержалась ненадолго, изучая треснувшие опоры, затем сделала безошибочный шаг и без сопровождения Виллиса оказалась как раз там, где стоял шаман. Она встала на колени, пригнувшись, ее пальцы бороздили землю, которая стала рыхлой и необычайно черной.

Она отдернула руку и отскочила. Лицо ее сделалось суровым.

— Ай! Кечи. Очень плохо.

— Кечи? — отозвался Дитвайлер. — Я слышал это слово и прежде. Что это?

Кьюни прервала его, обращаясь к Виллису:

— Когда кашика обещал вернуться?

— Через шесть дней. Это будет, м-м-м, послезавтра, я думаю.

Кьюни подняла лицо и вгляделась в вечернее небо. Ее взгляд уловил белый осколок луны, который стал тоньше со дня нападения кашика.

— Эх, да. Глаз Солнца силен; кечи при нем не полон. Его сестра Луна имеет мягкий глаз. В следующую ночь ее глаз закроется. И тогда кечи будет свободен.

— Что за вздор? — спросил Дитвайлер. — Солнце, луна...

Не отвечая, Кьюни прошла мимо него через ворота, сделав своим спутникам знак следовать за ней. У Виллиса и Дитвайлера не было другого выбора, как только идти за ней тоже. Под стенами Кьюни быстро обменялась несколькими репликами со своими сопровождающими. Виллис, который гордился своими познаниями в языке потогатанов, сумел уловить лишь одно-два слова. Несколько раз промелькнуло «кечи», отчего взгляды молодых людей становились жестче, а лица мрачнее. Кьюни отдала юношам короткую команду, и они бегом кинулись в форт. Она повернулась к Виллису и Дитвайлеру, полковник был окончательно сбит с толку.

— Теперь слушайте, — сказал Дитвайлер. — Мы позвали вас, потому что думали, что вы поможете нам справиться с парой недоумков из племени кашика. Так если не можете...

— Может случиться, что не смету, — сказала она. — Это не просто кучка головорезов кашика. Я собираюсь сразиться с одним из их шаманов. Никто не знал, что придется столкнуться с кечи.

— Так что это за «кечи» такое? — спросил Виллис.

— Сильный дух. Демон из потустороннего мира. Он питается...

— Злые духи! — воскликнул полковник. — Ну уж хватит! Все это...

— Он не злой, — холодно прервала Кьюни. — Он... голодный. Ненасытный. Ему нужно еще и еще. То, что не может взять, оскверняет. Этот кашика, — спросила она у Виллиса, — он крупный человек? Мускулистый, крепкого сложения? — Майор кивнул. Кьюни тоже. — Ай, да. Силен телом, но слаб или болен душой, легкая добыча для голодного духа. Перед вами был не человек. Кечи взял его, майор Усач. Как дух, кечи не на многое способен. В теле воина, врываясь в мир, он может брать все, что пожелает. Он будет в теле кашика, пока то не превратится в прах, тогда возьмет другое тело, и еще одно, становясь все сильнее.

— Ты можешь уничтожить его?

В темных выразительных глазах молодой девушки мелькнула

неуверенность.

— Я не могу уничтожить его, — сказала она наконец, — никому не под силу разрушить ветер. Но мне, быть может, удастся загнать его обратно домой. — Голос ее стал живее. — Мне нужно подготовиться. Есть ритуалы и песни... Никто не должен меня беспокоить. Всего два дня. Так мало, но, думаю, этого хватит. Я выйду навстречу кечи.

Она развернулась и пошла к блокгаузу. Дитвайлер кинулся на Виллиса:

— Говорил, твои друзья помогут. Помощь! Черт побери, а ты подумал, что если кашика подожгут форт? А если они возьмут под контроль дороги и холмы? А там поселения, майор. Когда-нибудь видал, что случается с человеком после встречи с кучкой таких дьяволов? Или что они делают с захваченными женщинами? Я в ответе за их жизни, да и за жизни гарнизонных солдат. Я приму любую военную помощь, хоть и от дикарей. Но я не нуждаюсь в том; чтобы какая-то краснокожая индианка с диким взглядом «изгоняла духов», черт побери!

— Но кашика-то в это верят, полковник. Это может сыграть. Дайте ей исполнить все ее планы. По меньшей мере, она хотя бы сумеет заманить их в ловушку.

— Хм, «по меньшей мере» их нужно всех повесить, всех красных псов и щенков. Нельзя доверять никому из них, что бы они ни говорили. — Он коснулся своих усов. — «Кечи». Кашика впервые выкрикнул это нам, как только мы возвели частокол. Я даже думал, что это местное ругательство.

Ненасытный. Ему нужно еще и еще.

— Думаю, все идет правильно, полковник.

Ночь переплыла в день и опять в ночь. Кьюни заперлась в казарме, откуда доносилось ее пение, голос то повышался, то становился еле слышен, и так часами. Когда Дитвайлер явился на разведку, то обнаружил, что дверь охраняется юношами из племени потогатанов, которые безмолвно и твердо пресекли любые попытки проникнуть внутрь. Полковник набросился на Виллиса:

— Какого черта эта девчонка там делает? Воеет как бешеная собака. Это действует на нервы нашим людям. Пойди туда и посмотри, в чем дело.

— Сэр, я не могу прерывать ее ритуалов.

— Можешь и будешь. К черту все, от этого зависит жизнь людей, пойми! Губернатор доверил нам охранять эту землю. И я не хочу терять своих солдат из-за какой-то визгливой туземки. Выполняйте приказ, майор.

Виллис пошел неохотно. Он почти не надеялся увидеть Кьюни. Ребята наверняка развернут его обратно, и он доложит полковнику о своей неудаче, на том все и кончится. Однако юноши изнутри коротко приказали ему войти. Смущенный, он повиновался.

В комнате было темно и накурено; он не сразу разглядел, где Кьюни. Когда он шагнул внутрь, его нога Задела какой-то меховой комок, он даже споткнулся. Маленькие, но сильные руки поймали его. «Майор Усач». Голос Кьюни уже стал хриплым от многочасового пения. Она вернулась на свое место против дальней стены. Колдовской сверток потогатанов, о который он споткнулся, лежал открытым перед ней на полу. Она разрисовала свое лицо, руки, все тело алыми и черными полосками, на набедренной повязке, кроме которой на ней ничего не было, тоже

красовались какие-то символы. Повинуясь жесту девушки, он сел на пол, сверток оказался между ними.

— Зачем ты пришел?

— Чтобы, хм, проведать тебя, хм, тут... эти звуки... Тебе принести выпить? У нас есть немного виски, или...

— Нет. Спасибо, не нужно. У меня есть вода; ничего больше мне нельзя. Я должна быть чистой перед встречей с кечи.

— Не очень уверенно ты говоришь.

— Лучше бы на моем месте была моя прабабушка. Но ей слишком много зим, она не сможет приехать, даже если я пошлю за ней. Я просила своих воинов впустить тебя, если ты придешь. Мне нужна помощь, хотя бы от белого мужчины. Кечи не по силам большинству наших колдуний. Даже мне. И отец не подозревал, что кашика будут столь безрассудны.

— Безрассудны?

Она слегка кивнула:

— Этот форт стоит в самом сердце бывших земель кашика. Здесь кости и кровь их воинов. Теперь ваши люди накатили огромной белой волной, и кашика, словно в южной пустыне, сбились в стадо, их женщины слабеют, а дети голодают.

Она вонзила свои пальцы в пыль и растерла горсть земли.

— Очень давно, когда моя прабабушка была девушкой, кечи пришел к нам. Один из наших кланов был уничтожен белыми солдатами. Сын шамана призвал духов на помощь, и кечи овладел им. Впервые демон появился среди нас, чтобы обрести силу. Нам нужно было уничтожить его, но Старая Мать нашла песнь, которая выгнала его после долгой изнурительной борьбы. — Кьюни стряхнула пыль с рук. — С тех пор потогатане ищут лишь мира с белыми. Мы не должны вновь стать добычей слабости и открыть свои души для кечи.

Безрассудство...

— Я никогда об этом не думал. Даже не предполагал...

— Нам следовало бы предусмотреть это. Тот кашика был действительно безумен. Упустить демона — а-ай! Хорошо, что ты послал за мной. Кечи насытится у кашика. Затем займет ваш форт. Отсюда он двинется на потогатанов. Потом — дальше, на других ваших людей. Его голод неутолим. Мы должны остановить его здесь и сейчас, пока это еще в нашей власти.

— Ты говоришь, твоя прабабушка сражалась с ним и победила. Как? А ты сумеешь?

Кьюни тряхнула головой, ее распущенные черные волосы колыхнулись. Она осторожно дотронулась до колдовского свертка:

— Дух-защитник Старой Матери был Змей, — неуловимый и наносящий удары. Я — Койот, ловкий обманщик. — Глаза Виллиса, привыкшие к темноте, теперь различали, что колдовской сверток потогатанов сделан из шкуры койота. Оттуда Кьюни выдернула нож. — У меня нет ни быстроты Змеи, ни силы Медведя, ни отваги Орла. Только хитрость. Я должна выманить кеши из тела кашики и прогнать прочь. Дай мне твою руку.

Виллис повиновался не задумываясь. И вскрикнул, когда Кьюни провела ножом по его запястью, раскрыв небольшую ранку. Девушка держала его руку, и кровь капала на клинок. Затем резко отпустила и, прежде чем он успел бы остановить ее, полоснула себе по руке. Их кровь смешалась на клинке.

— Эгей! Вот наше оружие, майор Усач. Волшебство Людей Солнца и сила белого человека. Теперь оставь меня. Я должна приготовить приманку для кашика.

Виллис схватился за порез на руке. Кровотечение уже остановилось, как и у Кьюни. Волшебство потогатанов? Что она сказала?

— Приманка?

— Кечи уже много дней у кашика. Человеческое тело не может служить так долго... хоть оно и слушается его. Я зовусь сыном вождя, но у меня женское тело. А как я уже говорила, жадность кечи неутолима.

На закате кашика вернулись. Глаз луны уже закрылся, и тонкие пенистые облачка плыли, заслоняя собой слабый свет звезд. Ни звука не доносилось из казармы. Солдаты проверяли снова и снова свое оружие, нервно ворча, чуя нависшую опасность. Виллис услышал, или вообразил, что слышит, в воздухе дьявольский смех.

— Эй, собачьи дети! Пожиратели навоза! Вы все еще здесь? Выходите, встречайте свою смерть!

Виллис забрался на ближайший блокгауз. Взгляд шамана обжег холодом его сердце. Тело недавнего здоровяка больше не было горой мышц. Оно усохло, кожа обтянула кости. Ноги, тонкие как палки, едва держали его. Но голос еще гремел подобно пушечным раскатам, с силой, недоступной легким человека. Черные глаза зияли на сморщенном лице. Шестеро спутников тащились за ним следом как живые куклы.

Оно пожрет кашика... оно двинется против потогатанов... потом против ваших людей...

— По местам, ребята. — Дитвайлер вскарабкался на верхнюю галерею. — Ружья держать на взводе. Стрелять по моему приказу. Сколько их там, майор? — Полковник взглянул на пришедших и фыркнул. — Кажется, они не собираются задерживаться в этом мире, а? А я-то беспокоился всю неделю. Черт, пара предупредительных выстрелов, и они побегут сдаваться...

Большой Кашика захохотал и поднял руки.

Сила, прежде сотрясавшая стены, показалась легким весенним ветерком в сравнении с этим ураганом. Блокгауз пошатнулся и дрогнул. Сама земля встала на дыбы, как мустанг, по команде шамана. Ворота закрипели на петлях и в следующее мгновение взорвались дождем щепок.

Черная волна закрутила Виллиса, за ней накатила алая волна боли. Он успел соскочить прежде, чем блокгауз рухнул, но приземлился неудачно. Рука сломалась, и лодыжка скорее всего тоже, каждый вздох давался болезненными усилиями из-за переломанных ребер. Он не мог видеть Дитвайлера, но зато беспомощно наблюдал триумфаторский вход кашика.

Кто был в состоянии, открыли огонь. Ядра разрывались хлопками яркого пламени вокруг шамана. Он соединил свои руки дугой, и солдаты попадали с ног прямо в грязь. Ни один не пытался подняться. Они задыхались, судорожно хватая землю, в их лицах отдавалась та же боль и тоска, что и у Виллиса, который чувствовал, что силы уходят, будто...

Будто кто-то вытягивал их, опустошал их жизни.

Большой Кашика приостановился. Он повел носом, словно собака в поисках следа. Прямо сквозь звон в ушах Виллис услышал голос, юный и

чистый, поющий песнь, родившуюся за века до появления людей Виллиса на этой земле.

Кьюни шагнула через изгородь, распущенные волосы спускались до бедер, обнаженное тело изрисовано черным и красным. Девушка приблизилась к Большому Кашика, исполняя свою песнь, и никакого страха не было в ее глазах. Правой рукой она выхватила нож с застывшей на лезвии кровью.

Слабость, которую ощущал Виллис, улетучилась. Кашика забыл о нем. Он увидел Кьюни. Человек, или то, что управляло им, почувствовал жажду — женщины, ее жизни и души, силу, которая была в ней. Ножа он не видел, или не принял его в расчет. Кашика оскалился, как голодная пума, и бросился на нее.

Кьюни оставалась недосягаемой. Кашика прыгнул. Она увернулась, дразня его с насмешливым твяканьем койота. Она заставила Кашика танцевать, прыгать, кружиться и дергаться. Кьюни не пыталась воспользоваться ножом. Пение ее не прерывалось.

Правая рука Виллиса затекла, но работала. Он попытался нащупать свой пистолет. Да что это с ней? У нее же есть нож. Почему она не убьет его? По площадке промчался легкий ветерок, будто притянутый к земле ее пением. «Скоро, — прошелестел он. — Еще чуть-чуть. Жди».

Кьюни пропустила шаг и чуть запнулась. Кашика тут же схватил ее и потащил на себя. Он облизнулся и забормотал.

Кьюни изогнулась в его объятиях. И ударила его в плечо. Кровь на лезвии проникла глубже, чем металл; магия Кьюни, в сочетании со знакомым вкусом белой крови, пронзила духа. Кашика взревел.

Недели спустя Виллис молился, чтобы все, что последовало дальше, лишь привиделось ему от боли. Высушенное тело каши-ка треснуло, подобно сухой шелухе. Нечто бесформенное беззвучно поднялось из него, движущееся облако без цвета и запаха. Виллис мог видеть, что губы Кьюни шевелятся; она, должно быть, продолжала петь, хотя слов стало не слышно. Весь звук, весь свет — все втянулось в кечи. И только ветер все нарастал.

Кечи вытягивался в бесцветные петли и обвивался вокруг тела Кьюни. Он сжимался, покрывая ее. А ветер вырастал в бурю, разрывая кечи. Демон цепко держал свою жертву. Облака же, не обладавшие хваткой кечи, уносились ветром. Через минуту небо очистилось.

Глаз Солнца взирал сверху на мир.

Освободившись от покрывала облаков, лучи рассвета ударили кечи. Он начал испаряться, как жидкий мерцающий огонь. Тонкий вопль пронзил сознание Виллиса... или это было подвывание ветра? Кечи пытался сконденсироваться, борясь с непреодолимым солнечным светом. В минуту, когда он отвлекся, Кьюни высвободила руку с ножом и погрузила оружие вглубь кечи.

Мир на мгновение почернел перед Виллисом. Он сощурился, фокусируя взгляд, и увидел Кьюни, качающуюся запыхавшуюся обнаженную фигурку на фоне зарева восхода. А кечи и следа не осталось.

Тоскливый вой донесся от разрушенных ворот. Спутники Большого Кашика бестолково метались: сила, поддерживавшая их и питаемая ими, ушла. Кьюни повернулась к ним и подняла руки, в одной тускло поблескивало лезвие ножа. Она прокричала на языке кашика:

— Эй! Этот форт и все, что в нем, находятся под защитой потогатанов. Я, Кьюни, сын Идущего Сквозь Огонь и победитель кечи,

говорю это. Кто бросит мне вызов?

Люди глазели то на нее, то на останки своего шамана. Попятившись, они отошли от ворот. Поначалу нетвердо, потом шатким бегом, кашика бросились прочь. Они вскарабкались на своих пони и поскакали галопом в сторону холмов.

Виллис приподнялся на здоровом локте и огляделся. Кто пытался встать на ноги, кто лежал без сознания там, где их застала атака кечи. Полковник Дитвайлер тоже лежал чуть позади Виллиса со сломанной ногой и множеством кровоподтеков. Виллис был рад, что полковник не видел последней сцены; от этого майору легче будет составить надлежащий рапорт. Когда Виллису удалось подняться, ноги Кьюни подкосились и она тяжело опустилась на землю. Превозмогая боль, он улыбнулся и подобрался к ней поближе:

— Кьюни...

— Я жива, благодарение Солнцу и Духу-Творцу. — Ее лицо посерело, а голос дрожал. — Ай! Мне не хотелось бы повторить такое еще раз. Я боялась, что кечи заберет меня вместе с Кашикой.

— Солнце... Ты должна была держать его здесь... до восхода солнца?

— Хей, да. Старая Мать раскрыла мне слабые стороны кечи. Она звала своей песней Солнце. Кечи не в силах бороться с его магией и силой одновременно, вот он и бежал. Сегодня ночью я сложу песнь благодарения и спою ей по возвращении домой.

— Он умер?

— Не умер. Он вернулся к себе назад. Им не нужно этого знать. — Она кивнула в сторону убежавших кашика. — Теперь они не скоро рискнут угрожать вашему форту снова. — Ее усталый взгляд вернулся к останкам шамана, которые солнце уже превратило в порошок. — Может, ваши солдаты поедут прямо сейчас, чтобы согнать их с холмов?

— ...не думаю, что это необходимо.

— Хей, так и есть. Он не был злым человеком. Только слабым на горе своего народа.

Кьюни начертила знак вокруг тела Кашики и бросила нож в кучу золы и костей. Затем совсем повисла на здоровой руке Виллиса:

— Теперь я согласна выпить то, что вы предлагали, майор Усач.

Три дня спустя Кьюни покинула форт. С собой она везла множество подарков, благодарственное письмо от прикованного к постели полковника Дитвайлера и уводила гнедую кобылу; выбранную им лично. Виллис, будучи не в состоянии ехать с ней, вышел проводить к воротам.

— Ты скоро приедешь к нам? — спросила она. — Отец будет очень рад видеть тебя снова. И я тоже.

— Пока не могу. Сначала надо все починить. — Он усмешкой показал на сломанную руку и порушенные стены. — Может быть, в другое время.

— Если такое время у нас будет. Кашика ушли. Скоро их землю займут ваши люди. Хватит ли им. земли? Или однажды солдаты пойдут против потогатанов, как шли против кашика?

Больно было слышать горечь в голосе Кьюни. Особенно оттого, что он предполагал именно такое развитие событий; Виллис много раз это видел. Поселенцы ненасытны, а здешняя земля плодородна и богата дичью.

— Кьюни, я не могу поручиться...

Она кивнула:

— Что будет — то будет. Мы делаем то, что должны. Я дочь вождя и

обязана заботиться о благополучии моего народа. Знай, мы всегда ждем тебя к себе. Да улыбается тебе Солнце, майор Усач.

Кьюни развернула кобылу на восток и поскакала прочь, два юноши за ней, держа в поводу нагруженного подарками пони. Виллис провожал их взглядом, пока на горизонте не осталось лишь пыльное облачко.

— Хорошая девушка, — Дитвайлер отметил со своей кровати, когда Виллис вернулся рапортовать. — Для дикарки, я имею в виду. Разведчики докладывают, что кашика отправились к югу, в резервации. Она, должно быть, здорово их напугала. Вполне дельный военный расчет с ее стороны. Она получила свою награду?

— Лошадь? Кажется, кобыла ей понравилась. Я думаю...

— Не лошадь. — Он ухмыльнулся. — Она без особых претензий. Ничего такого и не попросила, не то что обычно эти жадные дикари. Она только хотела прогуляться по форту. Я приказал капитану Калтеру...

В душе у Виллиса похолодело.

— Вы... показали ей весь периметр? Огневые точки, артиллерию, расположение войск...

— О, черт, майор! Она всего лишь девчонка. Краснокожая к тому же. Держу пари, на нее наши укрепления произвели впечатление. И теперь она будет рассказывать своему племени. Пойми, у нас не будет с ними проблем.

Девчонка. Избранная сыном вождя, чьей первой обязанностью стало служить своему народу. Хранительница песен, женщина, обладающая сразу и политической, и сверхъестественной силой. Ловкая обманщица, однажды изгнавшая демона.

Позже, когда полковник Дитвайлер сочинял рапорт губернатору, Виллис сделал полную опись пороха и орудий, продовольственных запасов, количества и состояния лошадей, проверил готовность солдат к бою. И втихомолку удвоил охрану по восточному периметру.

Примечание автора

Индийские племена, описанные в рассказе, никогда не существовали, но были выдуманы на основе обобщения традиций и верований различных обитателей прерий и пустынь. Прочее — результат авторского воображения.

П. Е. Каннингем

Н. Скотт Момадэй

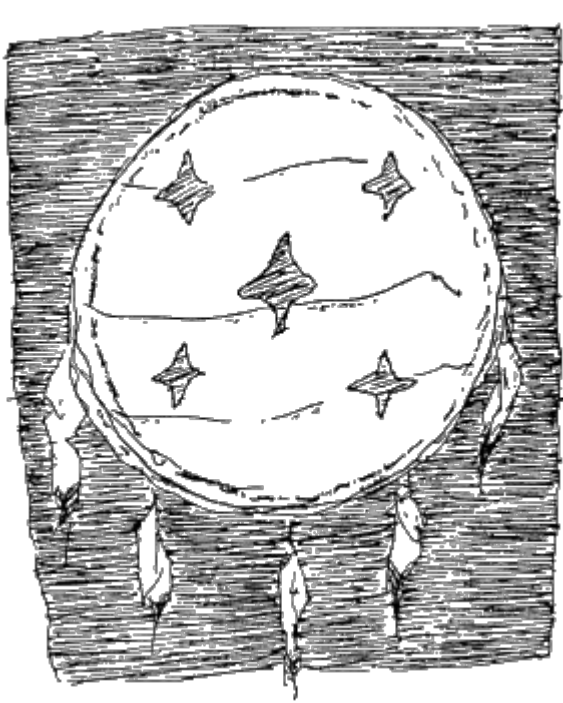
ДВЕ ИСТОРИИ ИЗ «СОБРАНИЯ ЩИТОВ»

Публикуется с согласия автора

Перевёл Александр Ващенко

ЩИТ ПОТрясенных НЕБЕС

Зимой 1855 года падали звезды. В смертельном ужасе люди с воплями метались вокруг и рвали на себе волосы. Лишь один человек, старик Верните Его, не боялся. Когда поднялось смятение, он вышел из своего типи и уселся на землю, скрестив ноги, глядя на сверкающий хаос над головой. Повсюду холодные, черные зимние небеса пронзали летучие вспышки огня. Казалось, свыше обрушивались мировые своды. Паника нарастала, но старик Верните Его оставался самым собою — пристальным наблюдателем. Заметьте: он не был вовсе невозмутим, но оставался внимателен, восприимчив. После, глядя на щит, который сделал, он сказал жене своей, Голубому Копытцу: «Я хотел видеть все целиком, эти потрясенные небеса, и вобрать их в себя. Мои старые глаза просто жаждали этого. Я был так любопытен, так захвачен дивом и ужасающим наслаждением — впервые с тех пор, как помню себя ребенком. Я был словно щенок, гонящийся за бабочками».

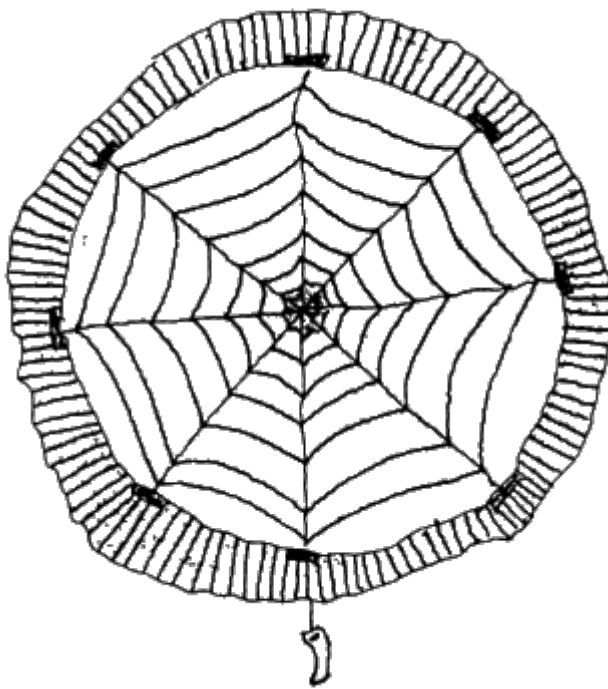

ЩИТ БОТЕ-ТАЛИ

Боте-тали встретил Паучиху. Рано утром пошел он купаться. А когда добрался до берега, взглянул перед собою вверх, на солнце. Там, прямо перед глазами, была паутина. То был светящийся сверкающий щит. Боте-тали долго глядел на него. Щит был так прекрасен, что хотелось заплакать. Ему стало любопытно, так ли он крепок, как красив. Он стал плескать на щит водой, полными пригоршнями, снова и снова, но тот оставался цел и лишь блестел еще сильнее. Потом в лучах солнца на паутине явился паук.

— Паучиха, — сказал Боте-тали, — подари мне этот совершенный щит!

— Боте-тали, — сказала Паучиха, — вот тебе щит.

Майк Резник

СЕМЬ ВИДОВ УЩЕЛЯ ОЛДУВАЙ

Мы продолжаем выполнять свои обещания читателям, и в этом номере нашего журнала — очередной лауреат премии «Небьюла» из числа постоянных авторов «Fantasy & Science Fiction», уже знакомый вам по публикациям в прошлых выпусках. «Несколько лет назад при встрече Майк Резник рассказал мне, что планирует написать рассказ специально для F&SF». «Научная фантастика, — сказал он, — тебе должно понравиться. Когда же рассказ лег на мой стол, я поняла, что Майк прав лишь в двух пунктах из трех. Научная фантастика, прекрасно подходит для «F&SF», но мне рассказ не просто понравился — он заворожил меня». Такими словами главный редактор нашего американского прототипа Кристин Раш предварила осенью 1994 года журнальную публикацию помести «Семь видов ущелья Олдувай». Рассказ понравился не только ей, но и читателям, и жюри престижнейшей премии «Небьюла». Майк Резник верен африканской теме.

© Mike Resnick. Seven Views Of Olduvai Gorge.

F&SF October/November 1994.

Перевела Мария Галина

Этой ночью существа пришли вновь.

Луна только что исчезла за облаками, когда мы уловили первые шорохи в траве. Затем наступило мгновение полной тишины, как будто они знали, что мы поджидаем их и, наконец, разнеслись знакомые крики и шум, словно они, окружив нас, остановились в пятидесяти метрах, застыв в злобных позах и визжа.

Они привлекали меня тем, что никогда не появлялись при дневном свете, но тем не менее явно не походили ни на одно типичное ночное животное. Глаза не больше обычного, уши не слишком подвижны, поступь тяжелая. Большинство членов отряда боялись этих существ, но, поскольку меня они заинтересовали, все же стоило отловить для изучения хоть, одного из них.

Правду сказать, я думаю, что моя способность к Поглощению пугает моих спутников больше, чем существа сами по себе, хотя на то нет никаких причин. Несмотря на то, что я относительно молод по меркам моей расы, я тем не менее на много тысячелетий старше, чем любой другой участник отряда. И они должны бы понимать, что никто в моем возрасте не рискует жизнью понапрасну.

Тем не менее это мое свойство беспокоит моих спутников, более того, *озадачивает* не меньше, чем моя память. Точно так же, как их память кажется мне неэффективной. Представьте только, что нужно выучить все за одну жизнь, что ты рождаешься абсолютно невежественным! Насколько лучше отделиться от родителя вместе с его знаниями, внедренными в твой мозг, так, как пришли они к *моему* родителю и, в конце концов, ко мне.

Но для того мы здесь и находимся: не искать сходство, а изучать отличия. И никогда не было расы столь отличной от других, как Человек. Он вымер всего через семнадцать тысячелетий после того, как смело шагнул в Галактику, отсюда, с планеты, где родился, — но за этот короткий период он вписал в галактическую историю главу, которая останется навечно. Он предъявил права на звезды, колонизировал миллионы миров, железной волей управляя своей империей. Он не жалел себя в пору расцвета своей мощи и не просил пощады во времена краха и падения. Даже сейчас, почти сорок восемь столетий спустя после гибели Человека, достижения и неудачи его все еще поражают воображение.

Вот почему мы на Земле, на том самом месте, где, как полагают, Человек появился на свет, в горном ущелье, где он впервые перешагнул эволюционный барьер, впервые увидел звезды и поклялся, что когда-нибудь они будут принадлежать ему.

Наш лидер — Беллидор, Старейшина народа Крагана, оранжевокожий, покрытый золотой шерстью, мудрый и осторожный. Беллидор отлично осведомлен об особенностях поведения различных разумных существ и разрешает наши споры еще до того, как мы даже успеваем понять, что спорим.

Кроме него в отряд входят Близнецы Звездной Пыли, блестящие серебристые существа, которые откликаются оба на одно и то же имя и додумывают мысли друг друга. Даже *они*, проработавшие в семнадцати археологических экспедициях, были удивлены, когда Беллидор выбрал их для этой самой престижной из всех миссий. Близнецы ведут себя как супруги, несмотря на то, что никаких видимых сексуальных различий между ними нет — но, подобно всем остальным, они избегают физического контакта со мной, поэтому я не могу удовлетворить свое любопытство.

Еще один наш спутник — Морито, который ест землю, словно это деликатес, ни с кем не разговаривает и спит вниз головой, висая на ветке ближайшего дерева. По каким-то причинам, существа никогда не беспокоят его. Может быть, потому что думают, что он мертв, а, возможно, они знают, что он спит и что только лучи солнца способны разбудить его. Как бы там ни было, без Морито мы бы пропали, потому что только его чувствительные усики, растущие изо рта, могут извлекать из земли древние артефакты, которые мы изучаем с надлежащей тщательностью.

В отряде еще четыре представителя других рас: Историк, Экзобиолог, Культуролог и Мистик. (По крайней мере, я *допускаю*, что она — Мистик, потому как не могу понять, на что она еще способна, но это может быть связано с моей собственной ограниченностью. В конце концов, ведь и то, что делаю я, кажется моим спутникам волшебством, тогда как на самом деле это точная прикладная наука.)

И, наконец, я. У меня нет имени, мой народ не использует их, но для удобства отряда на время экспедиции я взял имя Тот, Кто Наблюдает. Здесь двойная путаница: я — не он, у моей расы нет пола; я — не наблюдатель, я — Чувствователь Четвертого Уровня. Еще в самом начале путешествия я интуитивно понял, что под словом «чувствовать» мои спутники понимают нечто совершенно иное, нежели я, и из уважения к ним, я выбрал менее точное имя.

Каждый день застает нас за работой, мы изучаем различные напластования. Эта область когда-то явно кишела живыми существами, здесь произошел настоящий взрыв различных жизненных форм, но теперь от них мало что осталось. Всего лишь несколько видов насекомых и птиц, несколько мелких грызунов и, конечно, те существа, которые каждую ночь навещают лагерь.

Наша коллекция медленно растет. Увлекательно наблюдать, как мои спутники выполняют свои задачи, поскольку очень часто их методы не менее загадочны для меня, чем мои для них. Например, Экзобиологу достаточно только плавно пошевелить щупальцем над объектом, чтобы сообщить нам, останки ли это живого существа или нет; Историк, окруженный сложным оборудованием, может датировать любые, в том числе и углеродные живые останки с точностью до десятилетия, вне зависимости от степени сохранности; и даже Морито достоин восхищения, когда осторожно извлекает артефакты из напластований, где они так долго покоились.

Я очень рад, что меня избрали для участия в этой экспедиции.

Мы здесь уже два лунных цикла, но работа продвигается медленно. Нижний слой был сплошь раскопан несколько геологических эпох назад (я настолько увлекся изучением Человека, что чуть не использовал слово «разграблен» вместо «раскопан», до того я раздосадован тем, что мы находим меньше артефактов, чем мне хотелось бы), а в более свежих напластованиях по причинам еще неизвестным практически ничего не сохранилось.

Большинство из нас довольны результатами, и Беллидор находится в чрезвычайно приподнятом состоянии духа. Он говорит, что нашей экспедиции выпала огромная удача найти пять практически нетронутых артефактов.

Все, кроме меня, неустойчиво работали с самого начала. А сейчас пришло время и мне проявить свои способности, и я очень взволнован» Я

понимаю, что ничего особенно важного по сравнению с остальными мне не узнать, но, возможно, когда мы сопоставим все наши данные, мы сможем, наконец, хоть немного понять, что же все-таки сделало Человека тем, чем он был.

— Ты... — спросил первый Близнец.

— ...готов? — окончил второй.

Я ответил, что готов, что ждал этой минуты с нетерпением.

— Нам можно...

— ...посмотреть? — спросили они.

— Если вам это не противно, — ответил я.

— Мы...

— ...ученые, — сказали они. — Существует очень...

— ...мало такого...

— ...что мы не можем воспринимать...

— ...беспристрастно.

Я переместился к столу, на котором лежал артефакт. Это был камень, по крайней мере, так представлялось моим наружным органам чувств. Треугольный, с обработанными краями.

— Сколько ему? — поинтересовался я.

— Три миллиона...

— ...пятьсот шестьдесят одна тысяча...

— ...восемьсот двенадцать лет, — ответили Близнецы.

— Понял, — сказал я.

— Это одна из самых...

— ...старых...

— ...наших находок.

Я долго смотрел на объект, готовясь. Затем медленно, осторожно изменил свою структуру и позволил телу расплыться над камнем, обволакивая его и впитывая его историю. По мере того, как мы с ним сливались в одно целое, я погружался в живительное тепло, и, несмотря на то, что все мои внешние чувства отключились, я знал, что трепещу и пылаю, охваченный радостью открытия. Теперь мы с камнем стали единым целым, и предназначенным для Ощущения уголком разума я, казалось, увидел низко над горизонтом зловещие очертания земной Луны.

* * *

Энкатаи внезапно проснулась на рассвете и посмотрела на луну, которая до сих пор стояла высоко в небе. Даже спустя несколько недель она все еще выглядела слишком большой, чтобы висеть в небесах, и, казалось, вот-вот упадет на поверхность планеты. Ночной кошмар не оставлял Энкатаи, и она попыталась представить успокаивающий свет пяти маленьких, дружелюбных лун, перекачивающихся по серебристому небу ее родного мира. Но зрелище это лишь на миг задержалось перед внутренним взором, а затем уступило место реальности, представшей в виде огромного нависшего спутника Земли.

К Энкатаи подошел Бокату.

— Еще один сон? — спросил он.

— В точности как до этого, — ответила она обеспокоенно. — Луна на дневном небе, а потом мы начинаем спускаться по тропинке...

Он сочувственно взглянул на нее и предложил еду. Энкатаи с благодарностью приняла ее и оглядела вельд.

— Всего два дня, — вздохнула она, — и мы можем убраться из этого страшного места.

— Этот мир не так уж и страшен, — ответил Бокату, — в нем есть и много хорошего.

— Мы только потеряли здесь время, — возразила Энкатаи, — он не подходит для колонизации.

— Да, не подходит, — согласился он. — Наши растения не могут расти на этой почве, и вода не годится. Но мы приобрели много полезных знаний, — знаний, которые в конечном счете помогут нам выбрать подходящий мир.

— Большинство из них мы получили за первую неделю пребывания. Все остальное время потрачено впустую.

— Корабль должен исследовать и другие миры. Откуда же им знать, что нам так быстро удастся выяснить, что этот непригоден.

Она поежилась в прохладном утреннем воздухе;

— Я ненавижу это место.

— Когда-нибудь этот мир станет прекрасным, — произнес Бокату. — Стоит только бурым обезьянам эволюционировать...

Как раз в это время неподалеку показался громадный бабуин, весом около 350 фунтов, мускулистый, с волосатой грудью и любопытными, нахальными глазами. Даже на четвереньках он выглядел внушительно — вдвое больше, чем крупные пятнистые кошки.

— Пусть для нас этот мир не пригоден, — продолжал Бокату, — но когда-нибудь *его* потомки рассеются по нему.

— Они выглядят такими мирными, — заметила Энкатаи.

— Они и есть мирные, — согласился Бокату, швыряя кусок пищи бабуину, бросившемуся вперед, чтобы подобрать его с земли. Обезьяна обнюхала кусок, словно решая, стоит ли пробовать его или нет, и наконец, поколебавшись мгновение, положила в рот. — Но они будут господствовать на этой планете. Огромные травоядные затрачивают слишком много времени на еду, а хищники все время спят. Нет, я ставлю на бурых обезьян. Они славные, сильные, разумные животные. Большой палец у них уже противопоставлен остальным, они обладают мощным общественным инстинктом, и даже крупные кошки дважды подумают, прежде чем напасть на них. В сущности, у них нет естественных врагов. — Он кивнул, соглашаясь сам с собой. — Да, именно они будут через тысячелетия господствовать в этом мире.

— Разве у них нет врагов? — переспросила Энкатаи.

— О, я думаю, что иногда поодиночке они становятся добычей больших кошек, но даже те не решаются напасть, когда обезьяны объединяются в группу. — Он взглянул на бабуина. — У этого парня достанет сил, чтобы разорвать на кусочки любую кошку, кроме самой крупной.

— Тогда как ты объяснишь то, что мы нашли на дне ущелья? — упорствовала она.

— С увеличением размеров они утратили проворство. Поэтому, естественно, оступившись, они иногда разбиваются насмерть, сорвавшись с горы.

— Иногда? — повторила она. — Я нашла семь черепов, каждый из них раздроблен, словно от удара.

— Сила падения, — Бокату пожал плечами, — ты же не думаешь, что большие кошки разmozжили им головы, прежде чем убить?

— Я имела в виду не кошек, — ответила она.

— Кого же тогда?

— Маленьких бесхвостых обезьян, которые живут в ущелье.

Бокату позволил себе снисходительно улыбнуться.

— Ты хорошо *рассмотрела* их? Они же в четыре раза меньше бурых обезьян.

— Я рассмотрела их. И у них тоже противопоставлен большой палец, — возразила Энкатаи.

— Этого еще недостаточно, — произнес Бокату.

— Они живут в тени бурых обезьян, и они все еще здесь, — сказала она. — *Этого* достаточно.

— Бурые обезьяны поедают фрукты и растительность. С чего бы им беспокоить бесхвостых обезьян?

— Они не просто не беспокоят их. Они их избегают. Странно для вида, который в один прекрасный день рассеется по всему миру.

Бокату покачал головой:

— Бесхвостые обезьяны, видимо, представляют собой тупиковую ветвь эволюции. Слишком малы, чтобы охотиться, слишком велики, чтобы прокормиться тем, что могут найти в ущелье, слишком слабы, чтобы соревноваться с бурыми обезьянами за лучшие территории. Я полагаю, что это более ранний, более примитивный вид, обреченный на исчезновение.

— Возможно, — ответила Энкатаи.

— Ты не согласна?

— В них есть кое-что...

— Что?

Энкатаи пожала плечами:

— Я не знаю. Мне из-за них неуютно. Что-то такое в их глазах, я думаю... огонек злорадства.

— Ты выдумываешь.

— Возможно, — повторила она.

— Сегодня мне нужно написать отчеты, — сказал Бока-ту, — но завтра я тебе это докажу.

На следующее утро Бокату проснулся с первыми лучами солнца. Пока Энкатаи заканчивала молиться, он приготовил первую утреннюю пищу, а затем, пока она ела, помолился сам.

— Теперь, — объявил он, — мы спустимся в ущелье и поймем одну из бесхвостых обезьян.

— Зачем?

— Чтобы показать тебе, насколько это легко. Может, я возьму ее с собой, в качестве ручного зверька. А может быть, мы пожертвуем ее лаборатории и узнаем больше о ее жизненных процессах.

— Я не *хочу* ручного зверька, и нас не уполномочивали убивать животных.

— Как хочешь, — сказал Бокату, — мы можем и отпустить ее.

— Тогда зачем же ловить?

— Чтобы показать тебе, что они не разумны, потому что, если они так умны, как ты думаешь, я не смогу их поймать. — Он потянул Энкатаи за собой. — Давай начнем.

— Это глупо, — запротестовала она, — днем придет корабль Почему

нам просто не подождать его?

— Мы вернемся вовремя, — уверенно ответил Бокату. — Сколько это может занять времени?

Она посмотрела на ясное синее небо, словно пытаясь разглядеть в нем приближающийся корабль. Луна, огромная и белая, висела прямо над горизонтом. Наконец Энкатаи обернулась:

— Ладно, я пойду с тобой... но только, если ты обещаешь просто наблюдать за ними и не будешь пытаться их ловить.

— Значит, ты признаёшь, что я прав?

— Что бы я ни сказала, по существу, не имеет значения. Я *надеюсь*, что ты прав, потому что бесхвостые обезьяны пугают меня. Но я не знаю, прав ли ты, да и ты сам этого не знаешь.

Бокату долго смотрел на нее.

— Согласен, — произнес он наконец.

— Согласен, что не можешь знать, прав ли ты?

— Согласен не ловить их, — сказал он. — Пошли.

Они подошли к краю ущелья и начали спускаться, скользя по склону и хватаясь за деревья и кустарники, чтобы удержать равновесие. Внезапно раздался громкий вопль.

— Что это? — спросил Бокату.

— Они увидели нас, — ответила Энкатаи.

— Почему ты так думаешь?

— Я уже слышала такой вопль во сне... и всегда луна выглядела в точности, как сейчас.

— Странно, — пробормотал Бокату. — Раньше я много раз слышал, как они кричат, но теперь почему-то их крик мне кажется более громким.

— Может быть потому, что их сейчас больше.

— Или они напуганы сильнее, — сказал он. Бокату посмотрел вверх. — Вот в чем дело, — он указал вдаль, — нас сопровождают.

Она подняла глаза и увидела огромного бабуина, таких больших она еще не встречала, следовавшего за ними на расстоянии примерно пятидесяти футов. Когда их взгляды встретились, он что-то проворчал и отвернулся, но даже не попытался ни подойти ближе, ни ретироваться.

Они продолжали карабкаться, и где бы они ни останавливались передохнуть, в пятидесяти футах от них маячил бабуин.

— Неужели он кажется тебе испуганным? — спросил Бокату. — Если бы эти маленькие хилые создания могли повредить ему, разве он спускался бы за нами в ущелье?

— От храбрости до глупости один шаг, а от уверенности до самоуверенности — и того меньше, — заметила Энкатаи.

— Если он и погибнет здесь, то так же, как все остальные, сказал Бокату, — потеряет равновесие и разобьется.

— Ты не находишь странным, что все они, падая, разбивают голову? — мягко поинтересовалась она.

— У них разможены все кости. Я не знаю, почему ты твердишь об одной только голове.

— Потому что при разных несчастных случаях не бывает одинаковых ран на голове.

— У тебя чересчур бурное воображение, — он показал вниз на маленькое волосатое создание, которое внимательно их разглядывало. — И вот он, по-твоему, способен убить нашего приятеля?

Бабуин поглядел вниз и сердито заворчал. Бесхвостая обезьянка

смотрела на него без тени страха и даже интереса. Наконец, она нырнула в густые заросли.

— Видела? — самодовольно спросил Бокату. — Едва лишь увидела бурую обезьяну и уже пропала из виду.

— Не похоже, что она испугалась, — заметила Энкатаи.

— Еще одна причина, чтобы сомневаться в их разумности.

Еще через несколько минут они добрались до площадки, где раньше сидела бесхвостая обезьяна. Отдохнув, они продолжили спуск на дно ущелья.

— Никого, — объявил Бокату, оглядываясь. — Я думаю, что та обезьянка была их часовым, и сейчас вся компания за милю отсюда.

— Посмотри на нашего спутника.

Бабуин добрался до дна ущелья и напряженно принюхивался к ветру.

— Он еще не перешагнул через эволюционный барьер, — Бокату усмехнулся. — Он вынюхивает хищника. Ты не думаешь, что у него уже есть для этого специальное оборудование?

— Нет, — Энкатаи разглядывала бабуина. — Но, если бы здесь не было опасности, я думаю, он бы расслабился, а он *все* еще в напряжении.

— Вот, видимо, потому он и прожил достаточно долго, чтобы вырасти таким большим, — Бокату пропустил ее замечание мимо ушей. Он огляделся. — Что же они могут тут есть?

— Я не знаю.

— Наверное, мы должны отловить одну обезьянку и вскрыть ее. Содержимое желудка многое может рассказать.

— Ты же обещал.

— Это было бы так просто, — настаивал он, — всего лишь поставить приманку с фруктами или орехами.

Неожиданно сердито заворчал бабуин, и Бокату с Энкатаи обернулись, чтобы поглядеть, что его так встревожило. Вокруг ничего не было, но бабуин становился все более и более возбужденным. Наконец он помчался вверх по склону ущелья.

— Что все это значит, хотел бы я знать, — пробормотал Бокату.

— Я думаю, мы должны уйти.

— Но у нас еще полдня до прихода корабля.

— Мне здесь беспокойно. Мы спускались точно как в моем сне.

— Ты не привыкла к солнечному свету, — сказал он. — Мы отдохнем в пещере.

Она неохотно разрешила подвести себя к маленькой пещере на склоне ущелья. Внезапно Энкатаи остановилась как вкопанная.

— В чем дело?

— Эта пещера была в моем сне. Не входи туда.

— Ты должна научиться не разрешать снам управлять твоей жизнью, — Бокату принюхался, — что-то странно пахнет.

— Пошли назад. Нам тут нечего делать.

Он заглянул в пещеру:

— Новый мир, новые запахи.

— Пожалуйста, Бокату!

— Я только посмотрю, что так пахнет. — Он направил в пещеру свет фонаря. Перед ним высилась груда тел, полусъеденных, частью уже разложившихся.

— Кто это? — спросил он, подходя поближе.

— Бурые обезьяны, — ответила она не глядя, — у каждой размозжена

голова.

— Это тоже часть твоего сна? — с неожиданным беспокойством спросил он.

Она кивнула:

— Мы *сейчас же* должны уйти!

Бокату подошел ко входу в пещеру:

— Она выглядит безопасной.

— Во сне она никогда не была безопасной, — напряженно проговорила Энкатаи.

Отойдя от пещеры примерно ярдов на пятьдесят, они добрались до изгиба на дне ущелья и, миновав его, увидели бесхвостую обезьяну.

— Похоже, одна из них подзадержалась, — сказал Бокату. — Я прогоню ее.

Он поднял камень и запустил им в обезьяну, которая увернулась, но не сдвинулась с места.

Энкатаи резко дернула его за плечо:

— Больше чем одна.

Он посмотрел вверх. Еще две бесхвостые обезьяны сидели на дереве почти прямо над головой. Отступив в сторону, он увидел еще четырех обезьян, с шумом несущихся к нему из зарослей. Другие возникли из пещеры, и еще три спрыгнули с ближайших деревьев.

— Что они держат в лапах? — нервно спросил Бокату.

— Ты бы назвал это бедренной костью травоядных, — сказала Энкатаи, чувствуя неприятную дрожь в коленках, — *они* бы назвали это оружием.

Обезьяны рассеялись вокруг них полукругом и начали медленно приближаться.

— Но они же такие *тщедушные* ! — воскликнул Бокату. Он отступал назад до тех пор, пока не уперся в склон, дальше идти было некуда.

— Ты дурак! — сказала Энкатаи, и ловушка ее снов захлопнулась, превратившись в реальность. — *Эта* раса будет господствовать здесь, на планете. Взгляни им в глаза!

И Бокату увидел — нечто ужасное, пугающее, чего он никогда прежде не видел ни у одного существа, ни у одного животного. Ему едва хватило времени приготовиться к короткой молитве, в которой он просил какое-нибудь несчастье пасть на голову этой расы прежде, чем она могла бы достичь звезд, а потом бесхвостая обезьяна швырнула ему в голову гладкий, блестящий треугольный камень. Бокату пошатнулся, и когда он упал на землю, дубинки начали ритмично колотить по нему и Энкатаи.

На вершине ущелья *бабуин* наблюдал за кровавой бойней до тех пор, пока она не окончилась, а потом помчался по направлению к бескрайней саванне, где, по крайней мере временно, он будет в безопасности от бесхвостых обезьян.

* * *

— Оружие, — пробормотал я — Это *оружие* !

Я был один. Во время Чувствования Близнецы пришли к выводу, что я — одно из тех немногих явлений, к которым они не могут относиться беспристрастно, и возвратились в свою палатку.

Я подождал, пока ко мне не вернется способность контролировать свою физическую структуру, и, когда волнение, вызванное открытием

угасло, опять принял ту форму, в которой появлялся перед спутниками и сообщил о моих находках Беллидору.

— Значит, даже тогда они были агрессорами, — сказал он. — Что ж, это неудивительно. Воля к господству на звездах должна была откуда-то проистекать.

— Удивительно, что никаких сведений о том, что Землю в доисторические времена посещали, не сохранилось, — заметил Историк.

— Это была исследовательская группа, и Земля не представляла для них интереса, — ответил я. — Она оказалась просто одной из множества планет. Если где-то и сохранились сведения, то возможно в архивах этой расы, где зафиксировано, что Земля не пригодна для колонизации.

— Но неужели их никогда не интересовало, что произошло с группой? — спросил Беллидор.

— В окрестностях бродило много плотоядных, — объяснил я. — Возможно, они решили, что группа пала их жертвой. Особенно, если они осмотрели местность и ничего не нашли.

— Интересно, — заметил Беллидор, — что господства удалось достичь более слабому из двух видов.

— Я думаю, это очень легко объяснить, — заметил Историк. — Будучи мелким видом, они не обладали ни быстротой своих жертв, ни силой хищников, поэтому создание оружия, возможно, явилось единственным способом избежать исчезновения... или, по крайней мере, более надежным способом.

— И все же за тысячелетия распространения по галактике они продемонстрировали коварство хищников, — сказал Беллидор.

— Никто не *перестанет* быть агрессивным только потому, что изобретет оружие, — сказал Историк. — Вообще-то, это может лишь *добавить* агрессивности.

— Над этим стоит подумать, — ответил Беллидор, которого слова Историка, видимо, не убедили.

— Я, может быть, чрезмерно упростил ход мысли ради ясности изложения, — ответил Историк, — но когда я представлю находки в Академии, я приведу более стройные доказательства.

— А что думаешь ты, Тот, Кто Наблюдает? — спросил Беллидор. — Может быть, ты хочешь добавить еще что-нибудь к тому, что ты нам уже рассказал?

— Трудно думать о камне как о предтече акустической винтовки и молекулярной пушки, — задумчиво сказал я, — но я верю, что так оно и есть.

— Необычайно интересный вид, — сказал Беллидор.

Потребовалось почти четыре часа, чтобы ко мне вернулась сила. Чувствование забирает энергию, как ни одно другое действие, одинаково выматывая тело, эмоции, сознание и способность к сопереживанию.

Морито, выполнив дневную норму работы, висел вниз головой на толстом суку, пребывая в вечернем трансе, Близнецы не появлялись с тех пор, как я Почувствовал камень.

Остальные члены группы занимались своими делами; самое подходящее время, чтобы начать Чувствовать следующий предмет, которому было, как сообщил мне Историк, примерно 23 300 лет.

Это было металлическое лезвие копья, ржавое и покореженное, и, прежде чем слиться с ним, мне показалось, что я вижу размытое кровавое

пятно...

* * *

Его звали Мтепва, и ему казалось, что металлический ошейник на шее он носит с рождения. Он понимал, что это не так, потому что в памяти сохранились мимолетные воспоминания о том, как он играл с братьями и сестрами, и о том, как он выслеживал бонго и куду¹ на поросшей лесом горе, где прошло его детство.

Но чем больше он сосредотачивался на этих воспоминаниях, тем более смутными и расплывчатыми они становились, и он понимал, что все это происходило очень давно. Иногда он пытался вспомнить название своего племени, но оно затерялось в тумане времени так же как, имена родителей, братьев и сестер.

В такие минуты Мтепва жалел себя, но потом он вспоминал о том, что случилось с остальными его спутниками, и немного приободрялся, ведь их забрали на корабли и отправили на край света, где они до конца жизни будут рабами арабов и европейцев, а он был любимым слугой хозяина, Шарифа Абдуллы, и его положение вполне надежно.

Это был уже его восьмой — или девятый? — караван из глубин континента. Они торговали солью и патронами с вождями племен, которые в свою очередь продавали им в рабство самых слабых своих воинов и женщин, а потом они уводили добычу в обход огромного озера, через сухую плоскую саванну. Они огибали гору, такую старую, что ее верхушка побелела, точно голова старика, и наконец выходили на побережье, где в гавани теснились одномачтовые арабские суда. Затем они продавали человеческий товар тем, кто предлагал наилучшую цену, Шариф Абдулла покупал очередную жену, отчислял половину денег престарелому немощному отцу, и они вновь отбывали в глубь континента на поиски черного золота.

Абдулла был хорошим хозяином. Он редко пил — а если это случалось, он всегда при первой возможности просил у Аллаха прощения, — не слишком часто бил Мтепву, и у них всегда было вдоволь пищи, даже когда товар брёл голодным. Хозяин зашел настолько далеко, что научил Мтепву читать, несмотря на то, что при себе у него был один лишь Коран, по которому они и занимались.

Мтепва провел долгие часы, шлифуя при помощи Корана свое искусство чтения, и где-то в пути он сделал невероятно интересное открытие: Коран запрещал одному приверженцу Истинной Веры держать в рабстве другого.

Вот тогда Мтепва и решил принять ислам. Он начал непрерывно расспрашивать Шарифа Абдуллу о тонкостях религии и старался, чтобы старик постоянно видел, как он сидит около огня, час за часом читая Коран.

Такое превращение привело Шарифа Абдуллу в восторг, и он частенько приглашал Мтепву в свою палатку, где посвящал его в тонкости Корана вплоть до глубокой ночи. Мтепва был прилежным учеником, и Шариф Абдулла восхищался его рвением.

Ночь за ночью, пока львы бродили вокруг лагеря в Серенгети,

¹ Виды антилоп.

учитель и ученик вместе изучали Коран. И наконец пришел день, когда Шариф Абдулла не мог более отрицать, что Мтепва стал истинным верующим мусульманином. Это произошло, когда они разбили лагерь в ущелье Олдувай, и в тот же день Шариф Абдулла велел кузнецу снять ошейник с шеи Мтепвы, а Мтепва сам, звено за звеном, побросал потом цепи на дно ущелья.

Теперь Мтепва стал свободным человеком, но он разбирался лишь в двух вещах: Коране и работорговле. Поэтому совершенно естественно, что, оглядевшись в поисках средств к существованию, он решил пойти по стопам Шарифа Абдуллы. Он стал младшим партнером старика и после двух походов вглубь континента решил, что готов работать в одиночку.

Но для этого ему требовались обученные люди — воины, кузнецы, охотники, повара, а поскольку набрать их поодиночке было трудновато, он, обладая верой не столь крепкой, как у своего учителя, просто проскользнул ночью в палатку Шарифа Абдуллы и перерезал ему глотку.

На следующий день Мтепва продвигался вглубь во главе собственного каравана.

Он знал очень многое о работорговле и как торговец, и как жертва и извлекал пользу из своих познаний. Он понимал, что здоровый раб стоит дороже, и потому заботился о своих пленниках и кормил их намного лучше Шарифа Абдуллы и большинства других работорговцев. С другой стороны, он видел от кого из пленников следует ожидать неприятностей и знал, что лучше убить смутьяна перед всеми, дабы другим было неповадно, чем допустить, чтобы среди рабов зародилась даже сама мысль о неповиновении.

Поскольку человек он был обстоятельный, то вскоре разбогател и занялся торговлей еще и слоновой костью. Шесть лет спустя он уже возглавлял все крупнейшие операции по работорговле и браконьерству в Восточной Африке.

Время от времени он сталкивался с европейскими исследователями. Говорят, что он даже прожил неделю у доктора Дэвида Ливингстона, и, покинув миссионера, оставшегося в полном неведении относительно истинной профессии своего гостя, едва не захотел выйти из дела.

Гражданская Война в Америке практически уничтожила основной рынок; он на год отошел от дел и отправился в Азию и на Аравийский полуостров, чтобы открыть там новые рынки сбыта. По возвращении он обнаружил, что сын Абдуллы, Шариф ибн Джад Махир, захватил всех его людей и повел их вглубь страны, решив продолжить дело отца. Мтепва, ставший к этому времени достаточно состоятельным человеком, нанял около 500 *аскари*², объединив их под командованием известного охотника за слоновой костью Альфреда Генри Пима, а сам, затаившись, стал ожидать результатов.

Три месяца спустя Пим привел на побережье озера Танганьика 438 человек. 276 из них были рабами, захваченными Шарифом ибн Джад Махиром; остальные представляли остатки отряда Мтепвы, которые в свое время перешли на службу к Шарифу ибн Джад Махиру. Всех 438 человек Мтепва продал в рабство и создал новую организацию, набрав людей из числа сражавшихся за него под руководством Пима.

Колониальные власти закрывали глаза на его деятельность, но

2 Аскара (суахили) — охранник, проводник.

англичане, решившие положить конец работоторговле, издали указ об аресте Мтепвы. Наконец, ему надоело постоянно скрываться, и он перевел дела в Мозамбик, где португальцы были счастливы предоставить ему убежище на сколь угодно долгий срок, при условии, что он не забудет о том, что колониальные власти нуждаются в постоянной подмазке.

Он никогда не был там доволен — он не знал ни португальского, ни местных языков — и через девять лет вернулся в Танганьiku, теперь уже самым богатым черным человеком на континенте.

Как-то в последней партии пленных он обнаружил маленького мальчика-ачоли по имени Гаради, не старше десяти лет, и решил не отправлять его кораблем через океан, а взять в услужение.

Мтепва никогда не был женат. Большинство из его окружения считало, что у него просто не хватало времени, но когда всем стало известно, что он каждую ночь требует Гаради к себе в палатку, общее мнение вскоре изменилось. Казалось, что Мтепва очарован мальчиком, хотя — бесспорно помня собственный опыт — он так и не научил Гаради читать и пообещал мучительную и тяжкую смерть каждому, кто заговорит с мальчиком об исламе.

Прошло почти три года, и как-то ночью Мтепва послал за Гаради. Мальчика нигде не нашли. Мтепва разбудил всех воинов и потребовал, чтобы они начали поиски, потому что в окрестностях лагеря был замечен леопард, и работоторговец боялся самого худшего.

Час спустя они обнаружили Гаради, но не в когтях леопарда, а в объятьях молодой рабыни из племени заники. Мтепва был вне себя от ярости, и оторвал бедной девушке руки и ноги.

Гаради не вымолвил ни слова протеста и не попытался защитить девушку — в этом, правда, не было никакого смысла, — но на следующее утро он ушел, и хотя Мтепва и его воины искали его почти месяц, они не нашли никаких следов.

К концу месяца Мтепва просто обезумел от ярости и печали. Решив, что больше не стоит жить, он отправился к львиному прайду, пожиравшему тушу антилопы-топи, и, шагнув в самую гущу пирушки, стал осыпать зверей проклятиями и набрасываться на них с кулаками. Трудно поверить, но львы, ворча и порывая, попятились прочь и растворились в густых зарослях.

На следующий день он подобрал большую палку и начал избивать слоненка. Казалось, за этим должна была последовать смертельная атака матери — но слониха, которая стояла рядом всего лишь в нескольких футах, в ужасе затрубила и побежала прочь, а за ней изо всех сил помчался ее детеныш.

Именно тогда Мтепва решил, что он не может умереть, что каким-то образом расчленение несчастной девушки из племени заники сделало его бессмертным. Поскольку оба случая произошли на глазах его суеверных последователей, они горячо поверили в это.

Теперь, став бессмертным, он решил, что пришло время прекратить попытки примириться с европейцами, захватившими его землю и издавшими указ о его аресте. Мтепва отослал посыльного к границе Кении и вызвал англичан на битву. Когда наступил назначенный день и британцы не объявились, чтобы сразиться с ним, он уверенно провозгласил войску, что слух о его бессмертии дошел до европейцев и отныне ни один белый не посмеет оказать ему сопротивление. Тот факт, что он все еще находится на немецкой территории и англичане не имеют

права вступить туда, каким-то образом ускользнул от Мтепвы.

В поисках рабов он, уже не таясь, предпринимал рейды вглубь континента и набрал на огромную добычу в Конго. Там он брал в плен целые деревни, попутно прибирая к рукам и слоновую кость, и наконец, с почти 600 пленниками и тремя сотнями слоновьих бивней, повернул на восток и начал многомесячный переход к побережью.

На этот раз англичане ожидали его на границе с Угандой, и их армия была столь многочисленна, что Мтепва повернул на юг, не потому что боялся за свою жизнь, а потому что не мог позволить себе потерять рабов и слоновую кость, и знал, что воины не обладают его неуязвимостью.

Армия Мтепвы спустилась к озеру Танганьика и направилась на восток. Две недели ушло на то, чтобы добраться до западного коридора в Серенгети, и еще десять дней, чтобы пересечь пустыню.

Как-то ночью Мтепва разбил лагерь на краю ущелья Олдувай, в том самом месте, где он обрел свободу. Уже разожгли костры, зарезали и зажарили антилопу гну, и, отдыхая после еды, Мтепва вдруг услышал, что люди его заволновались. Внезапно из тьмы выступил странно знакомый силуэт. Это был Гаради, которому уже исполнилось пятнадцать, он стал таким же высоким, как и сам Мтепва.

Мтепва долго смотрел на него, и внезапно вся злоба, казалось, испарилась с его лица.

— Я очень рад опять видеть тебя, Гаради, — сказал он.

— Я слышал, что ты не можешь быть убит, — ответил мальчик, размахивая копьем. — Я пришел проверить, правда ли это.

— Нам нет нужды сражаться, тебе и мне, — произнес Мтепва. — Заходи в палатку, и все будет по-прежнему.

— Я оторву тебе руки и ноги, и вот *тогда* у нас и не будет нужды сражаться, — сказал Гаради. — И даже после этого, ты мне будешь омерзителен не больше, чем сейчас или многие годы назад.

Мтепва подскочил с искаженным от ярости лицом.

— Что ж, попробуй! — закричал он. — И когда ты поймешь, что я неуязвим, я сделаю с тобой то, что сделал с той девкой из племени заники!

Гаради не ответил, а метнул копье в Мтепву. Оно полетело с такой силой, что, вонзившись в тело, вышло наружу с другой стороны на добрых шесть дюймов. Мтепва недоверчиво взглянул на Гаради, застонал всего один раз и скатился вниз по каменистым склонам ущелья.

Гаради оглядел стоящих вокруг воинов.

— Есть среди вас кто-то, кто хочет оспорить мое право на место Мтепвы? — уверенно спросил он.

Чтобы бросить ему вызов, поднялся могучий Маконда, и через тридцать секунд Гаради тоже был мертв.

На границе Занзибара их ждали англичане. Рабов освободили, слоновую кость конфисковали, воинов арестовали и определили на работы на железной дороге Момбаса — Уганда. Двое из них были позже убиты и съедены львами в районе Цаво.

К тому времени как лейтенант Дж. Г. Патерсон застрелил печально известных львов-людоедов из Цаво, железная дорога почти что добралась до лачуг Найроби и имя Мтепвы было забыто так прочно, что даже в единственной книге по истории, где оно упоминалось, это имя было искажено.

— Поразительно! — воскликнул Культуролог. — Я знал, что они поработили многие расы галактики, но обращать в рабство *самих себя*! В это невозможно поверить!

Я отдохнул и затем рассказал историю Мтепвы.

— Все идеи должны откуда-то появляться, — сказал Бел-лидор спокойно. — Эта совершенно очевидно родилась на Земле.

— Варварство! — проворчал Культуролог.

Беллидор повернулся ко мне:

— Человек никогда не пытался поработить *твою* расу, Тот, Кто Наблюдает. Почему так произошло?

— У нас не было ничего, что его бы интересовало.

— А ты помнишь, как человек господствовал в Галактике? — спросил Культуролог.

— Я могу вспомнить даже то, какой была наша Галактика, когда прародители Человека убили Бокату и Энкатаи, — честно сообщил я.

— Ты сам когда-нибудь имел дело с Человеком?

— Ни разу. Мы для него были бесполезны.

— Но разве он не уничтожал без всякой жалости даже то, что было для него бесполезно?

— Нет, — сказал я. — Он забирал то, что хотел, и уничтожал то, что угрожало ему. На все остальное он просто не обращал внимания.

— Какое высокомерие!

— Какая практичность, — заметил Беллидор.

— Ты называешь геноцид в масштабе галактики *практичностью*? — возмутился Культуролог.

— С точки зрения Человека, так оно и было, — ответил Беллидор. — Он получал то, что хотел, затратив минимум усилий и не рискуя почти ничем. Имейте в виду, что одна-единственная раса, родившаяся менее чем в пятистах ярдах от того места, где мы сейчас находимся, когда-то управляла империей, насчитывающей миллионы миров. Практически каждая цивилизованная раса в галактике говорила тогда по-террански.

— Под страхом смерти.

— Верно, — согласился Беллидор. — Я не говорил, что Человек был ангелом. Но если он и был дьяволом, то дьяволом результативным.

Пришло время мне поглотить новый артефакт, который Историк и Культуролог, похоже, определили как рукоятку ножа, но даже когда я удалился, чтобы выполнить свои обязанности, я все еще мог слышать их рассуждения.

— Удивительно, что при такой кровожадности и умении добиваться своей цели, — сказал Культуролог, — он прожил достаточно долго, чтобы успеть добраться до звезд.

— Это и в самом деле удивительно, — согласился Беллидор, — Историк рассказал мне, что Человечество не всегда было однородным и на заре его истории распадалось на несколько разных групп. Они отличались по цвету кожи, по вероисповеданию, по территории, — он вздохнул, — все же Человек, должно быть, научился жить в мире с собратьями. Хотя бы это говорит в его пользу.

Когда я добрался до артефакта и начал поглощать его, слова Беллидора все еще стояли у меня в ушах...

Мэри Лики еще раз нажала на гудок лендровера. В музее ее муж повернулся к молодому офицеру в военной форме.

— Просто не знаю, какое задание вам дать, — сказал он. — Музей еще не открыт для публики, и мы в добрых трехстах километрах от Кикуйюленда.

— Я просто следую приказам, доктор Лики, — ответил офицер.

— Что ж, полагаю, безопасность не повредит, — признался Лики. — Многие кикуйю хотят моей смерти, несмотря на то, что в суде я пытался защищать Кеньятту. — Он подошел к двери. — Если находки на озере Туркана окажутся интересными, мы пробудем там около месяца. В противном случае мы должны вернуться через десять — двенадцать дней.

— Понятно, сэр. Музей будет на месте, когда вы возвратитесь.

— Я никогда не сомневался в этом, — сказал Лики, выходя и усаживаясь в автомобиль рядом с женой.

Лейтенант Ян Челмсвуд стоял в дверном проеме и смотрел, как Лики в сопровождении двух военных машин спускаются вниз по красной грунтовой дороге. Когда через несколько секунд машина скрылась в пыли, он вернулся в здание и закрыл дверь, чтобы пыль не набилась внутрь. Стояла гнетущая жара, он снял китель и кобуру и положил их на одну из маленьких музейных витрин.

Все казалось странным. Согласно его представлениям о дикой Африке, почерпнутым из старых немецких фотокарточек и американских фильмов, Восточная Африка была страной чудес, с зеленой травой и чистой водой. Никто даже не упоминал о пыли, но, вернувшись домой, он сохранит память только о ней одной.

Нет, неправда, не только о пыли. Он никогда не забудет то утро в Наньюки, когда их войска подняли по тревоге. Он прибыл на ферму поселенцев и обнаружил всю семью, разрубленную на мелкие кусочки; весь скот искалечен, у многих животных вырезаны гениталии, уши, глаза. Но самым ужасным зрелищем посреди этого ада, которое ему не позабыть до самой смерти, был котенок, пригвожденный кинжалом к почтовому ящику. Это была подпись May May; на случай, если кто-то подумает, что скот и людей вырезал какой-то случайный безумец.

Челмсвуд совершенно не разбирался в местной политике. Он не знал, кто и зачем развязал эту войну. Для него это не имело значения. Он был просто солдатом, выполняющим приказы, и если ему будет приказано вернуться в Наньюки с тем, чтобы убить людей, совершивших эти зверства, что ж, тем лучше.

Но сейчас его выдернули, как он считал, для выполнения идиотской повинности. В Аруше начались небольшие беспорядки, не настоящее May May, а скорее демонстрация в поддержку кенийских кикуйю, и туда перебросили его часть. Затем правительство обнаружило, что профессору Лики, чьи научные открытия прославили ущелье Олдувай практически по всей Восточной Африке, угрожает смертельная опасность. Несмотря на его протесты, власти настояли на том, чтобы выделить для него охрану. Большинство парней из части Челмсвуда должны были сопровождать Лики в поездке к озеру Туркана, но кому-то следовало остаться для охраны музея, и ему просто не повезло, что его имя стояло первым в расписании нарядов.

Это даже не походило на музей, во всяком случае, на те музеи, в

которые его водили родители в Лондоне. Те были и вправду музеями, а это — просто двухкомнатное строение с глинобитными стенами, где хранится около сотни находок Лики. Древние наконечники стрел, какие-то странной формы камни, служившие доисторическими орудиями, несколько костей, явно не обезьяних, но и не принадлежавших, в чем Челмсвуд был уверен, созданиям, с которыми он находился в родстве.

Лики повесил на стенах несколько грубо нарисованных плакатов, на которых, как он полагал, изображалось эволюционное превращение маленьких, смешных, похожих на обезьян существ в *Homo sapiens*. Там же висели фотографии тех находок, которые были отосланы в Найроби. Складывалось впечатление, что если это ущелье и было местом рождения человечества, вряд ли кто-то горел желанием посетить его. Все лучшие находки уже были отправлены — сначала в Найроби, а потом в Британский Музей. На самом деле это вовсе не музей, решил Челмсвуд, а скорее перевалочный пункт для хранения лучших образцов.

Странно думать, что жизнь началась здесь, в этом ущелье. И пусть это самое уродливое место в Африке, он все же посетит его. Хотя Челмсвуд не верил Книге Бытия и прочей религиозной чуши, его смущало, что первым человеческим существом на Земле мог быть черный. Челмсвуд не испытывал к черным никакой неприязни, когда рос в Котсволде, но с тех пор, как оказался на Британском Востоке, он достаточно навидался всякого, и его страшили их первобытная жестокость и варварство.

А эти сумасшедшие американцы размахивают кулаками и требуют положить конец колониализму! Да если бы они увидели то, что видел он на ферме в Наньюки, они бы поняли, что от разгула кровавой резни Восточную Африку удерживает только британское присутствие. Конечно, между Мау Мау и Америкой было кое-что общее: обе страны были колонизированы Британией и обе боролись за независимость... но на этом все сходство заканчивалось. Американцы написали Декларацию, в которой выразили свои требования, затем создали свою армию и сражались с британскими *солдатами*. А в чем провинились изрезанные на мелкие кусочки беззащитные дети и пригвожденные к почтовому ящику котят? Если бы он мог выбирать, то он пришел бы сюда с полумиллионной британской армией, уничтожая всех кикуйю, кроме хороших, верных, — и решил бы эту проблему раз и навсегда.

Челмсвуд прошел к кабинету, где Лики держал пиво, и достал одну из теплых бутылок. Марка «Сафари». Он открыл ее, приложился как следует и скривился. Если на сафари пьют вот это, он ни в одно сафари в жизни не сунется.

И все же Челмсвуд знал, что когда-нибудь, перед долгожданной демобилизацией и отъездом домой, он отправится на сафари. Тут были чертовски красивые места, даже несмотря на пыль, и ему нравилось представлять, как он сидит в тени под деревом, в руке холодный стаканчик, а слуга помахивает над ним опахалом из страусиных перьев, пока они с белым охотником обсуждают сегодняшнюю охоту и планируют, куда отправиться послезавтра. Важна не стрельба, не добыча, убеждают они друг друга, а скорее азарт охоты. А потом парочка черных мальчиков приготовит ему ванну, он выкупается и переоденется к обеду. Забавно, до чего быстро он привык называть их мальчиками; большинство из них намного старше, чем он.

Но даже при том, что мальчиками они не были, они все еще

оставались детьми, поскольку нуждались в опеке и приобщении к цивилизации. Взять, например, этих масаев; гордые, надменные ублюдки. На открытках они здорово смотрятся, но попробуйте-ка иметь с ними дело! Они так себя ведут, словно имеют право говорить с Богом напрямую и Он сообщил им, что они богоизбранный народ. Чем больше Челмсвуд думал об этом, тем больше удивлялся тому, что Мау Мау начали кикуйю, а не масаи. И как раз, когда он подумал об этом, то увидел пятерых масайских *эльморани*³, слоняющихся около музея. Стоило бы приглядеть за ними...

— Извините, можно? — раздался тонкий высокий голосок.

Челмсвуд обернулся и увидел в дверном проеме маленького тощего черного мальчишку, лет десяти.

— Что тебе нужно? — спросил он.

— Доктор мистер Лики, он обещал мне конфету, — ответил мальчик и шагнул внутрь строения.

— Убирайся, — раздраженно приказал Челмсвуд, — здесь нет никаких конфет.

— Есть, есть. — Мальчишка продвинулся на несколько шагов вперед. — Каждый день.

— Он каждый день дает тебе конфету?

Мальчик кивнул и улыбнулся.

— Где же он их хранит?

Тот пожал плечами:

— Может быть там? — и указал в сторону кабинета.

Челмсвуд подошел к кабинету и открыл его. Там стояли только четыре кружки с зубами первобытных людей.

— Я не вижу здесь конфет, — сказал он. — Ты должен подождать, пока доктор Лики не вернется.

Две слезинки скатились по щекам мальчишки.

— Но доктор Лики, он *обещал*!

Челмсвуд огляделся:

— Я не знаю, где они.

Мальчишка заплакал всерьез.

— Успокойся! — резко произнес Челмсвуд. — Я поищу их.

— Может быть, в другой комнате, — предположил мальчишка.

— Пойдем, — Челмсвуд прошел в соседнюю дверь. Он осмотрел помещение, уперев руки в бока и пытаясь представить, где Лики мог спрятать конфеты.

— Может быть, в этом месте, — мальчишка показал на дверь в туалет.

Челмсвуд открыл ее. Там стояли две лопаты, три кирки, и несколько кисточек, которые Лики использовали на раскопках.

— Здесь ничего нет, — сказал он, закрывая дверь.

Он повернулся к мальчишке, но комната была пуста.

— Маленький ублюдок все наврал, — пробормотал он. — Наверно, смылся, спасаясь от трепки.

Он вернулся в основную комнату... и столкнулся лицом к лицу со здоровенным черным, держащим в правой руке похожее на мачете *пата*.

— Что здесь происходит? — прикрикнул Челмсвуд.

— Сюда пришла свобода, лейтенант, — мужчина говорил на почти

чистом английском. — Меня послали убить доктора Лики, но подойдешь и ты.

— Зачем вам кого-то убивать? Что мы сделали плохого масаям?

— Пусть сами масаи тебе скажут. Стоило бы любому из них взглянуть на меня, он сказал бы тебе, что я кикуйю, но для вас, англичан, мы все на одно лицо, правда?

Челмсвуд потянулся за револьвером, но внезапно понял, что оставил его на музейной витрине.

— Для меня вы все похожи на трусливых дикарей!

— Почему? Потому что не сражаемся с вами в открытую? — лицо черного исказила злоба. — Вы отняли наши земли, вы запретили нам владеть оружием, даже копье в руках считается теперь преступлением — и после этого вы называете нас дикарями за то, что мы не маршируем строем перед вашими ружьями! — Он презрительно сплюнул на пол. — Мы сражаемся с вами единственным способом, который у нас остался!

— Это большая страна, достаточно большая для обеих рас, — заметил Челмсвуд.

— Если бы мы пришли в Англию и забрали ваши лучшие земли, и заставили вас работать на нас, ты бы тоже считал, что Англия достаточно велика для обеих рас?

— Я не политик. — Челмсвуд подвинулся к оружию на один шаг. — Я просто выполняю свою работу.

— И твоя работа в том, чтобы охранять две сотни белых на земле, где когда-то жили миллионы кикуйю, — с ненавистью произнес черный.

— Вас будет намного меньше миллиона, когда мы разберемся с вами! — прошипел Челмсвуд, потянувшись к своему револьверу.

Но как он ни был быстр, черный оказался быстрее и одним взмахом *панга* отрубил англичанину кисть руки. Челмсвуд скорчился от боли, и, повернувшись, оказался спиной к кикуйю, попытавшись перехватить револьвер другой рукой.

Панга вновь опустилась, практически разрубив его, но падая Челмсвуд успел обхватить пальцами рукоятку и спустить курок. Пуля ударила черного в грудь, и он тоже замер на полу.

— Ты убил меня! — простонал Челмсвуд. — Зачем кому-то убивать меня?

— У вас есть так много всего, а у нас так мало, — прошептал негр. — Почему вы должны получить еще и наше?

— Разве я что-то сделал тебе? — спросил Челмсвуд.

— Ты пришел сюда. Этого достаточно. Грязный англичанин! — он закрыл глаза и затих.

— Проклятый ниггер! — еле слышно произнес Челмсвуд и умер.

Снаружи четыре масая не обратили ни малейшего внимания на шум и выстрелы внутри музея. Они позволили мальчишке кикуйю уйти, не удостоив его даже взглядом. Дела низших рас их не касались.

* * *

— Очень трудно понять, как можно испытывать чувство превосходства по отношению к представителям своей же расы, — сказал Беллидор. — Ты *уверен*, что правильно прочел артефакт, Тот, Кто Наблюдает?

— Я не *читаю* артефакты, — ответил я, — я *поглощаю* их. Мы

превращаемся в одно целое. Все, что пережили *они*, переживаю я. — Я помолчал. — Ошибки быть не может.

— Что ж, это трудно понять, особенно если речь идет о виде, который когда-то управлял большей частью галактики. Они считали, что *каждая* встретившаяся раса является низшей?

— Судя по их поведению, безусловно, — ответил Историк. — Похоже, что они уважали только те расы, которые оказывали им сопротивление... и даже в этих случаях они считали, что победы на поле брани подтверждают их превосходство.

— А все же из древних записей известно, что первобытный человек поклонялся неразумным животным, — вставила Экзобиолог.

— Они, должно быть, просуществовали недолго, — предположил Историк. — Если Человек с таким презрением относился к расам галактики, насколько же хуже он, верно, относился к несчастным созданиям, с которыми делил родной мир?

— Может быть, он расценивал их так, как расценивал и мою собственную расу, — предположил я. — Если с них было нечего взять, если они не представляли угрозы...

— У них могло найтись кое-что интересующее его, — сказала Экзобиолог. — Он хищник. А у них было мясо.

— И земля, — добавил Историк. — Если даже галактики не хватило, чтобы удовлетворить жажду Человека к распространению, представьте, как он относился к тем, с кем ему приходилось делить его собственный мир.

— Я думаю, что на этот вопрос мы никогда не получим ответа, — сказал Беллидор.

— Если только ответ не заключен в одном из оставшихся артефактов, — согласилась Экзобиолог.

Я уверен, что это замечание не предназначалось для того, чтобы вывести меня из летаргии, но до меня дошло, что прошло полдня с тех пор, как я почувствовал рукоятку ножа; я восстановил достаточно сил, чтобы исследовать еще один артефакт.

Это было металлическое перо...

* * *

15 февраля, 2103 г.

Ну вот, наконец-то мы тут! Суперкрот доставил нас по тоннелю Нью-Йорк — Лондон чуть больше чем за четыре часа. Но тем не менее мы на двадцать минут опоздали, пропустили свой рейс в Хартум, и нам пришлось пять часов ожидать следующего. Из Хартума мы продвигались при помощи все более и более примитивных транспортных средств — реактивным самолетом в Найроби и Арушу, потом скоростная электричка до кемпинга, и наконец цивилизация осталась позади. До сих пор я никогда не видел таких открытых пространств; трудно поверить в то, что поблизости — в Ньерере — полным-полно небоскребов.

После инструктажа, на котором нам рассказали, чего ожидать и как вести себя на сафари, всю вторую половину дня мы познакомились со спутниками. Я — самый молодой в группе: такое путешествие стоит слишком дорого для большинства моих сверстников. Конечно, у них же нет дяди Рубена, который умирает, оставив им тонну денег. (За сафари же заплачено, вероятно, около восьми унций. Ха-ха.)

Домик наш довольно примитивен. Он оборудован чудной старомодной микроволновой печью, чтобы подогревать еду, хотя большинство будет есть в ресторанах. Я знаю, что японские и бразильские одни из самых популярных, первые из-за меню — настоящая рыба, а вторые — благодаря своей эстрадной программе. Мой сосед по домику мистер Шибони, пожилой японский джентльмен, рассказал, что собирал деньги на это сафари пятнадцать лет. Он кажется очень милым и приятным; надеюсь, тяготы путешествия не убьют его.

Я очень хотел принять душ, просто, чтобы проникнуться духом старины, но воды здесь маловато, и похоже, что мне придется удовлетвориться обычным нашим химическим сухим душем. Знаю-знаю, что он и моет, и обеззараживает, но если я хотел получить весь домашний комфорт, нужно было оставаться дома и сэкономить 150 000 долларов.

16 февраля.

Сегодня мы познакомились с нашим проводником. Не знаю почему, но он не очень соответствует моим представлениям об африканском проводнике на сафари. Я ожидал, что это будет старый седой ветеран, который будет травить байки, который, может быть, даже успел увидеть виверру или антилопу-дукера прежде, чем они исчезли с лица земли. Мы же получили Кевина Оле Тамбаку, молодого масая, которому явно не больше двадцати пяти, в цивильном костюме (тогда как мы все облачились в хаки). Но все же он прожил здесь всю жизнь, так что я надеюсь, что он тут кое-что знает.

Надо отдать ему должное: он прекрасный рассказчик. Полчаса он рассказывал нам сказки о том, как его народ прежде жил в хижинах, называемых маньяттами, да о том, что при ритуале вступления в зрелый возраст они должны были убить копьем льва. Как будто правительство разрешит кому-нибудь убить животное!

Утром мы поехали в кратер Нгоронгоро. Эта обвалившаяся вулканическая воронка когда-то была даже выше, чем Килиманджаро. Кевин говорит, что раньше тут было полно дичи, хотя я не представляю, как это может быть, ведь любая дичь, которая бродила тут, когда вершина горы рухнула, мгновенно погибла бы.

Я-то думаю, что на самом деле мы выехали просто для того, чтобы немного протрястись в автомобиле и научиться вести себя как положено на сафари. А может, и то и другое. Кондиционеры не работали в двух отсеках, механизм для подачи льда сломался, и, наконец, когда нам показалось, что мы увидели птицу, трое из нас одновременно начали названивать Кевину и заблокировали его линию связи.

Во второй половине дня мы отправились в Серенгети. Кевин говорит, что раньше он тянулся до самой границы Кении, но сейчас это просто парк в двадцать квадратных миль, примыкающий к кратеру. Примерно через час мы увидели земляную белку, но не успел я навести на нее голографическую камеру, как она исчезла в норе. И все-таки она здорово выглядела! Вся такая коричневая, с темными глазами и пушистым хвостом. Кевин сказал, что она весит почти три фунта и что он не видел таких крупных с тех пор, как был мальчиком.

Как раз перед возвращением в лагерь с Кевином связался по радио шофер другой группы и сообщил, что в восьми милях к северо-востоку от нас заметили парочку гнездящихся на дереве скворцов. Компьютер машины сообщил, что мы не успеем добраться туда до темноты, поэтому

Кевин запомнил координаты гнезда и обещал, что завтра мы прежде всего отправимся туда.

Я выбрал бразильский ресторан и провел несколько очень приятных часов, слушая живой оркестр. Отличное завершение первого дня сафари.

17 февраля.

На рассвете мы отправились на поиски скворцов, и хотя мы нашли дерево, где их вчера заметили, самих птиц так и не увидели. Один из пассажиров — я думаю, это был тот невысокий мужчина из Бирмы, — видимо, был недоволен, потому что Кевин позже объявил всей нашей компании, что это сафари и нет никакой гарантии увидеть определенную птицу или зверя, и хотя он постарается сделать для нас все возможное, никогда нельзя точно сказать, где именно может появиться дичь.

И тут, пока он так распространялся, из ниоткуда появился полосатый мангуст, почти в фут длиной. Он, похоже, не обращал на нас внимания, и Кевин сказал, что он заглушит моторы, чтобы машина неподвижно застыла над землей и не спугнула зверька шумом.

Через пару минут все сидевшие справа успели сделать голограммы и мы начали медленно разворачиваться вокруг оси, чтобы сидящие с левой стороны смогли увидеть животное, но это движение, видимо, испугало его, потому что, хотя маневр занял не более тридцати секунд, когда машина замерла, мангуста поблизости уже не было.

Кевин сообщил, что автоматическая камера в машине успела снять зверька и все, кто не смог воспользоваться своими голографами, могут получить копии.

Мы были в восторге — те, кто сидел справа, во всяком случае, — когда мы остановились на ланч, а когда мы продолжили охоту, то увидели трех желтых ткачиков, строящих на дереве круглое гнездо. Кевин позволил нам выйти, предупредив, чтобы мы не приближались ближе чем на тридцать ярдов, и мы провели почти час, наблюдая и голографируя.

Целиком и полностью замечательный день.

18 февраля.

Сегодня мы выехали из лагеря через час после восхода и отправились на новое место, в ущелье Олдувай.

Кевин объявил, что там мы проведем последние два дня и что с вторжением городов и ферм на равнину гораздо больше шансов встретить оставшуюся крупную дичь в лощинах и на склонах ущелья.

Машина, даже специально оборудованная вроде нашей, не может передвигаться по ущелью, поэтому мы вышли и единой группой двинулись вслед за Кевином.

Оказалось, что поспевать за Кевином нелегко. Он перебирался с камня на камень так, как будто *делал* это всю жизнь, тогда как я и не упомяну, когда в последний раз видел ступеньку, которая бы не двигалась, если на нее ставят ногу. Мы карабкались так уже с полчаса, когда я услышал, как кто-то из замыкающих вереницу туристов издал вопль и начал тыкать пальцем в направлении дна ущелья. Мы все поглядели туда и увидели, как что-то на страшной скорости мчится прочь.

— Еще одна белка? — спросил я.

Кевин только улыбнулся.

Мужчина позади сказал, что это, наверное, мангуст.

— Вы видели, — сообщил Кевин, — дик-дика, последнюю из

выживших африканских антилоп.

— Она большая? — поинтересовалась женщина.

— Среднего размера, — ответил Кевин, — примерно десять дюймов в холке.

Ничего себе — сказать, что животное высотой десять дюймов в холке среднего размера!

Кевин объяснил, что дик-дик всегда держится одной и той же территории и та, которую мы видели, вряд ли отойдет далеко от своего обычного места обитания. А это означает, что, если мы будем терпеливыми и не станем шуметь — и если нам повезет, — мы сможем еще раз встретиться с ней.

Я поинтересовался у Кевина, сколько этих антилоп живет в ущелье, он почесал затылок, прикинул и решил, что, скорее всего, целых десять. (А ведь в Йеллоустоуне осталось всего девятнадцать кроликов! Не удивительно, что все, кто по-настоящему интересуется крупными животными, приезжают в Африку!)

Мы бродили еще час, а потом сделали перерыв, чтобы позавтракать. Пока мы ели, Кевин рассказывал нам историю этого места и все о находках доктора Лики. Сам он полагал, что здесь еще можно было бы откопать и побольше скелетов, но правительство боялось спугнуть животных с земли, ставшей их последним прибежищем, поэтому кости подождут, пока новые поколения не извлекут их на поверхность. Грубо говоря, это означает, что Танзания не собирается отказываться от дохода, получаемого от 300 туристов еженедельно, и не разрешит банде антропологов перекопать эту жемчужину в системе национальных парков. Не могу сказать, что я ее за это порицаю.

В ущелье начали валить другие группы, и к тому времени как окончился ланч, общее количество участников сафари достигло примерно семидесяти. Похоже, каждый проводник держался в границах «своей» территории, и я заметил, что мы редко приближаемся к другим группам ближе чем на четверть мили.

Кевин спросил, не хотим ли мы пересидеть в тени жаркое дневное время, но, поскольку это был наш предпоследний день сафари, мы большинством голосов решили продолжать, как только закончим есть.

Не прошло и десяти минут, как случилось несчастье. Мы группой спускались вниз по крутому склону. Кевин, как всегда, впереди, я справа от него, когда послышалось ворчание, а потом удивленный возглас; оглянувшись, я увидел, что мистер Шибони, споткнувшись, падает вниз. Очевидно, он поскользнулся, и когда он полетел кубарем нам навстречу, мы услышали, как хрустнула кость его ноги.

Кевин попытался остановить беднягу, и сам чуть не свалился на самое дно ущелья, прежде чем наконец сумел остановить несчастного мистера Шибони. Затем он присел перед пожилым джентльменом и склонился над его сломанной ногой — но тут острый взгляд проводника заметил что-то, что мы просмотрели, и внезапно он, как обезьяна, запрыгал вверх по склону. Он остановился там, где поскользнулся мистер Шибони, присел на корточки и принялся что-то рассматривать. А потом, страшный, как смерть, он подобрал предмет и бросился обратно к нам.

Это была мертвая ящерица, совсем взрослая, около восьми дюймов в длину, и расплюснутая мистером Шибони в лепешку. Трудно сказать, упал ли он, потому что наступил на нее, или она не успела убраться с его пути, когда он катился вниз по склону... это не имело значения: он был

виновен в гибели животного из Национального Парка.

Я попытался вспомнить тот договор, который мы подписывали, гарантируя, что Система Парков может немедленно изъять деньги с наших счетов в случае, если мы уничтожим любое животное, неважно по какой причине, даже при самообороне. Штраф составлял минимум 50 000 долларов, но я думаю, так штрафовали за гибель птицы одного из двух наиболее распространенных видов, а угаама или геккон тянули тысяч на семьдесят.

Кевин показал всем нам ящерицу и сказал, что он должен принять соответствующие меры и что все мы были свидетелями того, что произошло.

Мистер Шибони застонал от боли, и Кевин решил, что ящерицей он займется потом, и отдал ее мне на то время, пока накладывал шину на ногу мистера Шибони и вызывал по радио парамедиков.

Я принялся рассматривать маленькую ящерицу. У нее были изящные лапки, хвост — длинный и элегантный, но особое впечатление на меня произвела расцветка: красноватая голова, голубое тело, серые лапы, цвет становился все менее ярким по мере приближения к коготкам. Прекрасное, даже в смерти прекрасное создание.

После того, как парамедики увезли мистера Шибони назад в домик, Кевин целый час показывал нам, как устроена ящерица угаама: как ее глаза могут видеть одновременно в двух направлениях, как ее когти позволяют ей висеть вниз головой на любой поверхности и как ее челюсти здорово могут раздробить панцири пойманных насекомых. Наконец, из-за происшедшей трагедии и еще из-за того, что он хотел проверить состояние мистера Шибони, Кевин предложил закончить день.

Никто из нас не протестовал — мы понимали, что Кевину придется работать сверхурочно, описывая несчастный случай и доказывая Министерству Национальных Парков, что его компания по проведению сафари не несет ответственности за это происшествие, — но все же мы все почувствовали себя обманутыми, ведь у нас оставался всего один день. Я думаю, Кевин понял это, потому что до того как мы вернулись в лагерь, он пообещал нам на завтра особую программу.

Я не мог заснуть полночи, пытаясь отгадать, что это может быть. Может быть, он знает, где обитают остальные антилопы дик-дик? А может быть, легенда о последнем фламинго — все-таки правда?

19 февраля.

Утром забираясь в машину, мы все волновались. Каждый допытывался у Кевина, в чем заключается «особая программа», но он только улыбался и заговаривал о другом. Наконец мы добрались до ущелья Олдувай и пошли пешком, только в этот раз, похоже, мы двигались в какое-то определенное место, и Кевин даже не замедлял шаг, чтобы попытаться найти антилопу дик-дик.

Мы спускались по крутым изогнутым тропам, перебираясь через корни деревьев, обдирая руки и ноги о колючий кустарник, но никто не жаловался, поскольку Кевину удалось так заинтриговать всех своим сюрпризом, что трудности были позабыты.

Наконец мы спустились на дно ущелья и начали двигаться вдоль пологой извилистой тропы. Ко времени ланча мы так еще ничего и не увидели. Пока мы сидели и ели в тени акации, Кевин вытащил рацию и связался с другими проводниками. Одна группа заметила трех дик-дигов,

другая обнаружила гнездо сизоворонки с двумя птенцами. Кевин очень азартный и обычно после таких новостей он торопил нас с завтраком так, чтобы мы до возвращения в лагерь увидели не меньше остальных; но на этот раз он только улыбнулся и сообщил проводникам, что на дне ущелья мы ничего не увидели и похоже, что вся дичь ушла отсюда, видимо в поисках воды.

Потом, когда ланч окончился, Кевин отошел ярдов на пятьдесят, скрылся в пещере и тут же вернулся с маленькой клеткой. В ней сидела крошечная коричневая птица, и хотя мне безумно хотелось подойти поближе, чтобы рассмотреть ее, я все же почувствовал какое-то разочарование от того, что это и был наш «сюрприз».

— Вы когда-нибудь видели медоуказчика? — спросил он.

Все ответили «нет», и он объяснил, что так зовут эту бурую птичку и что это значит «проводник меда».

Я спросил почему он так ее назвал, ведь она явно не производит мед и вряд ли годится в проводники, и он опять улыбнулся.

— Видите то дерево? — он указал на дерево примерно в семидесяти пяти ярдах от нас, с нижней ветки которого свисало огромное пчелиное гнездо.

— Да, — сказал я.

— Теперь смотрите. — Кевин открыл клетку и освободил птицу. Она мгновение не решалась двинуться, потом расправила крылья и полетела в направлении дерева.

— Она проверяет, есть ли там мед, — пояснил Кевин, показывая на птицу, которая кружила вокруг улья.

— Куда она летит теперь? — спросил я, когда птица внезапно полетела вниз по руслу реки.

— Искать напарника.

— Напарника? — удивленно спросил я.

— Подождите и увидите, — Кевин сел, опершись спиной на большой камень.

Мы все последовали его примеру и сели в тени, направив бинокли и голокамеры на дерево. Так прошел почти час, и некоторые уже начали волноваться, когда Кевин насторожился и махнул рукой в направлении русла.

— Там! — прошептал он.

Я посмотрел туда и увидел громадное черно-белое животное, самое большое из всех, что я когда-либо видел, впереди которого, неистово чирикая, летела птица.

— Что это такое? — прошептал я.

— Медоед, — тихо ответил Кевин. — Считали, что он исчез двадцать лет назад, но в Олдуэе нашла прибежище супружеская пара. И это уже четвертое поколение, родившееся здесь.

— Он собирается съесть птицу? — спросил кто-то из группы.

— Нет, — прошептал Кевин, — птица приведет его к меду, и после того, как он залезет в гнездо и опустошит его, он оставит немного и для нее.

Все произошло именно так, как и сказал Кевин. Медоед по стволу залез на дерево и передней лапой сбил улей на землю, потом сполз обратно и разбил его, не обращая внимания на жалящих пчел. Мы запечатлели всю эту фантастическую сцену на голографы, и когда медоед окончил работу, он действительно оставил немного меда для птицы.

Позже, пока Кевин ловил птицу и водворял ее в клетку, мы обсуждали увиденное. Я считал, что медоед весит фунтов сорок пять, хотя большинство полагало, что тридцать шесть — тридцать семь. Но как бы то ни было, существо казалось огромным. Затем мы перешли к тому, сколько чаевых оставить Кевину, так как он их действительно заслуживал.

Я пишу эти последние строки в своем путевом дневнике, все еще дрожа от восхищения, которое может вызвать только внезапная встреча с крупным животным в его родной среде. Вплоть до сегодняшнего дня у меня были сомнения по поводу сафари — мне казалось, что я переплатил, или, может, я слишком много ждал от него, — но теперь я понимаю, что оно стоило этих денег до последнего пенни. У меня такое чувство, что я оставляю здесь часть себя и никогда не буду по-настоящему счастлив, пока не вернусь в этот последний оплот дикой природы.

* * *

Лагерь в волнении гудел. Именно тогда, когда мы твердо уверились в том, что под землей больше нет никаких сокровищ, Близнецы обнаружили три маленьких кусочка кости, скрепленные между собою проволокой, — явно предмет, изготовленный человеком.

— Но датировка неправильная, — сообщил Историк, проверив кости своим оборудованием. — Это примитивное украшение — можно сказать, изделие дикарей, — а кости и проволока датируются теми веками, когда Человек уже открыл космические путешествия.

— Ты...

— ...отрицаешь...

— ...что мы нашли...

— ...это в ущелье? — спросили Близнецы.

— Я верю вам, — ответил Историк, — я просто считаю, что это скорее всего анахронизм.

— Это наша находка и...

— ...она будет носить наше имя.

— Никто не собирается посягать на ваше открытие, — заметил Беллидор, — просто вы обнаружили нечто загадочное.

— Отдайте находку...

— ...Тому, Кто Наблюдает, и он...

— ...разрешит эту загадку.

— Я постараюсь, — заверил я, — но прошло еще недостаточно времени с тех пор, как я исследовал перо. Я должен отдохнуть и собраться с силами.

— Вполне...

— ...приемлемо.

Мы передали артефакт Морито, чтобы он очистил его от грязи и отмыл, а сами тем временем пытались объяснить, как мог примитивный фетиш возникнуть в век полетов к звездам. Наконец Экзобиолог поднялась.

— Я возвращаюсь обратно в ущелье, — сообщила она. — Если Близнецы смогли найти это, может, мы еще многое просмотрели. В конце концов, тут огромная территория. — Она замолкла и взглянула на нас. — Кто-нибудь хочет пойти со мной?

Наступал вечер, добровольцев не нашлось, и в конце концов Экзобиолог повернулась и двинулась по тропе, ведущей в глубину ущелья

Олдувай.

Только когда стемнело, я ощутил себя достаточно сильным, чтобы Почувствовать украшение. Я распространил собственную сущность на кости и проволоку и вскоре слился с ними...

* * *

Его звали Джозеф Меромо, и деньги ему были нужны, а вот угрызения совести — нет.

Все началось со звонка из Брюсселя и завуалированного предложения от главы находящегося там транснационального концерна. У них был некий товар, от которого они хотели отделаться. Но не знали, куда бы его сплавить. Не могла ли бы Танзания помочь?

Меромо ответил, что рассмотрит такую возможность, но сомневается, что правительство пойдет на это.

Хотя бы *попытайтесь*, последовал ответ.

На самом деле последовал не только ответ. На следующий день частный курьер доставил огромную пачку счетов на предъявителя, выписанных на круглую сумму, которую сопровождала вежливая записка, где Меромо благодарили за хлопоты.

Меромо знал, что такое взятка — он достаточно получал их за время работы, — но такой большой он в жизни не видел. Причем даже не за конкретную помощь, а просто за то, что он согласился выяснить, что к чему.

Ладно, подумал он, а почему бы и нет? Что же у них там может быть? Пара Контейнеров с токсичными отходами? Несколько плутониевых стержней? Закопать их поглубже и никогда никто даже не узнает. Разве не так поступали западные страны?

Конечно, произошло несчастье в Денвере, и та мелкая неприятность, благодаря которой вода в Темзе почти на сто лет стала непригодной для питья, но помнили об этих случаях лишь потому, что все это были исключения, а не правило. По миру раскиданы тысячи свалок, и девяносто девять процентов из них не доставляют никаких хлопот.

Меромо вызвал на компьютере голографическую карту Танзании. Он, нахмурившись, взглянул на нее, ввел сведения о топографии и начал внимательно ее исследовать.

Если он решит помочь им спрятать отходы, какими бы они ни были, — хотя, уговаривал он себя, он еще не дал согласия, — где было бы наилучшее место для их захоронения?

На побережье? Нет, рыбаки через две минуты выудят их, притянут прессу и этого будет достаточно, чтобы он погорел, а может еще и правительство вынуждено будет подать в отставку.

Провинция Селус? Может быть пятьсот лет назад, когда здесь располагалось последнее дикое место на континенте, где некогда обитали только слоны да рос практически непроходимый колючий кустарник, но не сейчас, не в разросшемся, поделенном на семь округов городе-штате с пятидесятидвухмиллионным населением.

Озеро Виктория? Нет. Та же проблема с рыбаками. Дар-эс-Салам? Возможно. Достаточно близко к побережью, чтобы можно было легко организовать транспортировку, практически пустынно с тех пор, как столицей страны стала Додома.

Но Дар-эс-Салам двадцать лет назад, когда Меромо был еще

мальчиком, уничтожен землетрясением, и он не может рисковать тем, что во время еще одного все спрятанное, что бы там ни было, выйдет на поверхность или расколется.

Он продолжал шарить глазами по карте: Гомбе, Руаха, Иринга, Мбея, Мтвара, Таренгир, Олдувай...

Он остановился и уставился на Олдувай, после чего запросил все доступные данные.

Глубиной почти в милю. Это в его пользу. Никаких животных не осталось. Еще лучше. Никаких поселений на крутых склонах. Только горстка масаев все еще живет в этом районе, не больше двух дюжин семей, но они слишком высокомерны, чтобы обращать внимание на то, что делает правительство. В этом-то Меромо был уверен: он сам был масаем.

Он тянул так долго, как только мог, получал подарки наличными почти два года, и наконец все-таки сообщил нужные данные.

Меромо смотрел в окно офиса с тридцать третьего этажа, мимо суетливой Додомы, на восток, туда, где, как ему казалось, находилось ущелье Олдувай.

Все казалось таким простым. Да, ему заплатили много денег, невероятно много, — но у этих транснационалов денег куры не клюют. Подразумевалось, что там просто несколько дюжин плутониевых стержней, или, по крайней мере, он так думал. Откуда он мог знать, что речь шла о сорока двух *тоннах* ядерных отходов?

О возврате денег не могло быть и речи. Даже если бы он захотел сделать это, он вряд ли мог ожидать, что они вернутся и выкопают обратно все эти смертоносные вещества. Возможно, что все обошлось, возможно, что никто даже не узнает...

Но эти мысли преследовали его целыми днями, и, что еще хуже, они начали преследовать его по ночам, принимая самые разные обличья. Иногда это были аккуратно запечатанные контейнеры, иногда — тикающие бомбы, иногда несчастье уже произошло и единственное, что он видел, — обуглившиеся тела детей масаев, распростертые по краю ущелья.

Почти восемь месяцев он сражался с дьяволом в одиночку, но со временем он осознал, что нуждается в помощи. Сны не только преследовали его по ночам, но и днем вторгались в действительность. Сидя на собрании сотрудников, он внезапно представил, что сидит среди истощенных, покрытых язвами масаев Олдувая. Он читал книгу, и слова менялись на глазах, и он уже читал, как Джозеф Меромо приговорен к смерти из-за собственной жадности. Он смотрел голофильм о гибели «Титаника», через секунду видел нечто подобное, но уже про трагедию ущелья Олдувай.

В конце концов он отправился к психиатру, и, поскольку он сам был масаем, он выбрал психиатра масая. Боясь презрения врача, Меромо не рассказывал подробно о том, что же послужило причиной ночных кошмаров и вторжений в реальность, и после полугода безуспешных попыток справиться с ними психиатр сдался.

— Теперь я проклят на всю жизнь? — спросил Меромо.

— Возможно, нет, — ответил психиатр. — Я не в силах помочь вам, но я знаю человека, который, возможно, способен на это.

Он порылся в столе и вытащил маленькую белую карточку. На ней была написана одна лишь фамилия: МБЮЛЕВО.

— Это его визитная карточка, — пояснил психиатр. — Возьмите.

— Но тут нет ни адреса, ни телефона, — сказал Меромо. — Как я свяжусь с ним?

— Он сам свяжется с вами.

— Вы сообщите ему мое имя?

Психиатр покачал головой:

— В этом нет нужды. Просто оставьте карточку у себя. Он узнает, что вы нуждаетесь в его услугах.

Меромо чувствовал себя так, словно стал объектом шутки, которую он сам так и не понял, тем не менее он положил карточку в карман и вскоре забыл о ней.

Двумя неделями позже, когда он пил в баре, оттягивая возвращение домой, чтобы поспать как можно подольше, к нему подошла маленькая женщина.

— Вы Джозеф Меромо?

— Да.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

— Зачем? — подозрительно спросил он.

— У вас есть дело к Мьюлево, не тай ли? — сказала она.

Меромо последовал за ней, но скорее потому, что пытался избежать возвращения домой, нежели потому, что действительно верил в то, что загадочный человек, не имеющий *имени*, сможет помочь ему. Они вышли на улицу, повернули налево, в молчании прошли три квартала и повернули направо, остановившись перед входной дверью небоскреба из стекла и стали.

— Шестьдесят третий этаж, — сообщила она. — Он ожидает вас.

— Вы не пойдете со мной? — спросил Меромо.

Она покачала головой:

— Моя работа выполнена. — Женщина повернулась и растворилась в ночи.

Меромо взглянул вверх. Похоже, на верхних этажах располагались квартиры. Меромо постоял, раздумывая, пожал плечами и вошел в вестибюль.

— Вы к Мьюлево, — сказал швейцар. Это не был вопрос. — Идите к лифту слева.

Меромо так и поступил. Лифт был обит навощенным деревом и пах свежестью и чем-то сладковатым. Он управлялся голосом и быстро доставил Меромо на шестьдесят третий этаж. Выйдя, Меромо оказался в элегантно оформленном коридоре, обшитом черным деревом и украшенном зеркалами. Он прошел мимо трех дверей, гадая, как же он поймет, какая из них ведет к Мьюлево, и наконец подошел к той, что была приотворена.

— Входи, Джозеф Меромо, — раздался откуда-то хриплый голос.

Меромо открыл дверь пошире, вошел в комнату и растерянно заморгал.

На потертом коврикe сидел старик, на котором не было ничего, кроме красного куса материи, подобранного у плеча. Стены были покрыты тростниковыми циновками, а на очаге побулькивал ядовитовонючий котел. Освещал комнату единственный фонарь.

— Что же это такое? — спросил Меромо, готовый отступить назад в коридор, если старик окажется таким же странным, как и обстановка комнаты.

— Подойди и сядь напротив меня, Джозеф Меромо, — приказал старик. — Наверняка это не так страшно, как твои кошмары.

— Что вы знаете о моих кошмарах? — воскликнул Меромо.

— Я знаю, почему они тебя мучают. Я знаю, что погребено на дне ущелья Олдувай.

Меромо быстро захлопнул дверь:

— Кто вам рассказал?

— Никто. Я всматривался в твои сны и плыл по ним, пока не узнал правды. Присядь.

Меромо прошел, куда указал старик, и осторожно сел, стараясь не запачкать свежевыглаженный костюм.

— Вы Мьюлево? — спросил он.

Старик кивнул:

— Я — Мьюлево.

— Как вы узнали про меня?

— Я — лайбон, — ответил Мьюлево.

— Знахарь?

— Это умирающее искусство. Я последний из практикующих.

— Я думал, что лайбоны могут только произносить наговоры и налагать проклятия.

— Они также могут и снимать их... а ведь твои ночи, да и дни, были сплошным проклятием, правда?

— Похоже, что ты все об этом знаешь.

— Я знаю, что ты совершил злое дело и тебя преследует не столько его призрак, сколько призраки будущего.

— А ты можешь покончить с этими снами?

— Потому я тебя и вызвал.

— Но ведь я сделал такую ужасную вещь, почему ты хочешь помочь мне?

— Я никого не осуждаю. Я здесь только для того, чтобы помогать масаям.

— А как насчет тех масаев, что живут у ущелья? — спросил Меромо. — Тех, кто преследует меня в снах?

— Когда они попросят помощи, я помогу им тоже.

— Ты не можешь сделать так, чтобы закопанные вещества исчезли?

Мьюлево покачал головой:

— Я не могу отменить то, что уже сделано. Я даже не могу смягчить твою вину, потому что это просто вина, все что я могу, так это изгнать ее из твоих снов.

— Я готов, — сказал Меромо.

Повисла тяжелая тишина.

— Что я должен сделать? — спросил Меромо.

— Принеси мне дань за услугу, которую я тебе окажу.

— Я могу выписать чек прямо сейчас или перевести деньги с моего счета на твой.

— У меня денег больше, чем нужно. Я должен получить приношение.

— Но...

— Принеси его завтра вечером, — сказал Мьюлево.

Какое-то время Меромо смотрел на старого лайбона, затем встал и без единого слова ушел.

Все утро он провисел на телефоне, потом отправился в два лучших в Додоме антикварных магазина. Наконец он нашел то, что искал, выписал

на свои собственный счет и забрал домой. Он боялся задремать перед обедом и потому всю вторую половину дня просто читал книгу, потом торопливо поел и возвратился в жилище Мьюлево.

— Что ты принес? — спросил Мьюлево.

Меромо положил сверток перед стариком.

— Головной убор из львиной шкуры, — ответил он. — Мне сказали, что его одевал сам Сендайю, величайший из всех лайбонов.

— Это не так, — сказал Мьюлево, не разворачивая сверток. — Но тем не менее это подходящая дань. — Он порывлся в складках своей красной туники, извлек маленькое ожерелье и протянул его Меромо.

— Зачем это? — Меромо изучал ожерелье, оно было сделано из соединенных между собою костей.

— Ты должен одеть это сегодня ночью, когда ляжешь спать, — объяснил старик. — Оно притянет к себе все твои видения. Потом, завтра, ты должен отправиться к ущелью Олдувай и бросить это на его дно так, чтобы видения могли лежать бок о бок с реальностью.

— И все?

— Все.

Меромо вернулся к себе в квартиру, одел ожерелье и лег спать. В эту ночь сны были еще хуже, чем когда-либо до этого.

Утром он положил ожерелье в карман и заказал правительственный самолет в Арушу. Там он нанял наземную машину и через два часа уже стоял на краю ущелья. Никаких признаков закопанных веществ.

Он взял ожерелье и забросил его подальше.

В ту же ночь кошмары исчезли.

Сто тридцать четыре года спустя громадная Килиманджаро содрогнулась, когда скрытый в ее глубине потухший вулкан внезапно возвратился к жизни.

За сотню миль, дно ущелья Олдувай со страшной силой тряхнуло и три свинцовых контейнера треснули и открылись.

К этому времени Джозеф Меромо уже давно умер; и, к сожалению, не осталось лайбонов, чтобы помочь тем, кто теперь был вынужден жить в кошмарах Меромо.

* * *

Я исследовал ожерелье у себя в жилище, но, когда я вышел, чтобы рассказать о том, что узнал, обнаружил, что весь лагерь пребывает в волнении.

— Что произошло? — спросил я у Беллидора.

— Экзобиолог не вернулась из ущелья, — ответил он.

— Она давно ушла?

— Она вышла из лагеря вчера на закате. Сейчас утро, а она не вернулась и не связалась с нами по коммуникатору.

— Мы боимся...

— ...что она могла...

— ...упасть и...

— ...теперь не может двигаться. Или может быть...

— ...даже без сознания, — сказали Близнецы.

— Я послал Историка и Культуролога на ее поиски, — сообщил Беллидор.

— Я тоже могу помочь, — предложил я.

— Нет, ты должен исследовать последний артефакт. Когда проснется Морито, я пошлю его.

— А как насчет Мистика? — спросил я.

Беллидор взглянул на Мистика и вздохнул:

— Она не произнесла ни единого слова с момента посадки. Честно говоря, я не понимаю, зачем она здесь. В любом случае, я просто не знаю, как с ней общаться.

Близнецы одновременно топнули, подняв вверх пару красноватых клубов пыли.

— Кажется подозрительным... — заметил один.

— ...что мы смогли найти крошечный артефакт... — сказал второй.

— ...но не можем найти...

— ...целого Экзобиолога.

— А почему вы не помогаете в поисках? — удивился я.

— У них кружится голова, — пояснил Беллидор.

— Мы обыскали...

— ...весь лагерь, — добавили они защищаясь.

— Я могу отложить поглощение последней находки до завтра и помочь в поисках, — вызвался я.

— Нет, — ответил Беллидор, — я послал за кораблем. Завтра мы отбываем, и я хочу, чтобы все наши главные находки к этому времени были исследованы. *Моя* обязанность — отыскать Экзобиолога, а *твоя* — прочесть историю последнего артефакта.

— Раз ты так хочешь, — сказал я. — Где он?

Беллидор подвел меня к столу, за которым Историк и Культуролог осматривали предмет.

— Даже я знаю, что это такое, — заметил Беллидор. — Неиспользованный патрон. — Он помолчал. — Наряду с тем, что эта находка последняя — мы больше не нашли никаких человеческих артефактов в поздних напластованиях, я бы сказал, что она сама по себе уникальна: пуля, которой человек предпочел не стрелять.

— Тогда это и вправду любопытно, — признался я.

— Ты...

— ...собираешься исследовать это...

— ...сейчас? — тревожно поинтересовались Близнецы.

— Да, — ответил я.

— Подожди! — хором завопили они.

Я завис над пулей, пока они пятились назад.

— Мы не хотим...

— ...проявить неуважение...

— ...но нас слишком расстраивает наблюдение за тем...

— ...как ты исследуешь артефакт.

С этими словами они поспешили скрыться из вида за какими-то строениями лагеря.

— А как вы? — спросил я Беллидора. — Не хотите, чтобы я подождал, пока вы уйдете?

— Ничего страшного, — ответил он, — я всегда любил многообразие. С твоего разрешения, я хотел бы остаться и понаблюдать.

— Как желаете. — Я позволил телу обвиться вокруг патрона, пока он не стал частью меня, а его история не стала моей историей, так отчетливо и ясно, словно все это произошло только вчера...

* * *

— Идут! — Томас Найкосайя посмотрел на сидящую напротив за столом жену. — Разве в этом могло быть малейшее сомнение?

— Это глупо, Томас! — резко ответила она. — Они заставят нас уйти, а мы даже не собрались и будем вынуждены все оставить.

— Никто никуда не пойдет, — сказал Найкосайя.

Он поднялся и подошел к шкафу.

— Ты остаешься здесь, — приказал он, натягивая длинное пальто и маску, — я встречу их снаружи.

— Оставлять их стоять там, когда они прошли такой длинный путь, и жестоко и грубо.

— Их никто не приглашал, — возразил Найкосайя. Он залез в шкаф поглубже и вытащил прислоненную к задней стенке винтовку, закрыл его, прошел через воздушный шлюз и вышел на крыльцо.

Перед ним стояли шесть человек, все в защитных костюмах и масках для фильтрации воздуха.

— Томас, пришло время, — сказал самый высокий из них.

— Возможно, для *вас* время и пришло, — ответил Найкосайя, небрежно придерживая висящую поперек груди винтовку.

— Время для всех нас, — ответил высокий.

— Я никуда не собираюсь. Тут мой дом. Я не покину его.

— Это зловонная радиоактивная язва, как и вся эта земля, — последовал ответ. — Мы все уходим.

Найкосайя покачал головой:

— На этой земле родился мой отец, и его отец, и отец его отца. *Вы* можете бежать от опасности, если хотите; я остаюсь и буду бороться.

— Как ты сможешь поставить заслон радиации? — воскликнул высокий человек. — Ты что, пошлешь в нее пулю? Как ты сможешь бороться с воздухом, который больше не пригоден для дыхания?

— Уходите, — у Найкосайя не было другого ответа, одно лишь убеждение, что он никогда не оставит свой дом. — Я ведь не прошу вас остаться. Не требуйте и вы, чтобы я уходил отсюда.

— Но это для твоей же пользы, Найкосайя, — настаивал другой. — Если тебя не волнует собственная жизнь, подумай хотя бы о жене. Сколько она сможет дышать таким воздухом?

— Достаточно долго.

— Почему бы не предоставить ей право решать самой?

— Я говорю от имени всей семьи.

Вперед вышел старик.

— Она — *моя* дочь, Томас, — сурово произнес он. — Я не позволю тебе приговаривать ее к той жизни, которую ты избрал для себя. И не позволю так жить внукам.

Старик сделал еще шаг по направлению к крыльцу, но внезапно в него уперлась винтовка.

— Достаточно, — сказал Найкосайя.

— Они масаи, — упрямо настаивал старик, — они должны уйти вместе с другими масаями в наш новый мир.

— Ты не масай, — презрительно ответил Найкосайя, — масаи не оставили землю предков ни когда чума истребила их стада, ни когда пришел белый человек, ни когда правительство продало их земли. Масаи никогда не сдаются. Я последний масай.

— Томас, будь благоразумен. Как ты можешь выдержать в мире, который больше не пригоден для жизни? Идем с нами к Новой Килиманджаро.

— Масаи не убегают от опасности, — сказал Найкосайя.

— Говорю тебе, Томас, — повторил старик, — что не позволю обречь свою дочь и внуков на жизнь в этом аду. Последний корабль уходит завтра утром. Они полетят на нем.

— Они останутся со мной, чтобы народ масаев возродился.

Шесть человек шепотом посовещались, и их вожак взглянул на Найкосайя.

— Ты совершаешь ужасную ошибку, Томас, — сказал он. — Если ты все-таки передумаешь, на корабле для тебя найдется место.

Они повернулись, чтобы уйти, но старик остановился.

— Я вернусь за дочерью, — сказал он.

Найкосайя потряс винтовкой:

— Я буду ждать тебя.

Старик повернулся и ушел за остальными, а Найкосайя возвратился в дом через воздушный шлюз. Кафельный пол пах дезинфекцией, а вид телевизора, как обычно, вызывал раздражение. Жена ждала его на кухне среди множества собиравшихся годами кухонных принадлежностей.

— Как ты можешь так неуважительно говорить со Старшими! — возмутилась она. — Ты опозорил нас.

— Нет! — оборвал ее Найкосайя. — *Они* опозорили нас этим бегством!

— Томас, на полях ничего нельзя вырастить. Все животные погибли. Ты ведь даже не можешь дышать без фильтрующей маски. Почему ты настаиваешь на том, чтобы мы остались?

— Здесь земля наших предков. Мы не покинем ее.

— Но все остальные...

— Пусть делают что хотят, — отрезал Найкосайя, — Энк-Аи⁴ их рассудит, Он всех нас рассудит. Я не боюсь встречи с Создателем.

— Но почему ты так торопишься встретиться с ним? — настаивала она. — Ты видел ленты и диски о Новой Килиманджаро. Прекрасный мир, зеленый и золотой, повсюду реки и озера.

— Когда-то Земля тоже была зеленой и золотой, и повсюду блестели реки и озера, — произнес Найкосайя. — Наш мир разрушили. Разрушат и еще один.

— Даже если и так, нас уже не будет, — сказала она. — Я хочу туда.

— Это мы уже проходили.

— И всегда в результате мы поступали так, как нам приказывают, а не по своей воле, — она немного смягчилась. — Томас, прежде чем я умру, я хочу увидеть воду, которую можно пить, не добавляя химикатов. Я хочу увидеть антилоп, пасущихся среди высоких зеленых трав. Я хочу гулять, не страшась хотя бы воздуха, которым дышу.

— Все уже решено.

Она покачала головой:

— Я люблю тебя, Томас, но я не могу остаться здесь, и я не позволю остаться тут нашим детям.

— Никто не заберет у меня детей! — прокричал он.

4 Энк-Аи — верховное божество масаев.

— Я не могу позволить тебе пренебрегать *их* будущим только потому, что тебе наплевать на собственное.

— Их будущее — тут, где всегда жили масаи..

— Папа, пожалуйста, идем с нами, — раздался тонкий голосок позади, и Найкосайя, повернувшись, увидел двух сыновей, восьми и пяти лет, стоящих в проеме спальни.

— Что ты им сказала? — подозрительно спросил Найкосайя.

— Правду, — ответила жена.

Он повернулся к мальчикам:

— Подойдите. — Они медленно пересекли комнату.

— Кто вы? — спросил он.

— Мальчики, — сказал младший.

— А *еще* кто?

— Масаи, — сказал старший.

— Верно. Вы произошли от расы гигантов. Было время, когда все земли, которые можно было увидеть, забравшись на вершину Килиманджаро, принадлежали нам.

— Но это было очень давно, — заметил старший мальчик.

— Наступит день, и все вновь станет нашим, — сказал Найкосайя. — Вы должны помнить о том, кто вы, сыновья. Вы потомки Аейо, убившего копьем сто львов; Нелиона, поднявшего восстание против белых и выгнавшего их из Рифта; Сендайо — величайшего из всех лайбонов. Когда-то кикуйю, и вакамба, и лумбва трепетали от страха при одном только упоминании слова «масаи». Это ваше наследие, не отворачивайтесь от него.

— Но и кикуйю, и остальные племена уже уехали.

— А что до этого масаю? Мы противостоям не только кикуйю и вакамба, но *всем* людям, пытающимся заставить нас изменить наш путь. Даже европейцы, завоевав Кению и Танганьiku, так никогда и не покорили масаев. А когда пришла Независимость и все остальные племена бросились в города, и надели костюмы, и копировали во всем европейцев, мы остались такими, какими были всегда. Мы носили то, что нам нравится, жили там, где нам хотелось, потому что мы гордились тем, что мы — масаи. Разве для вас это ничего не *значит*?

— Разве мы не останемся масаями, если улетим к другому миру? — спросил старший мальчик.

— Нет, — твердо ответил Найкосайя. — Масаи привязаны к своей земле. Мы — ничто без нее, а она — без нас. Это за нее мы всегда боролись, ее всегда защищали.

— Но теперь она больна, — сказал мальчик.

— А если я заболел бы, ты бы меня бросил? — спросил Найкосайя.

— Нет, отец.

— Так вот, так же, как ты не покинул бы меня в моей болезни, так и мы не покинем землю в ее скорби. Когда любишь что-то, когда это становится частью тебя самого, ты не бросишь это только потому, что оно заболело. Ты остаешься, и сражаешься даже упорнее, чтобы исцелить, чем когда сражался, чтобы завоевать.

— Но...

— Поверь мне, — сказал Найкосайя, — я когда-нибудь обманывал тебя?

— Нет, отец.

— Я не обманываю тебя и сейчас. Мы народ, избранный Энк-Аи. Мы

живем на земле, которую Он нам дал. Разве не понятно, что мы *должны* остаться здесь, что мы должны исполнить завет Энк-Аи?

— Но я никогда больше не увижу своих друзей! — захныкал младший сын.

— Ты найдешь новых.

— Где? — заплакал ребенок. — Все ушли!

— Прекрати немедленно! — сухо прервал Найкосайя. — Масаи не плачут.

Мальчик продолжал всхлипывать, Найкосайя j взглянул на жену:

— Это *твоя* работа. Ты избаловала их.

Она не мигая посмотрела ему в глаза:

— Пятилетним мальчикам позволено плакать.

— Но не масаям, — ответил он.

— Ну что ж, тогда он больше не масай, и у тебя нет основания, чтобы запретить ему идти со мной.

— Я тоже хочу уйти! — сказал восьмилетний и внезапно тоже скривился и заплакал.

Томас Найкосайя посмотрел на жену и детей — действительно *посмотрел* на них — и понял, что совсем не знал их. Эта женщина не та тихая домохозяйка, воспитанная в традициях его народа, на которой он женился девять лет назад. Эти мягкотелые всхлипывающие мальчики — не наследники Лейо и Нелиона.

Найкосайя подошел к двери и отворил ее.

— Идите в новый мир с остальными черными европейцами, — прорычал он.

— Ты пойдешь с нами? — спросил старший сын.

Найкосайя повернулся к жене.

— Я развожусь с тобой, — холодно объявил он. — Между нами все кончено.

Он прошел мимо сыновей:

— Я отказываюсь от вас. Я больше не ваш отец, а вы больше не мои сыновья. Теперь идите!

Жена надела на сыновей защитные костюмы и маски, потом оделась сама:

— Я пришлю до утра кого-нибудь забрать мои вещи.

— Я убью любого, кто вступит в мои владения.

Она посмотрела на него взглядом, полным ненависти. Потом взяла детей за руки и вывела их из дома, вниз по длинной дороге, в конце которой их ждал корабль.

Несколько минут он мерял шагами дом, его трясло от ярости. Наконец, он подошел к шкафу, надел защитный костюм и маску, вытащил винтовку и через воздушный шлюз вышел на крыльцо. Видимость была неважная, как всегда, и он вышел на дорогу посмотреть, не идет ли кто к дому.

Ни малейшего движения. Найкосайя был почти разочарован. Он намеревался показать, как масай защищает то, что ему принадлежит.

Но внезапно он понял, что масай *не так* защищает свою собственность. Найкосайя подошел к краю ущелья, открыл затвор и один за другим выбросил все патроны. Потом, размахнувшись, закинул вслед за ними винтовку. Следующим пошел защитный костюм, потом маска и, наконец, одежда и ботинки.

Он вернулся в дом и вытащил особый сундук, в котором хранились

все памятные вещи. В нем Найкосайя нашел то, что искал: простой кусок красной ткани. Он закрепил его на плече.

Потом он пошел в ванную и покопался в косметике жены. Почти полчаса ушло, чтобы подобрать нужное сочетание, но когда он вышел, его волосы были красными, как будто их смазали глиной.

Он остановился около камина и снял висящее над ним копье. Семейное предание гласило, что это копье когда-то держал сам Нелион; Найкосайя не очень этому верил, но это было настоящее копье масая, окровавленное за века во многих битвах и охотах.

Найкосайя вышел и остановился перед домом — своей *маньятта*⁵. Он покрепче расставил босые ноги на изувеченной земле, воткнул тупой конец копья рядом с правой стопой и в напряжении замер. Кто бы ни пришел этой дорогой — банда черных европейцев, чтобы ограбить его, лев из далекой истории, отряд нанди или лумбва, чтобы убить кровного врага, он будет готов к встрече.

На следующее утро сразу после восхода они вернулись, надеясь убедить его эмигрировать на Новую Килиманджаро. Последний масай, с разорвавшимися от загрязнения легкими, лежал вперившись мертвыми глазами через бескрайнюю саванну во врага, которого мог видеть только он.

* * *

Я освободил патрон, сила почти оставила меня, эмоции иссякли.

Значит, вот как для Человека все окончилось на Земле, наверное, меньше чем в миле от того места, где все началось. Так смело и так глупо, так нравственно и так дико. Я надеялся, что последний артефакт составит последний кусочек головоломки, но вместо этого он только сделал более загадочной тайну этой противоречивой и поразительной расы.

Нет ничего, что не было им не по плечу! Похоже, что в тот день, когда первый первобытный человек поднял голову и увидел звезды, мирные и свободные дни Галактики были сочтены. И все же, они принесли на звезды не только свои страсти, ненависть, страхи, но и свои технологии, медицину, своих героев, — не одних лишь злодеев. Большинство рас Галактики Создатель рисовал пастельными тонами; Человека — контрастными.

Я должен был многое обдумать, когда удалился к себе, чтобы освежить силы. Не знаю, как долго лежал я, сонный и недвижимый, обретая вновь энергию, но должно быть долго, потому что прошла ночь, прежде чем я почувствовал, что готов присоединиться к остальным.

Подойдя к центру лагеря, я услышал крики, доносящиеся со стороны ущелья, и мгновение спустя появился Культуролог; на заднем сидении его воздушного мотоцикла покачивалась большая сумка.

— Что ты нашел? — спросил Беллидор, и я вдруг вспомнил, что пропала Экзобиолог.

— Я даже боюсь предположить, — ответил Культуролог и положил сумку на стол.

Все члены экспедиции собрались вокруг, и он начал вынимать содержимое: залитый кровью и покореженный коммуникатор,

5 Маньятта — военный лагерь моранов (воинов-масаев).

разодранный тент, которым Экзобиолог обычно защищала голову от лучей солнца, оторванный кусок одежды, и, наконец, одну ярко-белую кость.

Стоило лишь выложить на стол кость, Мистик начала пронзительно кричать. Мы просто оцепенели, не столько от неожиданности, сколько от того, что впервые с тех пор, как она присоединилась к экспедиции, она проявила признаки жизни. Мистик продолжала смотреть на кость и вопить, и в конце концов, прежде, чем мы успели расспросить ее или убрать кость с ее глаз, она потеряла сознание.

— Похоже, что нет причин сомневаться в том, что произошло, — сообщил Беллидор. — Существа схватили Экзобиолога где-то по дороге в ущелье и убили ее.

— Возможно они...

— ...и съели ее... — добавили Близнецы.

— Я рад, что сегодня мы улетаем, — продолжал Беллидор. — Даже после всех этих тысячелетий дух Человека продолжает уничтожать и разрушать этот мир. Эти неуклюжие существа, вероятно, не могут быть хищниками: на Земле для них не осталось пищи. Но когда им представилась возможность, они напали на Экзобиолога ради мяса. У меня нехорошее предчувствие, что если мы здесь задержимся, мы тоже можем стать жертвами диких наследников этого мира.

Мистик пришла в сознание и вновь принялась надрывно кричать, Близнецы вежливо проводили ее в палатку, где дали ей успокоительное.

— Я думаю, что надо все зафиксировать официально, — сказал Беллидор. Он повернулся к Исторiku. — Вы не могли бы исследовать кость аппаратурой, чтобы мы были уверены, что это останки Экзобиолога?

Историк с ужасом посмотрел на находку:

— Она была моим *другом*! Я не могу исследовать это, точно обычный артефакт.

— Но мы должны убедиться, — настаивал Беллидор. — Ведь если она не принадлежит Экзобиологу, значит, есть шанс, хоть и крошечный, что наш товарищ все еще жива.

Историк неуверенно потянулся к кости, но затем резко отдернул руку:

— Я не могу!

Наконец Беллидор повернулся ко мне:

— Тот, Кто Наблюдает, у тебя есть силы исследовать кость?

— Да, — ответил я.

Они все вышли, чтобы освободить мне комнату, я позволил телу растечься над костью и поглотить ее. Я исследовал ее историю, эмоциональный осадок и сделал заключение:

— Экзобиолог.

— Как хоронят по обычаям ее расы? — спросил Беллидор.

— Кремируют, — сказал Культуролог.

— Что ж, тогда мы зажжем костер и превратим в пепел останки нашего друга, и каждый помолится о том, чтобы ее душа спокойно ушла по Вечному Пути.

Так мы и сделали.

Позже в тот же день пришел корабль и забрал нас с планеты, и только сейчас, свободный от ее губительного влияния, я могу

восстановить то, что узнал в то последнее утро.

Я солгал Беллидору — как и всем остальным — потому что, сделав открытие, я тотчас понял, что моя первейшая обязанность — как можно быстрее забрать всех с Земли. Скажи я им правду, один из них, а может и несколько, остались бы, потому что они ученые, ученые с пытливым, исследовательским умом, и мне бы никогда не удалось убедить их, что пытливый, исследовательский ум никак не сочетается с тем, что я обнаружил в седьмом и последнем своем обзрении ущелья Олдувай.

Кость *не* принадлежала Экзобиологу. Историк, или даже Морито, поняли бы это, но они были слишком потрясены, чтобы исследовать находку. Это была большая берцовая кость Человека.

Человек вымер по крайней мере за пять тысячелетий до того, как мы, граждане Галактики, пришли на его родную планету, чтобы попытаться понять его. Но те неуклюжие, странные ночные создания, которых, казалось, так привлекал наш лагерь, и представляли собой то, во что превратился Человек. Даже загрязнение и радиация, которые он сеял по своей родной планете, не смогли уничтожить его. Они просто изменили Человека до неузнаваемости.

Я мог бы сообщить вот что: это — берцовая кость псевдо-Человека, выследившего Экзобиолога на дне ущелья, напавшего на нее, убившего и, да, съевшего. Хищники встречаются во всех мирах Галактики.

Но став с костью единым целым, ощутив, как она вновь и вновь обрушивается на голову и плечи нашего товарища, я почувствовал такую силу, такую экзальтацию, которые не испытывал никогда до этого. Я вдруг увидел мир глазами обладателя кости. Я увидел, как он убивает своего же друга, чтобы получить оружие, я увидел, как он замыслил использовать тела старых и немощных, чтобы получить еще больше оружия, я увидел, как сражается он с другими стаями, живущими неподалеку от ущелья.

И, наконец, в миг триумфа, он и я взглянули вверх, на небо, и мы знали, что наступит день, когда все, что мы видим, будет принадлежать нам.

И вот уже два дня я живу с этим знанием. Я не знаю, с кем можно разделить его, ибо безнравственно истреблять целую расу только из-за того, что мечты ее — грандиозны, а стремления — безжалостны.

Но эта раса отказывается умирать, и я должен как-то предупредить всех нас, проживших в покое и гармонии почти пять тысячелетий.

Это еще не конец.

«Нельзя ли решить это как-нибудь культурно?»

Эйвин Мюре

ИНСТИТУТ ВСЕХ ПРОБЛЕМ

Публикуется с согласия автора

Перевела Элеонора Панкратова

Это объявление, напечатанное в рубрике «Частные», сразу же наводило на мысль о каких-то темных делах. Если бы не отчаянная нужда в деньгах, Биргер Боруд вряд ли вообще стал бы его читать.

Он взялся за телефонную трубку, вновь и вновь пробегая глазами текст: «У Вас есть какие-то проблемы? Денежные затруднения, болезни, одиночество? Неважно какие. Мы готовы прийти на помощь. Звоните в «Институт всех проблем», тел.:...» «Торговля наркотиками, шантаж, финансовые махинации», — пронеслось в его голове.

А, впрочем, позвонить что ли, это ни к чему не обязывает. Он набрал номер.

После первого же гудка раздался приятный низкий мужской голос:

— «Институт всех проблем» к вашим услугам.

— Моя фамилия Боруд. Я тут сегодня прочел ваше объявление и подумал...

— Мы с удовольствием поможем вам, — раздался уверенный голос. — Не могли бы вы заглянуть к нам для разговора о вашем деле?

— Видите ли, может быть, стоит рассказать вам заранее. Я не уверен, те ли это самые проблемы...

— Какие бы проблемы вас ни волновали, мы их решим, — уверенно произнес низкий голос, — ваша заявка принята.

Биргер Боруд даже не знал, как уж это получилось, но он немедленно согласился быть через пятнадцать минут по указанному адресу.

— Я тут выскочу на часок. Вечером наверстаю, — сообщил он, уходя.

Антонсен был отнюдь не в восторге. Ну, плевать, уж Антонсен — не самая главная проблема в жизни при теперешних-то его обстоятельствах.

На улице была слякоть, весь тротуар покрыт грязным тающим снегом. Одержимый мрачными мыслями, он направился вниз по улице, к старинному зданию, где помещался институт.

Он так надеялся, что его чудесный новый дом произведет впечатление на друзей. Вместо этого тот принес ему одни огорчения. Оказался невероятно дорогим, и сейчас у него просто не было денег на очередной взнос. Да уж, мало радости от этих хором!

На крошечной табличке, прибитой к двери, он прочел надпись квадратными буквами: «Институт всех проблем». Когда Биргер постучал, у него как-то странно засосало под ложечкой.

Показался пожилой мужчина, у него было приветливое лицо с заостренными чертами и волосы с проседью. Роговые очки придавали ему сходство с умудренным годами солидным писателем. Его ослепительная улыбка обнажила ряд безукоризненно белых зубов.

— Смею предположить, Биргер Боруд? Я — Эдвард Локе. Прошу вас, проходите и извините за беспорядок, я только что приступил к своей деятельности.

Биргер Боруд растерянно пожал его руку, крепко сжатую в кулак, и последовал в запыленную комнату. И только позднее он вспомнил, что ведь он не называл по телефону своего имени, только фамилию.

Биргер сел в высокое кожаное кресло. Локе убрал с письменного стола бумаги и, скрестив на нем сжатые в кулаки руки, нацелил взгляд из-под роговых очков на Биргера:

— В чем конкретно вы нуждаетесь?

Биргер Боруд решил про себя, что именно сейчас нужно немедленно выяснить, сможет ли он на самом деле рассчитывать здесь на помощь.

— Мне нужно сто тысяч крон до пятнадцатого числа, — произнес он совершенно безнадежным тоном.

Его пожилой собеседник улыбнулся:

— Ближайший понедельник устроит?

Биргер обомлел.

— Пожалуй... — промямлил он, — но каковы ваши условия?

— Для начала просто позвольте продемонстрировать наши возможности. Как только вы оцените их, может быть, у вас появится желание расширить сотрудничество с нами. Видите ли, мы нуждаемся в деятельных сотрудниках...

«Господи, уж не шпионажем ли тут пахнет?» Но Биргер Боруд тут же

отбросил от себя эту мысль. Неужели шпионский центр будет вербовать агентуру с помощью частных объявлений? Кроме того, какой интерес для них мог бы представлять он, простой бухгалтер налоговой инспекции. Самая большая тайна, которой он владел, это то, что Антонсен устраивает роскошные обеды с возлияниями для важных клиентов, расходы на которые умело списывает по другим статьям.

— Скажем так, вы обещаете связаться с нами, как только убеждаетесь, что мы свои обещания выполняем, — предложил Локе. — Тогда и обсудим условия.

Он поднялся с кресла. Биргер тоже встал, снова пожал протянутый ему крепко сжатый кулак, и, как будто порывом ветра, его вынесло на улицу. Так или иначе, это явилось подтверждением, что как бы то ни было, «Институт всех проблем» выполнит обещанное Локе.

Биргер иногда играл на скачках, он ставил на фаворита или как Бог на душу положит, как во время игры в кости. И никогда не было удачи.

При такой системе выигрывает один из двенадцати. В воскресенье государственное норвежское радио объявило, что выигрыш, выпавший на число «двенадцать», составил сто четыре тысячи крон.

Сидя в конторе утром в понедельник, он прямо-таки не знал, что и подумать. Случайность? Это должно быть случайностью. И все-же...

Он набрал номер.

Локе явно ожидал его звонка:

— Насколько я понимаю, ваши непосредственные затруднения позади, дорогой друг. Когда бы мы могли с вами увидеться?

Здравый смысл целиком подсказывал ему, что никакой связи между произошедшими событиями не было. Единственный аргумент в пользу Локе: пачка новеньких банкнот — сто четыре тысячи крон. Биргер теперь уже пожалел, что не попросил сумму в два раза больше.

Была назначена новая встреча.

Локе приветствовал его, сидя в кресле. У этого человека было удивительное свойство: от него веяло необыкновенным спокойствием, ему хотелось довериться. Волнение Биргера тотчас же улетучилось, и на его место пришло ощущение безмятежности и приятного нетерпеливого ожидания.

Локе сложил ладони и заглянул Биргеру глубоко в глаза:

— Давай обсудим наше дальнейшее сотрудничество, Биргер. Ну-ка поведай мне, что бы хотелось тебе больше всего на свете?

Не успев опомниться, Биргер уже выкладывал свои самые сокровенные мечты, с которыми в свои двадцать восемь лет решил расстаться, зная, что они нереальны: деньги, известность, признание, девушки, дом просторней и красивей прежнего, на зависть всем родственникам и друзьям. Ему хотелось бы совершить что-нибудь большое, значительное, чтобы его имя появилось на первых полосах газет, а лицо — на экране телевизора; чтобы девушки мечтали о нем, а не высмеивали его робкие попытки ухаживания. И еще, он страстно желал бы...

Локе внимательно слушал и кивал, перечень совсем не удивил его.

Наконец поток красноречия Биргера иссяк.

— Ты — как раз тот человек, который нам нужен, — произнес Локе. — Прекрасно справляешься с бухгалтерской работой, у тебя талант

организатора и хорошие связи. Дело в том, что я получил задание открыть наш филиал в вашей стране. И нам нужен дельный сотрудник, который взял бы на себя руководство им, когда я исчезну с горизонта.

Биргер слушал как завороченный. Локе рисовал заманчивые картины, но он так и не сказал, какого рода деятельностью предстояло заняться новой фирме.

Наконец Локе поднялся со своего места:

— Давай покажу, что именно может предложить наша фирма, и ты приступишь к работе.

Он подошел к массивному дубовому шкафу в глубине комнаты и поманил к себе Биргера.

Распахнул дверцу шкафа. За ней скрывалась еще одна, в которую было встроено старинное, в полный рост зеркало, поверхность у него была какая-то неровная. Биргера прошиб пот, по всему телу забегали мурашки: *зеркало не было зеркалом*. Желтый поток света расплылся по поверхности, туда спроецировались темные силуэты его самого и Локе и тут же исчезли. Блестящая поверхность зеркала подернулась влагой. Потом все прояснилось... Локе показал ему все сокровища мира.

Он увидел старинный роскошный особняк с ухоженным садом вокруг. Сад был огорожен кирпичной стеной высотой в человеческий рост. От чугунных ворот вдоль аллеи дорожка, выложенная плиткой, вела в сторону застекленной беседки перед домом. Та часть сознания Биргера, которая еще продолжала критически оценивать происходящее, отметила, что подобных владений найдется, пожалуй, всего несколько даже в Вестканте⁶, и каждое потянет на несколько миллионов крон...

Картина исчезла, другое разноцветное пятно закружилось по поверхности зеркала и сконцентрировалось в новое изображение: Биргер увидел самого себя в окружении восхищенных друзей, которые улыбались, почтительно выслушивая его афоризмы, смеялись до слез его остроумия.

В этом элегантном молодом человеке, в котором он безо всяких сомнений узнавал себя, было что-то совершенно незнакомое. Иная манера держаться, какая-то подчеркнутая самоуверенность.

И снова радужные полосы поползли по зеркалу. Он увидел себя, сидящим в сумерках на диване между двух пухленьких полураздетых девиц; обе с улыбкой прижимались к нему, и он никак не мог решить, какую выбрать.

В этой темной, запыленной комнате, стоя перед зеркалом, Биргер Боруд созерцал те соблазны, о которых всю свою жизнь он мог только мечтать. Голова закружилась от восторга. Тело покрылось испариной.

И вновь зазмеились цветные полосы, возникла новая картина:

Прекрасный домик у моря с собственным пляжем. Газетный заголовок: «Биргер Боруд — поп-сенсация года». А вот и он сам на борту воздушного лайнера среди пассажиров бизнес-класса рядом с ослепительной рыжеволосой дамой в мехах.

Изображение погасло. Биргер Боруд стоял в изумлении, не зная, что и подумать и что сказать. Губы Лоне растянулись в улыбке.

— Все это я могу дать тебе, если станешь служить у меня.

Блеск фантазмагии лишь слегка приглушался в сознании Биргера

⁶ Весткант — традиционно фешенебельная часть Осло.

тонкой пленкой из соображений мелочного здравого смысла и прописных истин, которые и составляли его картину мира. И этот мыльный пузырь лопнул. Биргера охватило веселье. Вдруг стало совсем легко. Мир, полный безграничных возможностей, расстился перед ним. Он кивнул:

— Я хочу взглянуть на договор.

Локе нашел на столе какую-то бумагу и поднес ее к свету. Перед глазами Боруда заплясали строчки.

Это был самый удивительный документ, который он когда-либо читал в своей жизни:

«С сего дня между Биргером Борудом и Эдвардом Локе заключается следующий договор: Боруд, находясь в здравом уме и твердой памяти, берет на себя обязательства основать «Институт всех проблем» в Норвегии, а впоследствии взять на себя и руководство таковым на материальные средства, полученные от Локе, и в соответствии с его указаниями; Боруд получает вознаграждение, масштабы которого, как засвидетельствовано подписью, полностью согласованы с Локе. Фундаментом данного договора является полное взаимопонимание сторон. Действие данного договора может быть приостановлено только по взаимному соглашению сторон. Его действие ограничивается только рамками норвежского законодательства.

Обе стороны обязуются приложить все усилия в следовании как букве, так и духу данного соглашения.

Осло...»

Локе поставил свою подпись — какую-то длинную закорючку, совершенно непохожую ни на одну из тех многочисленных подписей, которые Биргеру Боруду довелось видеть, работая бухгалтером.

Естественно, документ не был юридически оформлен, для этого он был слишком расплывчатым. И тем не менее у Биргера было ощущение необходимости смириться с этим в собственных интересах.

— Здесь ничего не сказано о рабочем времени... — заметил он.

Локе добродушно усмехнулся:

— Как только войдешь в курс дела, работа будет отнимать у тебя не более трех-пяти часов ежедневно.

Небольшая часть дотошного бухгалтерского мозга Биргера начала вычислять преимущества и возможные неудобства. «Такая перспектива, — прошептала эта часть мозга, — может рассматриваться как соответствующая пункту «Полное взаимопонимание».

Локе протянул ему ручку.

Биргер решился — он схватил ручку и поставил свою корявую подпись.

Волна радости захлестнула Биргера. Он свободен, он сумел принять решение. Теперь можно было небрежно развалиться в высоком кресле.

— Когда я должен приступить?

Какое это было наслаждение — видеть выражение лица Антонсена, когда он сообщил, что увольняется, а заодно высказать все, что думает об их конторе и самом Антонсене. Как на крыльях, упиваясь трепетным чувством свободы и уверенности, несясь он по коридору, мимо комнат, в которых сидели, зарывшись в бухгалтерские счета, несчастные сотрудники с молчаливыми, угрюмыми лицами. Он улыбался и кивал этим серым лицам, а потом расхрабрился настолько, что впервые за все время послал воздушный поцелуй вахтерше. Она закрыла глаза от столь

неслыханной дерзости со стороны этого молодого человека, потом просияла и изобразила губками ответный поцелуй.

Как чудесно было шагать по засыпанным мокрым снегом улицам Осло. Мимо спешили люди с землистыми ноябрьскими лицами, по которым было видно, что все у них в жизни уже позади. Было, конечно, слегка опрометчиво так сразу сжечь все мосты. Наверное, разумнее было бы подождать несколько дней, но он прекрасно знал себя, — в таком случае возникли бы сомнения, потом стали бы множиться, и он уже никак не смог бы принять решение. Но теперь все его колебания улетучились, он знал, что ничего невозможного, ничего недостижимого нет, он больше не нуждается в фальшивом сочувствии обывателей.

На улице Гренсен, прикрыв свои прилавки навесом из пленки, стояли «спасители человечества» — офицеры Армии Спасения, несколько представителей стачечного комитета, какие-то бородами — последователи разных восточных учений. Биргер Боруд нахально протолкнулся сквозь всю эту толпу. Он надменно шел напролом, а «спасители человечества» были вынуждены расступаться перед ним.

Люди отступали перед наглостью. Никто не осмелился остановить его.

Но вот какое дело: в конце улицы Гренсен стоял одинокий человек с пачкой каких-то брошюр в руках, которые он вроде бы и не очень старался распространить. Но, когда Биргер Боруд проходил мимо, он будто вдруг очнулся и вперил свой взгляд в него. Ясные и глубоко посаженные глаза этого человека как будто видели насквозь, и взгляд этих глаз на мгновение поколебал новоявленную самоуверенность Боруда.

Этот «спаситель человечества» протянул ему небольшую книжечку.

— Ты обязательно должен прочитать это, — произнес он кротким голосом.

Голос звучал так убедительно, что Биргер невольно взял книжечку и засунул ее во внутренний карман. Но прежде чем он успел спросить, о чем брошюра и почему ему так необходимо прочесть ее, незнакомец исчез в толпе.

Слегка обескураженный тем, что он, оказывается, по-прежнему еще такой слабохарактерный, шел он по улице Карла Юхана. Мало-помалу досада уступила место трепетному ожиданию. Биргер стал предвкушать встречу с соседской девушкой, очаровательной студенткой, с которой он так и не решился даже поздороваться. Пару раз он силился сделать это, даже приготовил какое-то умное замечание о погоде, но когда они встречались и надо было произнести заготовленную фразу, сердце его начинало рваться из груди, и все кончалось какой-то гримасой и невразумительным мычанием. Теперь-то уж он не сомневался, что найдет нужные слова, любое его высказывание будет искриться умом, а в голосе зазвучит такая мужественная сила, что все женщины будут готовы покориться ему. Теперь-то он получит все то, о чем так долго мечтал в одиночестве.

По дороге, стоя в трамвае, он с таким наслаждением воображал нежные женские ручки и другие прелести, что проехал свою остановку, и ему пришлось пересесть на другой трамвай и вернуться на две остановки назад.

В почтовом ящике его ждал толстый конверт, отправлен он был в субботу. Обратного адреса не было. Биргер надорвал пакет, выпала

толстая пачка: тысячекроновые банкноты. Горячая волна радости захлестнула его. Вот и короткая записка: «Небольшой аванс в соответствии с договором». Без подписи.

Конверт был отправлен два дня назад, а договор заключен только сегодня.

Невозможно было понять, как же это могло получиться, да он и не пытался.

Войдя, взглянул на себя в зеркало и остолбенел.

Неужели это он? Все черты лица как будто бы прежние, трудно сказать, что же в нем переменялось, но Биргер Боруд, всю свою сознательную жизнь понимавший, что он недотепа и мямля, сразу догадался, в чем именно дело: изменилась манера держаться. До этого он всегда шел, неуверенно волоча ноги, как будто извиняясь за каждый сделанный шаг, а теперь он прямо-таки стремился вперед. Раньше он передвигался согнувшись, втянув голову в узкие плечи, как будто бы каждую секунду опасался, что в него бросят снежком. Теперь он стоял выпрямившись, грудь колесом, голова гордо поднята. Раньше у него была широкая покатая спина и выпирающий вперед живот, похожий на смешной шарик. Вес тела не изменился, но каким-то удивительным образом пропорции тела стали иными. Теперь он был мужчиной крепкого телосложения с мускулистым животом. Его нижняя челюсть всегда была бесформенной, как будто навсегда отвисла от изумления, теперь у него был прямой подбородок и четко очерченный рот. Выражение лица нельзя было бы назвать неопределенным, взгляд стал пронзительным и загадочным...

До этого, в течение целого года, он пытался отучиться от привычки волочить ноги, то и дело сжимал губы, чтобы подбородок не отвисал, старался распрямиться и не втягивать голову в плечи, как улитка в домик. Теперь все изменилось без малейших усилий с его стороны.

Он лучезарно улыбнулся своему отражению в зеркале. Потом прошел в комнату и принялся оформлять кредитные обязательства: у него было горячее желание разделаться с этими досадными пустяками немедленно.

Биргер Боруд приступил к работе в «Институте всех проблем», все сразу пошло как по маслу, единственная загвоздка была в том, что он никак не мог понять, чем, собственно, занимается институт.

Он помещал объявления в газетах. Когда кто-то откликнулся, ему предстояло подробно изучить клиента, прежде чем допустить его к Локе. Его обязанностью было — выяснить цель прихода. Надежный ли это человек? Достоверны ли были сведения, даваемые им о себе?

После каждой такой встречи он составлял краткий отчет, и уже только после этого клиент мог предстать перед Локе. Порой клиенты вступали в длинные душевные беседы с Локе. Некоторым из них он явно благоволил: им поручалось открывать филиалы института в разных концах страны. Задачей Биргера было держать в поле зрения всю сеть контактов, по мере того как она ширилась. Все расходы покрывались за счет новой фирмы А/С «Импорт». С ее же счетов он снимал суммы, причитающиеся ему в качестве жалования — незначительная часть дохода, с которой он платил налог.

Сеть контактов росла. Расширялась и деятельность самого Биргера. Он обзавелся компьютером, снял несколько комнат для своей конторы, а вскоре она уже занимала целый этаж административного здания, нанял служащих после тщательной их проверки со стороны Локе. По всей

стране организовывал он новые компании, необозримую сеть офисов, которые не занимались почти ничем иным, кроме контроля над собственной деятельностью и покрытием расходов компании A/S «Импорт».

Откуда же брались деньги? Некоторые из их компаний были инвестиционными, они покупали и продавали акции и вклады других фирм и зарабатывали огромную прибыль на колебании курсов акций. Была еще одна компания «Угадывай и выигрывай» A/S, которая занималась исключительно тотализатором и лотереями. И здесь доходы были значительными. От этих прибыльных компаний деньги шли к другим в необозримом потоке трансферных акций.

Вскоре Биргер Боруд смог переложить управление всеми компаниями на компьютер. В нужный момент он имел возможность просмотреть какие угодно счета любой из дочерних компаний и убедиться, взглянув на колонки цифр, в неуклонном росте прибыли из месяца в месяц.

Достигнув определенного предела, «Институт всех проблем» и его филиалы стали расширяться сами по себе. Скоро выяснилось, что первый компьютер уже не справляется и его необходимо заменить на более мощный. Вместо тридцати сотрудников их стало сто, потом триста, возникла необходимость расширить конторские помещения, и скоро они занимали уже целиком все здание.

Ни об одном из сотрудников Биргер не мог сказать, чем же собственно тот занимался. Они приходили и уходили с работы когда вздумается. Многие новые сотрудники внушали неприязнь, но он изображал приветливость по отношению к ним: было в них какое-то безразличие и пустота, сидели ли они за письменными столами или суетились, выполняя какие-то мистические поручения, лица у них при этом были всегда какие-то невыразительные, безжизненные. Повсюду стояла зловещая тишина, лишь изредка хлопала дверь, жужжал телефон или раздавался чей-то возглас и никогда — смех. В общем, обстановка была тягостная.

Надо всем царил Локе. Его присутствие не было навязчивым, но он всегда незримо был рядом, а вкрадчивая улыбка и угрюмый взгляд нависали над конторой как застарелый запах табака, который никак не выветришь из штор. Биргеру никогда не доводилось видеть, как Локе приходит в контору или уходит из нее. Складывалось впечатление, что Локе постоянно обитал в своем небольшом кабинете. Конечно же, это невозможно. Ведь были же у него обычные человеческие потребности в еде, отдыхе, развлечениях. Из своего кабинета он постоянно следил за деятельностью всей их огромной фирмы через Биргера и других сотрудников, которые приходили и уходили когда вздумается.

Биргеру грех было бы жаловаться на то, как Локе выполнял условия договора, хотя официальным жалованьем он не мог похвастаться — основной доход шел от другого: постоянные выигрыши на скачках, выигрыши в лотерею, успех во всех делах там, где раньше его всегда ждала неудача. Биргер просто-напросто совершенно переменялся. Он, всегда робкий по самой сути своего характера, стал открытым, уверенным в себе, центром притяжения для всех. Вокруг него появились толпы друзей и восторженных почитателей. После стремительной трехдневной осады соседская девушка полностью покорила его. На этом, собственно, его увлечение ею и закончилось, если не считать тех

милостиво назначенных свиданий, после того, как она звонила ему и рыдала в трубку, говоря, что не может без него жить. Порой он собирал целый гарем — связывать себя обязательствами ему совсем не хотелось. И почему он должен отказываться от главных жизненных удовольствий, особенно если все эти женщины приходили к нему сами и буквально вешались на шею?

Он переселился в тот самый сказочный особняк, который Доке показывал ему в зеркале. И вот каждый вечер особняк наполнялся звуками песен, смехом гостей. Как-то он спел перед своими восторженными гостями несколько шлягеров, они прямо-таки впали в экстаз от необыкновенного тембра его голоса, мелодичности, интеллектуальной глубины текста; один из его друзей, работающий в фирме грамзаписи, убедил Биргера подписать с ним контракт. Первый же его диск имел ошеломляющий успех. Затем последовали выступления по радио и телевидению, после чего на него обрушилась целая лавина писем поклонников. Его не оставляли в покое. Он был засыпан всевозможными предложениями; школьницы присылали ему письма, залитые слезами, не давали проходу, где бы он ни появлялся.

Он занял и домик у моря. Этот домик стоял в потаенном месте, где в любой момент можно было укрыться с какой-нибудь своей избранницей, когда все остальные начинали уж очень докучать ему. Рождество он праздновал в Буэнос-Айресе вместе с наряженной в меха ослепительной рыжеволосой красавицей, с той самой, которую он видел тогда в зеркале.

Правда, вся эта творческая деятельность требовала времени. Слава Богу, основная работа становилась все менее и менее обременительной. Дела в фирме шли полным ходом, при этом выходило так, что эффективность его собственных действий могла бы повергнуть в изумление даже Антонсена. Через год он уже мог позволить себе лишь изредка забегать в контору, проводя в ней несколько часов в неделю.

Биргер Боруд достиг в жизни гораздо больше, чем он мог когда-либо мечтать. Он мог бы купаться в счастье.

Но этого почему-то не было.

Всякое новое удовольствие приедалось уже через несколько дней. Он уже был не в состоянии радоваться своим триумфам, которые следовали один за другим с неотвратимостью календарных дат. От него не требовалось усилий, чтобы достичь желаемого, никакой борьбы, упорства в преодолении трудностей, самоотречения. Не было ни напряжения, ни предвкушения радости по мере приближения к цели, ни пьянящего сознания достигнутого успеха — ничего этого не было.

И ему нечему было больше радоваться.

Когда-то давно, еще работая помощником бухгалтера, он накопил денег, чтобы съездить в отпуск на Майорку. Всю зиму он посещал курсы испанского языка и с помощью прилежания и зубрежки сумел запомнить около сотни слов, усвоил несколько устойчивых выражений, несколько грамматических правил. У него голова закружилась от гордости, когда он впервые, запинаясь, пролепетал свой заказ в ресторане по-испански и кельнер понял его! Это явилось для него гораздо большим достижением, гораздо большей радостью, чем та, которую он испытал, когда вышел его первый платиновый диск.

Он заметил, что всякое удовольствие стало для него пресным, внутри себя он ощущал пустоту, все большую пресыщенность, отчаяние. Его стали посещать неясные мысли о том, какой должна быть настоящая

жизнь: упорная борьба и испытания, бездны и вершины, победы и поражения. Постепенно он осознал, что если и приобрел все сокровища мира, то заплатил за это слишком дорого — он отдал за них главное — радость жизни.

Локе посмотрел на него, как всегда приветливо улыбаясь:

— У меня есть для тебя весьма важное поручение, Биргер Боруд. Как я уже говорил, постепенно тебе предстоит взять на себя управление нашей фирмой. До настоящего времени ты прекрасно работал, но, прежде чем ты возьмешь полностью в свои руки бразды правления, я хочу испытать тебя. Я уезжаю на неделю и хочу, чтобы на этот период ты бы взял руководство на себя.

Биргер кивнул. Он не задавал вопросов, уже давно усвоив, что Локе сообщал другим только то, что сам считал нужным.

Локе перевел взгляд в угол комнаты, Биргер мгновенно невольно посмотрел туда же. Там были сложены какие-то плоские, упакованные в картон предметы, штук восемь-десять.

— К нам поступила партия импортных товаров, их следует как можно скорее разослать дальше, нашим представителям с Сторд, Гаусдал и Бреннесунн: вот список адресов. Чрезвычайно важно отправить их завтра же, рано утром, ни в коем случае не повредив, в той же упаковке.

Приятно было услышать, что фирма занялась все же импортом. Интересно было бы, конечно, открыть какой-нибудь из этих свертков, но он знал, что делать этого не следует. Что же это может быть — двери? Или такие же большие зеркала, что находятся в шкафу у самого Локе?

Локе внимательно следил за выражением его лица, и Биргеру было неприятно сознавать, что он читает каждую его мысль, а произнесенные вслух слова откровенно забавляют его.

— Я тут наметил несколько встреч на ближайшие дни, — продолжал Локе. — Здесь записаны фамилии и время встреч. Ты знаешь, чего я жду от тебя. По ходу разговора с клиентом дай ему посмотреть в зеркало. Каждый увидит то, чего жаждет больше всего на свете; зеркало показывает людям их мечты, которые могут стать явью, те потенциальные жизненные возможности, которые могут осуществиться, поэтому-то они и начинают сотрудничать с нами. Готовые для подписания договора — вот здесь, в ящике письменного стола.

Локе поднялся и проводил Биргера до двери:

— Если справишься с этим, не успеешь оглянуться, как будешь заправлять всеми делами в фирме. А также и получишь ответ на многие волнующие тебя вопросы.

Внезапно Биргер ощутил, что у него мороз пробежал по коже, и всякое желание проникнуть в тайну, окутывающую Локе, сразу же улетучилось.

В тот же вечер в гостях у Биргера Боруда была одна прелестная куколка, которую он только что подцепил. В комнате царил полумрак, горели только бра над диваном, на столике стояло вино, из радиолы доносились мечтательные звуки флейты Бу Хан-ссона.

Грызая яблоко, девушка порхала по комнате. Она с удовольствием изучала окружающую обстановку — мебель, картины, книги на полках; время от времени качала головой, отпуская глубокомысленные критические замечания.

А за окном стоял вечер, такой светлый и тихий. Птичьи трели, похожие на звуки флейты, доносящиеся из листвы деревьев, сплетались с чарующими звуками мелодий Ханссона в единый сверкающий музыкальный узор.

Девушка сняла с полки еще одну книгу:

— Господи! А это что еще такое?

— А, эта? — Он взглянул на черную картонную обложку и задумался. — Мне всучил ее какой-то тип на улице около полу-года назад. Я ее не читал.

Ему очень хотелось, чтобы она поскорее оставила книги в покое. Зачем ей, такой хорошенькой, стоять, наморщив лоб, и перелистывать книгу. Этакой девушке гораздо больше подходит быть в чьих-то объятиях с полузакрытыми глазами и мечтательной улыбкой на губах. Охота ей рыться в книгах. Он не мог не заметить, что разбиралась она в книгах разительно лучше него.

Оглядев роскошные тома «высокохудожественной литературы», наводнившей полки, она поморщила носик. Потом снова углубилась в чтение, морщинка на лбу обозначилась резче.

— Это самая потрясающая ахиня, с которой мне когда-либо доводилось сталкиваться в своей жизни. Хочешь послушать? — выпалила она.

Он вздохнул. Сегодня, видимо, придется потерпеть, пока получишь сладенькое. Не дожидаясь ответа, она принялась читать вслух:

— «Бог и Сатана в свете современной космогонии. Рабочая гипотеза». Имя автора не указано. «Глава 1: Боги и Дьяволы в исторической перспективе. Глава 2: Бог и Дьявол в Библии. Глава 3: Другие религии. Глава 4...» — тут она быстро перевернула несколько страниц. — А, вот где самое главное! «Глава 8: Понятие дьявольщины. Общие выводы».

Она села рядом с ним. У него перехватило дыхание, он почувствовал, как его раздирают два противоположных чувства: он ощутил аромат чистого теплого тела девушки, ее волос, дыхания и, в то же время, слова, произносимые ею, внушали ему неприятное беспокойство.

Она читала вслух: «Таким образом, мы видим, что во все времена у людей существовали четко оформленные представления о сверхъестественных силах, властно вторгающихся в человеческую жизнь. В высокоразвитых культурах признают, что эти силы — вне пределов физической досягаемости во вселенной — так как наша Земля с ее многообразной жизнью, Солнце и другие планеты, бесконечная вселенная с миллионами галактик и триллионами звезд — все это лишь только крошечная часть большего целого. Возникает вопрос, каким образом высокоразвитые культуры формировали свои представления, при том что эти представления, столь различные на разных широтах, имеют поразительное сходство в главных чертах. Мы уже указывали — сверхъестественные силы всегда представляли пред людьми в образах, которые были непосредственно связаны с восприятием реальности в том или ином культурном ареале. Например, вы начинаете изучать язык и нравы какого-то определенного народа, ну, скажем, если бы вам вдруг довелось посетить какое-нибудь племя, находящееся на стадии развития каменного века, где-нибудь в глубине Борнео, вы начинаете одеваться согласно местным обычаям». Она фыркнула:

— Да это все рядовая чепуха в духе Деникена, а я-то думала, здесь есть что-то более интересное. А, вот оно...

«Далее мы рассматривали вопрос о том, в какой степени современная космогония расширила границы нашего познания. Ведь именно сейчас завершился цикл познания, когда от механистической картины вселенной восемнадцатого века мы вновь вернулись к той картине мира, где все общепризнанные физические законы являются случайными, частными вариациями вечного, всеобъемлющего хаоса, где абсолютно все возможно и нет ни единого нерушимого закона. Мы вновь возвращаемся к сознанию, что мы ничего не знаем, что существует бесчисленное множество вселенных, хаотичных или построенных согласно принципам, абсолютно неведомым для нас.

Мы также убедились в наличии свидетельств, которые невозможно игнорировать: существуют сверхъестественные силы вне пределов нашей вселенной, которые постоянно вторгаются в нашу жизнь. Религиозные представления людей о «добре и зле», воплощением которых являются боги и дьяволы, свидетельствуют о неустанных попытках вместить эти непостижимые для нас явления в нашу ограниченную картину мира. Вполне может оказаться, что наша вселенная — лишь игрушка в руках этих сил или интересный эксперимент, затеянный ими. У нас нет ни малейшей надежды понять цели их вмешательства в нашу жизнь. Одно очевидно — их цель лежит далеко за пределами наших понятий добра и зла. Для них человеческая жизнь или вся наша планета, на которой мы живем, значат не больше того муравья, которого ты стряхиваешь с ладони».

Она снова углубилась в книгу, потом с ясной улыбкой повернулась к Боруду:

— С ума можно сойти, сколько тут всякого понаписали в этой книге, правда?

Биргер ответил не сразу. Капли пота ползли по его спине. Вечер закончился отнюдь не так, как он рассчитывал.

Он очень сокрушался, что разослал-таки эти таинственные свертки по стране. Он сидел и перебирал бумаги, в то время как мысли его блуждали среди бесформенных глыб представлений о потусторонних силах, играющих судьбами людей.

Раздался стук в дверь, он вздрогнул и вспомнил, что на десять у него назначена встреча. Оге Сторму — в прошлом предприниматель, теперь, до времени, вынужден выйти на пенсию, страдает от депрессии.

Такого легко завербовать. Биргер поправил галстук, обогнул свой массивный письменный стол, распахнул дверь, и его губы растянулись в привычной механической улыбке.

— Оге Сторму, как я полагаю...

— Оге Сторму передумал и попросил меня пойти вместо него. Можно войти?

Не дожидаясь ответа, он оттеснил Боруду в комнату, захлопнул дверь и произнес:

— Вы — Биргер Боруд, если не ошибаюсь?

— Послушайте, — начал Боруд. Он понял, что под таким напором теряет инициативу.

— Называйте меня Тур Даниэльсон. У нас мало времени. Насколько я понял, вы прочли мою брошюру.

И тут Биргер понял, кто перед ним. Это же тот человек с улицы Гренсен, всучивший ему ту книжонку, которую обнаружила его

вчерашняя приятельница. Какое удивительное совпадение.

— Никакого совпадения, — твердо произнес Тур Даниэльсон.

Неужели Биргер думал вслух, сам того не замечая? Такой привычки у него вроде бы не было...

— Прежде чем вступить в контакт с вами, я ждал, пока вы прочтете мою брошюру. Видите ли, я прилетел к вам из той внешней вселенной, которая окутывает вашу. Тот, кого вы видите перед собой, всего-навсего образ, который я принял, чтобы войти в ваш мир — мой подлинный облик невозможно воспроизвести в вашем убогом трехмерном измерении. Законы природы и измерения вашего мира — это всего-навсего параметры той интересной модели, которую мы создали...

«Наверное, это сумасшедший», — подумал Биргер с отчаянной надеждой.

— Ваш мир — всего лишь одно из звеньев в серии исследований, в ходе которых мы стремимся выяснить взаимосвязь между закономерностью и случайностью. Такая формулировка не вмещает в себя всей сути явлений, но лучшей я не нашел. Эксперимент проходит в обстановке строжайшей секретности — в нашей вселенной существуют враждебные силы, стремящиеся присвоить результаты наших исследований и эксперимента. Называйте это промышленным шпионажем, вероятно, так вам понятнее. Если им удастся проникнуть в наши секреты, то они смогут установить господство в вашем мире, и в таком случае твоя вселенная вместе с бесчисленными другими будет как бы стерта с доски, полностью уничтожена, и после этого будут сконструированы совершенно иные вселенные, настолько непохожие на вашу, что ты едва ли даже сможешь себе это вообразить...

Говоря все это, Тур Даниэльсон мягко обогнул письменный стол, подошел к массивному шкафу. Биргер последовал за ним, ноги сами понесли его, как будто бы подчинялись какому-то механическому воздействию. В мозгу настойчиво сверлила мысль: во всем, сказанном Даниэльсоном, есть своя логика, логика, которая грозила полностью разрушить его привычные, основанные на жизненном опыте, представления о реальности.

— Тот, кого ты знаешь под именем Локе, это существо — проекция в твой мир — и есть один из этих шпионов. Они стараются найти себе помощников среди выделенного ими определенного типа людей. Ну вот, тебе известны в основном правила этики игры, в грубых чертах, законы природы, действующие в пределах вашей вселенной, а они таковы, что в нее можно проникнуть и в значительной мере управлять взаимосвязью закономерного и случайного. Используя эти законы, они могут хорошо вознаградить своих сотрудников, потребовав в конечном итоге страшную цену за услуги.

Даниэльсон говорил быстро, ни на мгновение не отводя свой проницательный взгляд от лица Биргера:

— Самое важное для них — держать постоянно открытыми ворота в свою вселенную, так чтобы они могли преспокойненько выкачивать нужную информацию, пока они окончательно не узнали бы все самое важное для себя.

Он уже стоял совсем рядом с массивным шкафом.

— И знаешь, каким именно способом они получают эти необходимые для них сведения? Что они во все времена требовали в качестве вознаграждения за свои услуги? Где собрана информация о вашей

вселенной?.. Хочешь узнать, что именно вобрало в себя это зеркало?

Даниэльсон рванул дверцу шкафа.

Биргер тихонько вскрикнул.

С зеркала на него смотрело множество лиц: лица, застывшие в крике, в гримасах боли и безумия, в отвратительных ухмылках, в которых сквозило безграничное зло и алчность.

Одни лица были отчетливыми, с ясно различимыми чертами, другие — расплывчатые, как мимолетные отражения на матовом стекле, третьи представляли лишь слабый контур.

Многие лица... он узнал их. Черты их были искажены всевозможными необузданными страстями, какие только может вместить человеческое воображение, но ведь здесь, в конторе, сидели обладатели этих лиц, и их лица были пустыми, они не выражали никаких чувств; они были совершенно бесстрастны и бездуховны. И среди этих ухмыляющихся искаженных рож он различил очертания и своего собственного лица. Его переполнял крик, но он не решался испустить его. Ему показалось, что перед ним — вытопленные мозги, и он никак не мог отвести взгляда от этой ужасной картины, пока снова не услышал слова Даниэльсона:

— Где еще может скапливаться такое большое количество информации, как не в человеческой душе?

По поверхности зеркала прошла слабая рябь. Из середины пошли волнами круги света и тени, возник какой-то силуэт, он становился отчетливей, черты...

Там, в глубине зеркала, появился Локе, вернее, изображение Локе. Облик его был непривычным. Его улыбка превратилась в злобную гримасу, темные глаза сияли, как две пропасти неизъяснимой ненависти. Его голос прогремел на всю комнату:

— Мы никогда не отступим от завоеванного!

Биргер Боруд уже не помнит, как выскочил из здания. Ведь когда Даниэльсон ударил по зеркалу и оно рассыпалось на мелкие осколки, Локе уже успел выйти из него в комнату, и вот в качавшейся схватке все вокруг судорожно закружилось, заплясало, трехмерное пространство стало складываться в причудливые изломы; свет и тени и мерцающие краски волновались, змеились вокруг него. Пол задрожал, покачнулся, поднялся до потолка, сложившись в единое целое со стенами, пронеслись звезды, хлопающие на тугих пружинах двери пытались схватить его, как пасти диких зверей; так или иначе, ему удалось выскочить на улицу. Там он опрометью бросился к такси и, запыхавшись, назвал шоферу свой адрес. Отдышался он только дома и, проглотив три таблетки снотворного и выпив полбутылки виски, погрузился в сон.

Биргер Боруд утратил свой просторный особняк. Его любовные похождения тоже закончились. Во время биржевого краха он потерял столько денег, что был вынужден начать распродажу имущества. Теперь он живет в маленькой квартире в Волеренге, устроился на работу в налоговую инспекцию, фирма гораздо скромнее прежней.

Он снова стал тем увальнем, который краснеет и заикается, пытаясь сказать девушке комплимент. Он уже отнюдь не душа компании. Глядя на него, многие пожимают плечами, впрочем, находят, что в целом он неплохой парень, надо просто воспринимать его таким, какой он есть.

Почти никто уже не помнит, что он в течение короткого времени был звездой норвежской поп-музыки. Он и сам с трудом помнит это. И каждый

раз старается ущипнуть себя за *руку*, когда с изумлением разглядывает свои фотографии в альбоме или смотрит на висящий на стене его комнаты платиновый диск, на котором выгравировано его имя.

Он не любит зеркал. Большие зеркальные стекла нагоняют на него страх. Находясь в толпе, он всегда озирается по сторонам, трепеща от страха, ведь он знает, что где-то в этом мире есть некое существо, у которого обличье пожилого господина с темными доброжелательными глазами.

И теперь он уже никогда не читает объявлений в рубрике «Частные».

Рудольфе Анайя

ПОСЛАНИЕ ИНКИ⁷

© Публикуется с согласия автора

Перевела Александра Ващенко

Готовясь в путь, гонец вознес молитву и выпил настой из листьев коки. Он старался думать только о том, что ему предстояло, и мысленно отгородился от грома «огненных палок», доносившегося с улицы. Куско, столица инков, осажден. Варвары, говорящие на непонятном языке, вторглись в город, сея смерть и пламя пожаров из своих «огненных палок».

Гонец различал крики жителей и страшные голоса варваров. Бородатые пришельцы на огромных зверях, которые давили копытами людей на своем пути, слишком могущественны. Юноша успел взглянуть на страшное побоище, прежде чем жрец втянул его в тайное помещение под храмом. Но и эти тайники скоро будут обнаружены, и тогда ярость варваров сокрушит все вокруг.

В маленькое оконце, вырубленное в каменной стене, видно было, как горит священный город. Сердце юноши сжалось. Воины бессильны остановить варваров. Куско падет, и империи инков придет конец.

Послышались шаги. Вошел жрец, и, прикрыв дверь, пристально посмотрел на гонца. Этого юношу еще ребенком взяли у родителей, долго обучали и тренировали, пока он стал бегуном, гонцом на службе Инки. Он не раз пересекал вверх и вниз Горы Богов и бывал даже на побережье. Теперь это единственный оставшийся гонец. Все гонцы Инки были разосланы с печальной вестью. Они вышли из Куско, но ни один из них не вернулся. Когда очередной гонец пытался покинуть город, на него набросились псы варваров. Он умер на руках жрецов.

Гонец, стоявший в тайнике храма, был последним, и весть, которую он понесет в Мачу Пикчу, тоже будет последней, отправленной из Куско.

— Готов ли ты, сын мой? — спросил жрец.

— Да, — ответил юноша.

7 Инка — 1. Верховный Инка, Единственный Инка; так именовались правители государства инков; 2. Привилегированная часть общества этого государства; 3. Индейское племя из семьи кечуа, обитавшее в 11-13 веках на территории современного Перу в образованном ими государстве Тауантинсуйу. Созданная инками великая культура была разрушена испанскими конкистадорами. Все эти значения использованы автором в замысле рассказа. (Примеч. перев.)

— Куско обречен. Спасти город невозможно, — в голосе жреца не было страха, только сознание неизбежности. — Пойдем!

Гонец встал и по темному коридору последовал за жрецом.

Гром «огненных палок» и крики женщин доносились сюда слабее. На мгновение юноша вспомнил о женщине, которую когда-то, еще ребенком, звал матерью. Он вздрогнул, но тут же отогнал от себя эту мысль.

Ужас пришел на землю инков. Жрецы предупреждали, что бородатые варвары в погоне за золотом уничтожат все, но действительность оказалась страшнее всяких предсказаний. Всему пришел конец. Даже времени.

Юноша и жрец вошли в золотую комнату Инки. Пламя факелов отражалось в драгоценном металле, из которого годами создавалось прекрасное искусство. Этот дар Бога Солнца, который инки использовали как украшение, чтобы радовать тех, кого любишь, теперь стал предметом ненасытного вожделения варваров, одержимых золотом.

Юноша низко, до земли, поклонился, не смея взглянуть в лицо Инки. Но он успел заметить все высокое семейство, в тревоге сбившееся в темной части комнаты. Инка сохранял спокойствие. Он сидел на троне неподвижно, как Бог. Да он и был божеством.

— Дом мой скоро падет, — произнес великий владыка, и гонец снова вздрогнул: никогда раньше не слышал он слов из уст самого Инки. — Время мое приходит к концу, и я принимаю свою судьбу, но мы должны позаботиться о том, чтобы Бог Солнце по-прежнему продолжал подниматься на небо и дарить земле тепло. Иначе земля умрет. Ты отправишься в Вилькампу, к горе Мачу Пикчу, туда, где жрицы привязывают Бога Солнце к Солнечному столбу, и передашь весть о варварах. Пусть жрицы сохраняют тайны инков.

Юноша чувствовал на себе взгляд Инки и слышал слова, вверявшие ему последний наказ.

— Не оставляй никаких следов тропы. Уничтожай все мосты. Здесь мы примем смерть от рук варваров, но Вилькампу нужно спасти. Говорят, умирает все, даже время. Но на смену ему должно прийти другое, новое. Мы обязаны сохранить наши знания для того времени, которое сейчас только рождается.

Это были последние слова Инки, которые услышал гонец.

Жрец увел его из золотой комнаты и в коридоре вручил замысловато завязанный узлами шнурок — кипу⁸ — послание Инки.

— Передай это жрицам Вилькампы, — сказал жрец. — Здесь говорится, как долго они должны скрываться от всего мира, чтобы избежать ярости варваров. Теперь город жриц-девственниц будет закрыт для всех. Никто не должен пройти через ворота Мачу Пикчу. Вилькампа, окутанная горными туманами, отныне будет покрыта вечной тайной. Может, настанет время, и кто-то прочитает послание, скрытое в кипу, и уронит слезу, опечаленный судьбой инков.

Гром «огненных палок» усилился, крики варваров стали ближе.

— Пора! — жрец торопил гонца по коридору к потайной двери. — Отнеси весть жрицам Вилькампы!

Жрец открыл дверь. Неистовые крики и гром «огненных палок» стали

8 Кипу (куипу) — состоит из куска веревки (или палки) и привязанных к нему разноцветных шнурков с затянутыми узелками; служили для регистрации событий, передачи посланий, ведения подсчетов.

оглушительными. Воздух наполнился странным едким дымом. Жрец вложил в руку юноши мешочек с сухими листьями коки. В пути гонец будет жевать эти листья, и они убьют боль, рожденную долгим бегом к Вилькампе. Хижины вдоль тропы в Горах Богов, где гонцы останавливались на отдых, почти все разрушены. Да и гонцов больше нет, некому доставлять вести. Он — последний гонец Инки и должен будет бежать днем и ночью, не отдыхая.

Юноша благополучно выбрался из горной чаши, которую представляла собой долина Куско. Инка бросил всех своих воинов в последнюю атаку на варваров, чтобы дать возможность гонцу выскользнуть из города. Теперь, стоя на краю скалы, гонец смотрел вниз на горящий город, и великая печаль охватила его.

Жители Куско погибли. Не осталось ни одной семьи. Ужасные крики наполнили воздух: эхо пронесет их через века. Куско умирает. Осталась одна надежда — на Вилькампу в Мачу Пикчу.

Тяжело дыша после подъема, гонец открыл сумку и вынул листья коки. Теперь он будет бежать без передышки, останавливаясь лишь для того, чтобы разрушить мосты, переброшенные через горные ущелья. Сплетенные из лиан с Амазонки, эти мосты высоко ценились инками, а теперь гонец должен был их уничтожить, отрезая путь к Вилькампе. Надо спешить, нельзя позволять себе ни минуты отдыха.

Гонец коснулся рукой кипу у своего пояса. На самом конце шнурка жрец привязал кусок металла, быть может, часть кирасы варвара. Твердый и холодный, этот металл был символом нового времени. Гонец представил себе, как содрогнутся жрицы, дотронувшись до него рукой.

Близился вечер. Гонец бежал, взбираясь все выше и выше, следуя изгибам тайной тропы, извивавшейся в горах над долиной реки. За его спиной в оранжевом небе поднимались, словно чудовищные перья, столбы дыма над пылавшим Куско. Вдруг в небе появился странный знак: высоко над горами плыла серебряная птица, а внизу, прямо под ногами, полз гигантский, весь из металла змей! Извиваясь, он двигался по долине Урубамба. Страх проник в сердце юноши. Это были приметы нового времени, предсказанного Инкой.

Наступили сумерки. Теперь гонец знал, что его мир пришел к концу. Кто сможет прочесть кипу, когда умрут все дети Инки? Кто узнает о славе Вилькампы и жриц-девственниц, которые привязывают Бога Солнце к Солнечному столбу? Кто сохранит календарь инков и память народа?

Теперь он бежал вдоль равнины Урубамба, и повсюду поля на террасах были пусты: люди бежали в горы. Кусок металла, привязанный к кипу, бил гонца по ноге, вначале царапая, а потом глубоко ранив ногу.

Юноша поднимался все выше и выше, останавливаясь лишь затем, чтобы обрубить мосты, отрезая путь к Вилькампе. Он не отдыхал. Хижины на тропе были покинуты, зола в очагах остыла. Все ушли защищать Инку. Он, гонец, был последним.

Юноша придерживался ритма, которому жрецы обучали бегунов, но все равно легкие жгло, как огнем. На бегу он пожевал листья коки, глотая горький сок. Привычный ритм бега и чудодейственный сок листьев коки вызвали прилив новых сил. На сердце стало легко, и он запел песню инков. Теперь он знал, что мог бы так бежать целую вечность. Даже лететь! Да, бегуны инков могли летать! Шаманы учили их этому. Бегуны — это птицы, кружащие над Горами Богов. Они сыновья Инки, сыновья самого Солнца! Так говорят жрецы.

Внизу в ярости метались могучие воды Урубамбы, с грохотом срываясь с гор. Юноша слышал голос реки, но он слышал и нечто другое. Станные, незнакомые звуки. Их издавал железный змей, извивавшийся по долине, а вслед за чудовищем тянулось длинное темное облако дыма.

«Ну что ж! — решил гонец. — Значит, я должен бежать быстрее, чем железный змей варваров. Пусть новое время приходит в страну инков. Я доставлю кипу».

Он бежал всю ночь, и вдруг ему предстало видение. Старые жрецы, обучавшие его искусству бега, говорили, что такое может случиться.

Вот он говорит со своим отцом, как если бы тот бежал с ним рядом, и вспоминает все, чему учил его отец... Потом его мысль переносится к началу времен, и он уже беседует с гонцами прошлого, с теми, кто пробегал весь путь от океана до Куско, доставляя свежую рыбу к столу владыки инков. Видение унесло гонца так далеко, что он увидел, как первые люди заселяли горы, увидел и первых Инка на троне из золота, и даже то, как закладывались камни Вилькампы, города, охраняемого горой Мачу Пикчу. Потом перед ним предстало последнее и главное видение: жрицы-девственницы Вилькампы привязывают Бога Солнце к столбу. С удивительной ясностью он увидел, как золотой солнечный диск, отдыхая, замер в момент солнцестояния. Мир и покой наполнили душу гонца. На миг он ощутил истинную гармонию — Земля и Солнце словно в ответ на моления жриц слились в единое целое.

Потом нахлынули видения будущего: разорение и гибель инков; народ превращен в рабов, древние солнечные календари разбиты. Гонец сразу почувствовал, как усталость разлилась по всему телу. Видение перешло в толпу людей, суевившихся и копошившихся вокруг. Людей другого племени, из другой земли.

Уже сиял рассвет, а гонец все еще не останавливался передохнуть. Он бежал навстречу наступающему дню, пока не увидел ворота Вилькампы. Спеша доставить послание, гонец преодолел поток времени. Усталости юноша не чувствовал, хотя мускулы ног дрожали. Он возблагодарил Солнце за то, что оно даровало ему быстроту и оберегало от опасностей в пути.

У каменных ворот Вилькампы гонец перешел на шаг. Страж у входа пропустил его, и юноша задержался на минуту, чтобы окинуть взглядом город хранительниц Вилькампы. Река Урубамба широкой лентой огибала выступ, на котором стоял город-крепость, посвященный Солнцу. Он был надежно защищен горами Мачу и Пикчу. Даже если варварам удастся, следуя вдоль реки, проникнуть к подножию, они не смогут увидеть город, скрытый в горах. К тому же гонец, выполняя приказ, обрубил все мосты и уничтожил следы тропы. Теперь Вилькампа отрезана от всего мира и отныне будет существовать в своем собственном времени.

За хижинкой стража был вход в город. В самом центре раскинут луг, где происходят обрядовые пляски. Налево — жилища жриц, а поодаль — храм. Вот и солнечные часы! Здесь Центр Вселенной. Место, где рождается время.

Гонец смотрел на солнечные часы и чувствовал, что вернулся домой. Такое чувство будет у всех, кто придет сюда. Вилькампа останется на все времена и будет принадлежать всем людям. Именно это имел в виду Инка, об этом говорится в послании, предназначенном для нарождавшегося нового времени.

Здесь жрицы привязывают Бога Солнце к Солнечному столбу. Только

на миг, только лишь для того, чтобы возродились его энергия и сила. Отсюда Солнце взирает на жертвенный алтарь — гладкий монолит, где возносятся молитвы и приносят жертвы. Здесь Солнце соединяется с жрицами-девственницами, проникая в их плоть, благословляя поля, возрождая время. Здесь — центр Мира, где сходятся все нити времен.

Юноша стоял, потрясенный радостью просветления. Воздух был прозрачен и чист, как первый рассвет на Земле. Он словно переливался и мерцал. Вокруг поднимались зеленые склоны Урубамбы. Облака проплывали над вершинами, и Вилькампа то сверкала на солнце, то покрывалась тенью. Необъятный покой наполнил душу гонца. Внизу, почти у самых ног, он увидел людей, работавших в карьере, а на террасах возделывали маис и картофель. Все выглядело так мирно и безмятежно, что гонцу захотелось сесть и отдохнуть. Но — нет! Он должен доставить послание Инки.

Юноша спустился вниз. У сторожки его приветствовала молодая женщина. Гонца ждали.

— Ты ранен, — сказала женщина, увидев, что из бедра, в том месте, где кусок металла, привязанный к кипу, бил на бегу по ноге, сочится кровь.

— Пустяки. Я принес послание от Инки.

— Следуй за мной!

У входа в город она подозвала несколько человек, и все вместе они завалили вход большим камнем. Теперь город отрезан.

— Старшей жрице было видение, что чужестранцы сожгли Куско, — сказала женщина, когда они направились к храму. — Из долины к нам доносятся странные звуки.

Она остановилась и вопросительно посмотрела на гонца.

— За моей спиной остались одни развалины, — печально сказал он. — Время Инки кончилось.

— А как же Вилькампа?

Гонец увидел страх в ее глазах. Ему хотелось сказать, что Вилькампа будет вечно. Но ничего вечного нет. Вечен только путь Солнца в вышине да тайные знания жриц. Гонец почувствовал, как сильно он устал.

— Сейчас Вилькампа в безопасности, — ответил он. — И я остаюсь здесь.

Он хотел было рассказать о том, что привиделось ему, пока он бежал. Как странные, незнакомые люди карабкались по склонам гор, люди нового времени, явившиеся в поисках знаний инков.

— Я принес послание, — повторил он. — Его надо передать.

Женщина повела гонца по узким улицам города и свернула влево, в сторону алтаря. Тут она усадила его, принесла воды, промыла рану и омыла все тело. Юноша закрыл глаза, радуясь легким прикосновениям ее рук. Подошли другие женщины, с нетерпением ожидавшие услышать, какие вести принес гонец.

— Теперь ты можешь вручить кипу, — сказала молодая женщина и повела его к храму.

Они прошли мимо солнечных часов и Солнечного столба, высеченного из цельного куска скалы.

В храме его уже ждала главная жрица, окруженная другими, работниками с полей и каменщиками.

— Добро пожаловать, гонец Инки, — сказала она, выступив вперед. — Добро пожаловать в наш дом! Мы тебя ждали.

Гонец отвязал кипу от кожаного ремешка у пояса и подал жрице, она с волнением приняла послание. Голос ее звучал ровно и громко, когда она оглашала его, и ветер с гор понес печальные слова вниз, в каньон Урубамбы. Жрица назвала день, когда явились варвары, чтобы разрушить Куско, сказала, как много погибло воинов. Время инков кончилось, но родится новое, и ради него их владыка завещал хранить солнечный календарь и знания инков.

Стало очень тихо. Только ветер стонал в ущелье. Главная жрица показала привязанный к кипу кусок металла, в котором скрывалась причина крушения инков.

— Ты перерубил мосты на горных переходах? — спросила она гонца.

— Да.

— Инка приказал, — продолжала жрица, — чтобы ни один человек не проник в Вилькампу. И никто не должен покинуть город. Вилькампа — последний оплот инков. Мы по-прежнему будем славить Солнце и обновлять его силу.

Все, соглашаясь, склонили головы. Время Инки умерло, но Вилькампа надежно, словно орех в скорлупе, укрыта в горах Мачу Пикчу. Кто знает, как долго смогут продержаться люди. Их век на земле краток, но видения жрецов — вечны. Им ведомы тайны Вилькампы. Придет время, когда явятся другие люди, чтобы приобщиться к тайнам инков. Так будет.

Жрица вернула кипу гонцу.

— Кипу принадлежит тебе, — сказала она. — Это послание будет передаваться через века. Сюда явится много людей. Они захотят узнать, как мы служили Богу Солнцу и станут искать разгадку гармонии нашего мира. Мы поделимся нашими знаниями.

Она улыбнулась.

Гонец кивнул. Жрицы мужественно приняли весть о катастрофе и хаосе. Служительницы Бога Солнца поистине были неустрашимы. Они стойко приняли весть о трагическом конце, потому что знали: родится новое время. В чреве своем они несли солнечные лучи, всепроникающий свет Творца Жизни.

— Проследи, чтобы гонца накормили, — сказала жрица молодой женщине, — и отвели место, где он сможет отдохнуть. Теперь он один из нас. Это его дом.

Молодая женщина поклонилась жрице и, взяв гонца за руку, повела его мимо домов, через луг, где паслись ламы-альпаки.

— Здесь, — сказала она, — ты сможешь поесть. Еду тебе принесут. Я за тобой вернусь.

Гонец увидел террасу, где уже сидели люди. Все они были одеты очень странно. Никогда не приходилось ему видеть такой одежды. И говорили они на каком-то непонятном языке. На минуту гонец почувствовал страх. Может, он тоже ускользает из времени инков? Неужели нет места на земле, где все было бы неколебимо и вечно?! Может, он умер в Куско или в горных ущельях, и теперь его призрак, пройдя сквозь время, оказался среди этих незнакомых людей?

— Не бойся, — услышал он голос молодой женщины. — Ты один из нас.

Рука юноши сжала кипу, словно стараясь удержать реальность. Все его тело болело от усталости. Листья кожи уже потеряли свою волшебную силу. Почувствовав голод, он пошел к террасе. Один стул был свободен, и мужчина, сидевший рядом, помахал гонцу рукой.

— Садитесь! — сказал он. Мужчина говорил на языке варваров, но улыбка у него была добрая. — Я пришел издалека, чтобы послушать о прошлом Вилькампы.

Он что-то писал в тетради, которая лежала перед ним на столе.

Женщина подала гонцу еду и питье. Напиток, прохладный и горький, был налит в красивую стеклянную бутылку, но еда оказалась холодной и безвкусной. Есть ее он не стал. Вокруг толпились люди. «Кто они? — удивился юноша. — Что произошло с Вилькампой, которую я знал?» Он поискал взглядом молодую женщину и увидел ее около группы рабочих, стоявших у каких-то длинных металлических хижин, от которых шел дым и пар, даже когда из них выходили люди.

— Слишком много туристов и автобусов, — негромко сказал мужчина, указывая на толпу. — Мы стремимся сюда, надеясь найти магию и волшебство, а находим только друг друга. — Он улыбнулся.

«Улыбка добрая», — снова подумал гонец. У этого человека из чужой страны были темные вьющиеся волосы и смуглое лицо, но он не принадлежал к народу инков. Детьми инков были те, что сидели у дороги, неторопливо ели и разговаривали на кечуа.

Гонец взглянул на кипу. Теперь он понял, что произошло, пока он бежал; понял, что пришло время передать послание. Человек, который записывает что-то в своей тетради, тоже был посланцем. Гонец протянул ему кипу. Глаза их на мгновение встретились, и каждый из них понял, что послание Инки не умрет никогда. Оно будет переходить из поколения в поколение.

Гонец молча кивнул и встал. Потом он поклонился, и человек ответил ему тем же.

Спустившись с террасы, гонец присоединился к рабочим у дороги. Это был его народ. Люди с сильными телами и честными смуглыми лицами. Они говорят и шутят на понятном языке. Эти рабочие расчищали дорогу, которая вела вниз, в долину, а в полдень присели отдохнуть и поесть. Гонца приняли радушно.

Молодая женщина, которую гонец встретил в воротах Вилькампы, протянула ему еду — такую, как у рабочих-кечуа, и он поел. Тут он был своим. Это новые работники Вилькампы. Они из тех, кто давно появился в Горах Солнца. «И пребудут тут всегда», — подумал гонец.

Напряжение прошло. Гонец посмотрел на молодую женщину и улыбнулся. Он доставил послание Инки. Теперь оно в руках человека, сидящего за столом. Человек этот разгадает тайну кипу, запишет все на своем языке и передаст дальше. Всякое время имеет своих посланцев, чей труд переносит их, преодолевая поток времен, к видениям новой реальности.

ПЕСНЬ О ВОЗДУХЕ И ЖИЗНИ

Фантастика органично входит в творчество Рудольфе Анайи — писателя с американского Юго-Запада. Теперь, после свыше двадцати лет, прожитых Анайей в литературе, о нем говорят: «наш певец», «поэт льяносов и баррио» — американской глубинки, — но и общечеловеческих тем. Теперь у него за плечами — путешествия в Китай и Латинскую Америку, литературные агенты и переводы на европейские языки. Пришла слава, признание миллионов читателей. В чем же секрет Анайи?

Рудольфе Анайя — писатель, роднящий культуры, поколения, души.

Он — наследник той древней художественной традиции, где жизнь и смерть празднуются как величайшие силы и таинства бытия, не противостоя, а взаимодополняя друг друга. Для почерка Анайи характерно сочетание бытовизма и фантастики, натуралистической приземленности и романтики, мифологического ритуала и песенного, гимнического настроя. Свобода, с которой он «управляет» симфонией своих художественных средств, впечатляет читателя. Уроженец штата Нью-Мексико, Анайя связан корнями с несколькими культурами: по крови он — мексикано-американец, а значит, наследник древнемексиканских цивилизаций, затем испанских конкистадоров и — конечно, — англоязычной Америки. Имя писателю принесла серия романов об Астлане — о мифологической прародине мексикано-американцев, а фактически, о народе, составившем нерасторжимо-значительную часть американской культуры. «Благослови меня, Ультима» (1972), выдержавший к настоящему времени около двадцати переизданий, стал наиболее известным — классикой, предметом изучения в школе и вузе. За ним последовали другие: «Сердце Астлана», «Тортуга» и «Альбуркерке». Повести, стихи, драмы, новеллы и эссе — постоянная сфера творческой активности писателя, а с недавних пор, когда появились материальные возможности, — и учреждение литературных премий, помощь молодым писателям, политика и стратегия литературного дела (Анайя — почетный профессор крупнейшего университета, Нью-Мексико). Все это согрето личностью широкой души, живущей и питаемой творчеством, подлинно народной по природе, мастерством художника слова. Эти черты и выдвинули Анайю в авангард современной литературы США.

«Послание Инки» (1994) — вторая новелла Анайи, публикуемая на русском языке. (В 1989 г. в «Литучебе» № 4 вышел рассказ «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет».) Он также касался эксперимента со временем, а основан был на мифологическом мировосприятии индейцев майя.

Как и тот, первый рассказ, «Послание Инки» — отражение проблем нашей эпохи, напряженного поиска личностью собственного места в мире и тревога за ценности, обеспечивавшие на протяжении столетий выживание великих цивилизаций. Каково их место в современном мире, продающем и покупающем, где «вся планета на прилавке», и сплошь и рядом основной вопрос жизни — о ценностях — сводится к вопросу о цене? А наряду с этим — безудержные и неуправляемые, по сути, претензии власти на право вершить судьбы планет, культур, континентов, природы...

Поэтому, с одной стороны, рассказ о безымянном бегуне-посланце (по-инкски — «часки») нарочито прост, почти плакатен. Но мир героя — неповторимый и подлинный мир народного сознания, точка зрения, в нашу эпоху актуальнейшая своей альтернативностью. Физически ускоряясь под ветром истории «в направлении будущего», гонец, по глубинной логике культурного выживания, видениями уносится в прошлое, словно передавая и нам урок преодоления духовной и физической гибели.

Герою Анайи не привыкать странствовать во времени. В «Альбуркерке» протагонист- писатель с наслаждением творца отправляет своих героев в эпоху древних ацтеков (отсылка к поэме Анайи «Приключения Хуана Чикаспатас»), В этом пристрастии автора — прочное чувство корней и любовь к своему наследию, также как и

постоянная боль за его судьбу. Анайя всегда подчеркивает — нужно уважать наши общинные корни, и оттого его лучшие, богатейшие персонажи — это знахарка Ультима, индейская целительница-курандера, легендарная Плакальщица из народной традиции, мифологический царь — бог Кецалькоатль.

Подобно Пабло Неруде и ряду других писателей, Анайя посетил руины Вилькампы, и это паломничество стало откровением: с высот древней инкской твердыни он увидел, что Вилькампа «принадлежит всему миру», всем временам. Откровение приняло вид притчи и фантастической новеллы, поведенной читателям.

В «Деревне, которую боги выкрасили в желтый цвет» современный герой-мексиканец совершает неожиданный путь вспять времен. Напротив, в данной новелле гонец инки неожиданно проникает в будущее. Более того, здесь время представлено в виде пространственной, а не хронологической категории. И однако, если смена времен происходит, и происходит слишком стремительно, — где запастись достаточным сроком для спасения духовных ценностей, «принадлежащих всем временам»? Нужны ли они, наконец, современному человеку, или тот уже также, пройдя через века, претерпел необратимую трансформацию, предопределившую его путь к самоуничтожению? Найдется ли хоть одна душа, способная и готовая воспринять «послание инки»? В сущности, именно о подобных вещах и размышляют в последние десятилетия Рэй Бредбери, Урсула Ле Гуин, Габриэль Гарсия Маркес, Чингиз Айтматов и Рудольфе Анайя.

Что же, если поверить Фрейду, «поэты всегда все знали», а значит — обгоняя поток времен, пронизывая пространства и миры, гонец и вправду успеет донести свет своего наследия до нас, пока не окажется слишком поздно. В конце концов знак подлинного величия писателя, залог его «долгожительства» — в этой вере, вере в добро и жизнь, а не акцент на мрак и ужас разворачиваемых апокалипсисов, дистопий, чернота юмора и бесконечное конструирование интеллектуальных «лабиринтов одиночества».

...Одна из фресок мексиканских монументалистов называется «Песню о Воздухе и Жизни», на ней изображен бог Кецалькоатль, легно пронизывающий время и пространство силой мудрости и прозрений. Не такова ли захватывающая свобода повествований Рудольфе Анайи, урок сопряжения сиюминутности с вечностью?

А. В. Ващенко

«TRANSLATED INTO RUSSIAN»

Ольга Спицына НОВЫЕ КНИГИ ПРО ИНДЕЙЦЕВ

Н. Скотт-Момадэй. В присутствии Солнца: Собрание щитов/ Перевод и составление Александра Ващенко. — М., Кинокомпания SRS, 1993. — 62 с.

Э. Полин Джонсон. Легенды Ванкувера / Перевод и послесловие А. В. Ващенко. — М., Кинокомпания SRS, 1994. — 102 с.

Говорит Черный Лось. Священная трубка / Перевод А. Ващенко и А. Знаменского. — М., Кинокомпания SRS, 1994. — 248 с.

Очень многие люди в детстве (а особенно мальчишки) несомненно, любили книги про индейцев. Их прочитывали, а потом в них играли, а потом снова прочитывали, потому что в индейской теме есть неиссякаемая экзотика и романтика. И наверное, многие по-прежнему любят книги про индейцев, став уже взрослыми. Только, к сожалению, таких книг на русском языке до сих пор было очень мало. Конечно, первыми в этом ряду стоят сочинения Ф. Купера, Т. Майн Рида и «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло (в переводе И. Бунина), являющиеся сами по себе мировой классикой. Привлекает и помнится до сих пор «Моя жизнь среди индейцев» Г. Шульца, — исполненная искренней привязанности и любви к индейцам книга. Несколько индейских сказок вошли в сборник американского фольклора «Народ — да!». С детства запомнились еще «Сыновья Большой Медведицы» и «Слушайте песню перьев». Небольшим тиражом выходила книга Ф. Моуэта «Следы на снегу», содержащая дневники одного из первых исследователей Севера Канады Сэмюэля Хирна «Путешествие на Коппермайн» и рассказы об эскимосах и индейцах «Уводящий по снегу» (М., Мысль, 1985). Что же до произведений не только индейцам посвященных, но индейцами же и написанных, то русскому читателю известны, пожалуй, только произведения Серой Совы «Саджо и ее бобры» и «Рассказы опустевшей хижины» и Роберта

Фрэнклина Лесли «Медведи и я» (Л., Гидрометеиздат, 1987), причем и эти книги в большей степени посвящены природе исконных индейских мест, чем тому, что можно обозначить как «мир индейца». Так что индейская тема для русского читателя одновременно и знакома, и нова.

Между тем традиционная культура коренных обитателей Североамериканского континента продолжает привлекать к себе как исследователей, так и писателей, в том числе фантастов, чему свидетельством этот номер нашего журнала. Среди современных классиков индейская культура оказала большое влияние на Урсулу Ле Гуин — ее (еще к сожалению неизданный по-русски) роман «Always Coming Home», фрагменты из которого публиковались в «F&SF», весь проникнут традиционными индейскими мотивами. Можно вспомнить и «Пляску» Р. Силверберга, и «аборигенные мотивы» в рассказах Р. Шекли. Кроме того, верования и жизненный уклад индейцев, их мужественное сопротивление и трагическая судьба в последние годы стали предметом интереса для играющих в «ролевые игры». А потому мы рады посвятить этот выпуск нашей рубрики новой специальной серии книг — «Мир индейца». Эта серия выпускается с конца 1993 года кинокомпанией SRS.

«Мир индейца» в прошлом и настоящем, миф и традиция, жизнь и борьба в знакомом и меняющемся мире — вот темы книг индейских авторов, составивших серию. Так получилось, что читатель серии, знакомясь с этими книгами в порядке их выхода, как бы движется по времени вспять, в глубь истории.

Автор первой книги — «В присутствии Солнца: Собрание щитов» — Н. Скотт Момадэй, известный современный писатель, художник, исследователь культуры своего народа и продолжатель ее художественных традиций. Презентация книги в Москве сопровождалась выставкой графических работ-«щитов» автора, воспроизведенных в книге, и мы имели счастье принимать Момадэя в нашей редакции. Удивительно было держать в руках авторскую книгу, основанную на исторических корнях традиции, обогащенных академическим изучением культуры, и одновременно слышать древние предания индейцев, рассказываемые не просто исследователем, но живым носителем этой культуры, унаследовавшим сказания от длинного ряда поколений индейских предков. Сама книга «Собрание щитов» родилась как слово современного писателя и наследника своего народа. Каждая из новелл-щитов — это синтетическое произведение, объединяющее графическое изображение на щите и сюжет, щит объясняющий и ему посвященный, так как щит в индейской культуре не просто предмет обихода для воина, но и своеобразный символ личности этого воина, а потому тот, кто делает щиты — не просто мастер, но творец духовного мира. С двумя щитами вас знакомит выпуск нашего журнала, лежащий перед вами.

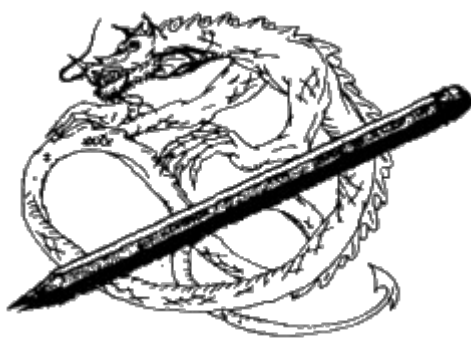
Многое из рассказанного Момадэем я нашла потом в следующей книге серии, посвященной одному из последних «великих вождей» и «пророков» индейцев — Черному Лося. «Священная трубка» и «Говорит Черный Лось» были записаны американскими исследователями со слов самого Черного Лося в 30-40-х годах нашего столетия. В его словах, бережно перенесенных на бумагу, предстает как удивительная по полноте картина верований, обрядов, самого мировосприятия и мироощущения индейцев, так и история борьбы коренных племен за выживание, последние акты трагедии американских аборигенов, свидетелем и участником которых был Черный Лось. В рассказах Черного Лося

воплощен уникальный жизненный и мистический опыт самого рассказчика, а также вековая устная и обрядовая традиция. А потому это бесценный источник для исследователя и увлекательное чтение для любого интересующегося читателя.

Между видениями и заветами Черного Лося и щитами Скотта Момадэя — «Легенды Ванкувера» Эмили Полин Джонсон, написанные на рубеже веков и отразившие как уходящие в прошлое корни индейской культуры, так и само мироощущение индейца в мире, который ему больше не принадлежит. Полин Джонсон, талантливая писательница смешанных кровей, которой равно были присущи европейская образованность и ощущение кровной связи с предками-индейцами, остро чувствовала культурную трагедию своего народа, болезненно переживала и собственное пограничное положение на стыке двух культур, а потому и в записанных ею легендах, и в более «авторских» рассказах звучит неподдельная искренность, боль и надежда. Особенно проникновенно написана новелла «Как все начиналось» — о судьбе индейской девушки: маленькой девочкой ее оторвали от родителей и воспитали в христианской миссии, но друг детства — белый юноша отвергает любовь индианки из-за того, что его возлюбленную сочли «все-таки дикаркой».

Три книги, три автора, живших в разное время и принадлежащих к разным поколениям индейских мыслителей. Все три объединены как трагическим колоритом, обусловленным многолетней борьбой за физическое и культурное выживание коренных американцев, так и верностью своим корням, своим предкам. Если для Черного Лося мифы и обряды были еще повседневной практикой, то для Полин Джонсон они уже стали приметами уходящего времени, срочно нуждающимися в фиксации и сохранении, а для Скотта Момадэя прошлое его народа — источник творческого вдохновения, выводящего древнюю коллективную традицию на новый уровень развития путем авторского переосмысления и творчества. Так замыкается круг. А Великий Круг, гармонично объединяющий человека и окружающий его мир, — один из основных «символов веры» для индейца.

Так что теперь у русского читателя есть новые книги про индейцев. Знакомство с «миром индейца» продолжится — в планах серии еще несколько названий. Уже вышедшие книги богато иллюстрированы фотографиями и графическими работами индейских художников, текст снабжен комментариями, словарями индейских слов и сопровождается интересными статьями Александра Ващенко, чьими трудами как составителя, переводчика и комментатора и вдохновлена новая серия. Жаль только, что в силу трудностей нашего времени эти интересные книги выходят очень небольшим тиражом — 200 экземпляров.

СРЕДИЗЕМЬЕ — ЗЕМНОМОРЬЕ — ЛУКОМОРЬЕ

Говорят, что обещанного три года ждут. К счастью, мы уложились в более короткий срок, и вот они, долгожданное результаты нашего первого литературного конкурса — фэнтэзи на славянском материале.

Мы рады, что на наш призыв откликнулись авторы из разных концов России — из Владимирской и Мурманской областей, из Ростова и Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и Йошкар-Олы, Новосибирска и Коломны. Значит, мы не ошиблись, когда предположили, что традиционная культура нашей Родины, ее славянские корни могут стать материалом и источником вдохновения для создания произведений фэнтэзи.

Всего мы получили двадцать девять рукописей. Среди них — переделки известных сказок — «Царевна-лягушка» Оксаны Батановой из Москвы и «Планета сказок» Владимира Марышева из Йошкар-Олы, «Богатыри и змей» Романа Игнатова из поселка Умба Мурманской области. Кстати, Роман — самый юный из участников нашего конкурса, однако его сказка отличается самостоятельным рисунком поведения героев, удачной местами стилизацией, явными следами работы с источниками славянского фольклора. Мы желаем Роману творческих успехов и отмечаем его вклад поощрительной премией — бесплатной подпиской на наш журнал на 1996 год.

Другая категория присланных произведений посвящена непростой русской истории, в существовании которой модно теперь стало сомневаться. Это «Лесной человек» Владимира Ней-вина из Екатеринбурга, посвященный попыткам хазар удержать Русь под своим игом, когда на помощь русичам приходят силы и духи самой русской земли, и «Четвертая мысль» Алексея Винникова из города Петушки, где делается попытка объяснить загадочную судьбу царевича Дмитрия. И более близкие к нам беспокойные страницы продолжают будоражить совесть, вызывая переживания самого ужасного свойства, которые при перенесении на бумагу выходят за рамки «фэнтэзи». Такова «Дорога мертвых» Дмитрия Дубинина из Новосибирска, повествующая о зомби, населяющих заброшенный лагерь ГУЛАГовских времен в приполярной тундре. Примыкает к теме событий новейшей российской истории и рассказ Евгения Прошкина из Москвы «Маршрут» — своего рода предсмертная исповедь человека, вспоминающего «грехи свои тяжкие» и тех, кого он вольно или невольно толкнул на смерть. Последние два

произведения, собственно говоря, не по теме нашего конкурса, но мы решили о них с благодарностью упомянуть, так как они написаны на весьма достойном уровне.

Есть произведения, где авторы пытаются свести воедино множество персонажей, чей след несет скорее язык, чем память людская, кто не всегда понятен сегодня без специальных пояснений фольклористов. Злыднем зовут зачастую просто зловредного человека, а прежде это была нечисть очень прилипчивая, воплощение и спутник Недоли. Алатырь-камень недостижимым свойством своим возвращать молодость и решать все проблемы манил на остров Буян не одного героя, а разрыв-трава выручала узников и рушила всевозможные недобрые узы. Перечислять можно долго, и Татьяна Суворова из Екатеринбурга попыталась задействовать множество образов в полном крови и боли рассказе «Место килы», но как и герою рассказа Бажену, так и читателю остается только мучиться смутными догадками — отчего родную деревню нечистая сила просто ест поедом.

Лиризмом, особенной тихой радостью привлекает зарисовка Е. Гаркушева из города Гуково Ростовской области «Временное пристанище». А «Кооператив чудес «Иванушка» Сергея Криворотова из Астрахани, наоборот, достаточно точно отражает дух скептицизма, свойственный многим в нашей «коммерческой» российской современности.

И, как водится, три победителя, кого мы поздравляем и чьи произведения предлагаем вашему вниманию.

Дмитрий Камышев — молодой московский журналист, активный читатель и любитель фантастики. Повесть «Там чудеса...» — его первая художественная публикация. Герой повести — тоже современный журналист, ни в Бога, ни в черта толком не верящий, но вовсе не циник, человек открытый как доброй памяти людской, так и голосу природы. Может, это и имел в виду леший из повести, измерявший его «добросилу» — способность одолеть мертвящее Кощеево зло в финальном поединке? Повесть Камышева особенно привлекла искренностью тона и сугубо личным, но глубоким восприятием тех категорий, что нашли свое отражение в славянском фольклоре.

Наталья Резанова — тоже молодой, но уже профессиональный литератор, сотрудник известной нижегородской книгоиздательской фирмы «Флокс», автор и переводчик многих публиковавшихся фантастических произведений. В двух ее диалогических новеллах на темы русской истории — о варяжских набегах и восстании Степана Разина — воплощен дух той русской женщины, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И хоть избы-то все горят и горят, она хочет и дом для своих детей заново отстроить, и с Богом поговорить на равных.

Краевед **Валерий Ярхо** из Коломны не мудрствуя лукаво записал и обработал местное предание из времен татаро-монгольского нашествия, когда подобно Китеж-граду храм деревни Олений Вражек (теперь это имя носит улица в современной Коломне) ушел в землю вместе с жителями, но звон колокола остановил врага и по сию пору, как Божий знак, оберегает эти места от опасности.

Иллюстрации к новеллам Резановой и рассказу Ярхо выполнил московский художник Ильяс Айдаров.

Еще раз благодарим участников нашего первого конкурса и желаем всем творческих успехов!

Дмитрий Камышев

«ТАМ ЧУДЕСА...»

Шкатулка была самой обыкновенной — из прочного, потемневшего от времени дерева, с едва заметным резным рисунком на поверхности, — если бы не одна существенная странность: она не открывалась. Более того, у нее не было ни выступа, на который можно было бы нажать, чтобы эта вещь открылась, ни даже прорези, свидетельствующей о наличии крышки. Можно было подумать, что шкатулка вырезана из цельного куска дерева, но внутри что-то явственно гремело, а ведь если это «что-то» туда положили, то это, черт возьми, значит, что его можно и вынуть обратно!..

Игорь бесцельно разглядывал свой трофей и все больше злился на себя за то, что вообще поддался на уговоры матери и пошел к тетке Прасковье поговорить насчет ее пропавшего мужа. Ну и что из того, что Игорь работает в московской газете и занимается расследованием политических скандалов? Ведь герои его статей, как правило, — очень заметные личности, которые всегда на виду, а здесь — обычный сельский пенсионер, к тому же нелюдимый и чудаковатый. Да и вообще: поиски пропавших людей — дело не журналистов, а милиции, тем более что дядя Коля исчез больше месяца назад...

Но Игорь все-таки сходил к соседке и взял у нее эту проклятую шкатулку: сходил, потому что об этом его попросила мать, а взял — потому что увидел, как тетка Прасковья тихо плачет над выцветшей фотографией мужа. И хотя, идя к ней, он уже готовился сказать, что ничем не сможет ей помочь, что она должна ждать и надеяться на лучшее и что, в конце концов, он всего лишь простой журналист, приехавший

провести отпуск у своей матери в деревне под умиротворяющим названием Барсуки, — увидев ее беззвучные слезы, он забыл все эти безжалостные слова. Игорь осмотрел опустевшую комнату дяди Коли, порылся в его бумагах, даже попытался прочесть некоторые записи, но ничего в них не понял: какая-то полунаучная ерунда, не то астрология, не то алхимия... А потом тетка Прасковья принесла эту шкатулку, сказав, что часто видела ее у мужа на столе, а в ту ночь, когда он пропал, нашла ее у крыльца, и что в тот момент шкатулка как бы светилась изнутри едва заметным зеленоватым светом и была теплой на ощупь. Она протягивала эту коробочку с такой мольбой в глазах, что Игорь понял: если он сейчас не возьмет эту штуку с собой, то отнимет у женщины последнюю надежду.

...Игорь в последний раз повертел шкатулку в руках, окончательно решив бросить это бессмысленное занятие и идти спать, когда его палец вдруг нащупал небольшое круглое углубление на боковой стенке. Без особого энтузиазма он попытался засунуть в отверстие указательный палец, но дырочка была слишком узкой. Тогда он вставил мизинец и надавил.

Ничего не произошло. Шкатулка так и осталась неприступной, а палец, извлеченный из отверстия, оказался испачкан чем-то вроде сажи темно-бурого цвета. Игорь потер мизинец о ладонь, затем поскреб ногтем, но «сажа» не оттиралась. И в этот момент за его спиной раздался голос:

— Брось, милай, зря стараешься. Фирма-ыть веников не вяжет...

Голос был скрипучим и слегка дребезжащим. Игорю почему-то сразу вспомнились сказочные персонажи из старых кукольных мультфильмов — всевозможные старички-лесовички и лешие, говорившие именно таким голосом. Нежданный гость, должно быть, тоже похож на такого персонажа, подумал Игорь и обернулся. Комната была пуста. Непроизвольно он взглянул на печку и даже на люстру, но и там никого не было.

— Да чего ж ты по верхам-то глазеешь? — обиделся голос. — Я, чай, здесь стою, под самым твоим носом! Вот-ыть пальцем в дырку лезть у него соображения хватает, а углядеть, понимаешь, человека — ни в какую!..

Игорь посмотрел под ноги и увидел маленького человечка с густой русой шевелюрой, голова которого едва доставала Игорю до колен. Пока он силился выговорить хоть слово, незванный гость с неожиданным проворством вскарабкался на стол и деловито осмотрел шкатулку. При свете настольной лампы Игорь разглядел, что на человечке были потертые джинсы, майка с эмблемой чемпионата мира по футболу и белые кроссовки.

— Ну, чё уставился? — добродушно поинтересовался человечек. — Чай, я не девица. Берись-ка лучше за ларец, замерим твою добросилу да и разойдемся с миром. У меня-ыть и других дел по горло.

— А вы... — смог наконец выдавить из себя Игорь. — Вы кто?..

— Ну, здрасьте! — снова обиделся человечек. — Али сам не видишь? Домовой, кто ж еще? Дедом Василием кличут. Да ты на одежку-то мою не смотри, — добавил он, перехватив удивленный взгляд Игоря. — Это я у Бабы Яги прибарахлился. А что, в тулупе, что ль, ходить? — Домовой любовно смахнул с колена пылинку. — Ну ты берись за ларец-то, хватит столбом стоять.

И он подвинул шкатулку к краю стола.

— 3-зачем? — от удивления Игорь даже начал заикаться.

— Ну ты оре-ол, — разочарованно протянул домовой. — Я, что ли, притащил сюда эту штуковину? Я-ыгг за тобой от самой Прасковьи топал, а ты мне тут комедию ломаешь. Если хотел добросилу замерить, так меряй, не тяни...

Слушая старичка, Игорь судорожно соображал, спит он или просто сошел с ума. Для проверки первого предположения он даже ущипнул себя за руку. Щипок оказался очень чувствительным, и Игорь негромко ойкнул. Однако о том, как проверить, в своем ли он уме, Игорь не знал.

— Да ты чего щиплешься-то? — удивился дед Василий, заметив движение Игоря. — Неужто и впрямь ничего не понимаешь?

— Если ч-честно, то нет, — проямлил Игорь.

— И как с ларцом обращаться, не ведаешь?

Не в силах ответить, Игорь лишь мотнул головой.

— А откуда же у тебя добротворный стих, что Федотыч у меня выпросил? — домовой указал на торчащий из кармана куртки Игоря тетрадный листок.

Игорь развернул бумагу. Это был листок из школьной тетрадки в клеточку, который он нашел на письменном столе дяди Коли. На нем были записаны какие-то стихи, но разобрать можно было лишь последние две строчки:

*...Но сила мысли камень злой источит
И солнца луч пробьет земную твердь.*

Найдя листок в доме дяди Коли, Игорь автоматически сунул его в карман и сразу же о нем забыл.

— Д-да я... я н-не думал... — начал было Игорь.

— Да ладно, — махнул рукой старичок. — Я-ыть и сам вижу, что ты не в курсе. Вот только что ж нам теперь делать-то?..

Он почесал в затылке и снова посмотрел на шкатулку.

— Ну, ты вот что, — сказал наконец домовой. — Коли уж ты меня вызвал, добросилу замерить придется. Если ты как все, то на этом и разойдемся, а если нет...

— Да я вроде никого не вызывал... — робко предположил Игорь.

— Ну да! — возразил дед Василий. — Палец-ыть в дырку засунул? Значит, вызвал.

— Но я же не знал...

— Да ты не бойсь, — успокоил домовой. — Это не больно. Просто возьми ларец вот так, двумя руками. — Он приложил к стенкам шкатулки растопыренные ладони. — А остальное он сам за тебя сообразит.

На споры у Игоря уже не было сил. Втайне он даже надеялся, что если сделает все так, как говорит этот странный гость, то наваждение наконец развеется. Он взял в руки шкатулку и вопросительно посмотрел на деда Василия.

— Ты покрепче, покрепче сожми, — объяснил домовой. — Как будто сок из нее выжимаешь.

Игорь сжал шкатулку сильнее и почувствовал, что она нагревается. Через несколько секунд жжение стало нестерпимым, и Игорь хотел поставить шкатулку на стол, но ладони словно приросли к деревянным стенкам ларца. В следующее мгновение крышка шкатулки открылась, и из нее брызнул яркий голубой свет. Игорь зажмурился.

Когда он открыл глаза, вокруг стояла крошечная тьма. Только где-то

далеко впереди было заметно тусклое красноватое мерцание. Оно становилось все ярче, и наконец кровавые отблески озарили всю комнату. Только теперь это был не деревенский дом, а какое-то мрачное помещение без окон и дверей. В углу мерно капала вода, а прямо перед собой Игорь увидел человека, прикованного к каменной стене. Человек поднял голову, и Игорь узнал дядю Колю. Николай Федотыч, видимо, тоже узнал Игоря и открыл рот, пытаясь что-то сказать. Но с его губ слетел лишь протяжный стон...

Яркая голубая вспышка заставила, Игоря очнуться. Он по-прежнему стоял перед письменным столом, держа в руках шкатулку. Крышка была открыта, и на ее внутренней поверхности ясно проступали кроваво-красные слова: «Путь приведет к страждущим». Внутри ларца лежали какие-то старинные вещицы: гребень, нож, большая игла, полотняный мешочек...

— Да-а, — протянул домовый, с уважением глядя на Игоря. — Выходит, не ошибся Федотыч, что тебя на Путь позвал. Силен ты, паря.

— Что это было? — Игорь ошарашенно взглянул сначала на старичка, а затем на шкатулку.

— И откуда только в вас, городских, это берется?.. — домовый озадаченно почесал в затылке.

— Что... берется? — спросил Игорь, все еще с трудом соображая, где он находится и что вообще происходит.

— Ну ясно, что — добросила... — дед Василий на секунду задумался. — А давай-ка мы глянем, откуда ты такой взялся.

Не успел Игорь возразить, как домовый прыгнул на стул и положил свои ладошки поверх его пальцев, все еще сжимавших чуть теплую шкатулку. Ларец снова засветился — на этот раз едва заметным зеленоватым светом, — и Игорь вдруг увидел себя в редакции, за своим рабочим столом. За соседним компьютером сидел Эдик Поляков и, как обычно, умудрялся сочетать написание своего очередного отчета о работе парламента с оживленной беседой на отвлеченные темы чуть ли не со всеми сотрудниками отдела.

— ...И представляешь, — теперь Эдик обращался уже к Игорю, не переставая при этом стучать по клавиатуре, — встаю сегодня утром — и все как рукой сняло! И голова, и горло — как новенькие. А про насморк я вообще забыл! — Он на мгновение перестал печатать и с интересом посмотрел на Игоря: — Слушай, Игорек, а, может, ты все-таки экстрасенс? Бросай эту журналистику к чертовой матери и подавайся в целители. Знаешь, сколько они зашибают?

— Да ладно, Поляков, кончай, — поморщился Игорь. — Ты бы лучше на монитор глядел, а то опять напишешь чего-нибудь не то, и у тебя аккредитацию отберут.

— Бог с ней, аккредитацией, — махнул рукой Эдик. — У тебя ж талант пропадает! Послушай умного человека: бросай свои писульки и иди в экстрасенсы. Ты ведь уже, наверное, полредакции перелечил.

— Да какое там перелечил! Подумаешь, у кого-то головная боль прошла — еще неизвестно, из-за меня это или из-за таблеток. Ты ведь тоже вчера таблеток наглотался?

— Ну причем тут таблетки! — не согласился Эдик. — Я их каждый день килограммами лопаю, и никакого эффекта. А ты руками поводит — и готово! И еще отпирается...

— Где Столяров?.. — прогремел на противоположной стороне

корреспондентского зала раскатистый бас главного редактора.

— Во, и Егоров, видать, полечиться захотел, — хихикнул Эдик.

Мощная фигура редактора в традиционных джинсах и рубашке с коротким рукавом возникла у входа в отдел политики. Правда, судя по выражению его лица, хвалить Игоря он, в отличие от Полякова, не собирался.

— Слушай, Столяров, — не здороваясь, загрохотал он. — Ты что, совсем уже сбрендил на почве политических скандалов?..

— А... что случилось, Владимир Яковлевич? — пробормотал Игорь, не ожидавший такого напора.

— И он еще спрашивает! — Главный ткнул пальцем в монитор. — Ты чего там понаписал?

— Да ведь вы сами тему одобрили...

— Причем тут тема! — рявкнул редактор. — Может скажешь, я и отставку Сковцова одобрил?

— Ах, вот вы о чем... — понял наконец Игорь. — Видите ли...

— Не вижу! — отрубил Егоров. — Ты что, хочешь, чтобы над нами каждая собака в Москве смеялась? Кто ты такой, президент что ли, чтобы министров обороны снимать?

— Понимаете, Владимир Яковлевич, — Игорь старался говорить без пауз, чтобы успеть высказаться до следующего взрыва редакторского гнева. — У меня такое ощущение, что завтра Сковцов уже не будет министром обороны.

— Ах, ощущение... — протянул главный и прищурился. — А у тебя нет ощущения, что завтра ты уже не будешь работать в нашей газете?

— Дело, конечно, ваше, — Игорь опустил глаза. — Только ведь тогда, с вице-мэром, я, кажется, не ошибся?

— Не ошибся, — согласился Егоров. — Но ведь то вице-мэр, а то — министр обороны. Чуешь разницу?

— Чую, — кивнул Игорь. — Но Сковцова все же снимут, вот увидите...

— Ну, Столяров... — покачал головой редактор и, снова прищурившись, посмотрел на Игоря. — В общем, так: в таком виде твой материал я, конечно, не пропущу. Поправь там, смягчи как-нибудь, что-то вроде «по мнению наблюдателей»...

— Но ведь мы можем быть первыми, кто сообщит об отставке, — попытался было надавить на патриотические чувства главного Игорь.

— Я сказал «нет», значит «нет», — отрезал Егоров и, помолчав секунду, добавил: — Но если завтра его вдруг каким-то чудом все-таки снимут, я тебе обещаю — в порядке компенсации за моральный ущерб — внеплановый отпуск и двойной оклад до конца года. Согласен?..

...Падающий с потолка свет померк, усмехающееся лицо редактора исчезло в сгустившемся полумраке, и Игорь вновь очутился в деревенской избе.

— Вот-ыть оно как... — многозначительно проговорил дед Василий. — Ну и что, сняли министра-то?

— Что? — от столь быстрой смены впечатлений Игорь совершенно потерял ориентацию.

— Я говорю, сняли этого твоего Сковцова, али нет?

— А-а, Сковцова... Сняли. Вечером того же дня.

— А двойной оклад дали? — с интересом спросил домовый.

— Не-а, — все еще переваривая увиденное, пробормотал Игорь. —

Только отпуск, да и тот — по графику...

— Ну ладно, теперь вроде все ясно, — подытожил дед Василий. — Добросилы у тебя действительно с избытком, поэтому и освободить Федотыча кроме тебя некому. Так что собирайся, паря...

— Собираюсь? Куда? — пришел наконец в себя Игорь. — Какой-то Путь, добросила... Никуда я не пойду! Я в отпуске, понимаете? А искать пропавших должна милиция! Вот там и расскажите, где дядя Коля и как его найти!..

Домовой исподлобья взглянул на Игоря, молча взял у него шкатулку и поставил ее на стол.

— Ты, паря, на меня не кричи, — сердито сказал он. — Не дорос еще. А если идти не хочешь, никто тебя не заставляет. Вот только Федотыча жалко: знать, все же не того он позвал...

— Послушайте, — Игорь схватил деда Василия за руку. — Причем тут я? Я и дядю Колю-то не знал почти, да и что я там по подземельям лазить буду? Вы сообщите в милицию, и его найдут и освободят. Или давайте, я сам сообщу...

— Ну да, — проворчал старичок, выдергивая свою ладошку из рук Игоря. — Приду я в твою милицию и скажу, здрастье, я домовый, идите выручать Федотыча из замка Кощея. Так что ли?

— Какого еще Кощея?.. — спросил Игорь упавшим голосом.

— Обыкновенного, Бессмертного, — язвительно произнес дед. — Али других знаешь?..

Чувствуя, что пол уходит из-под ног, Игорь опустился на стул.

— В общем так, милок, — домовый уселся на столе, скрестив ноги. — Я тебе поясню, что к чему, а ты уж сам решай, как быть. Федотыч, понятное дело, в беде. Он, конечно, сам виноват, говорил-ыть я ему, что маловато у него добросилы, чтобы на Путь соваться. Да-ыть их, ученых, разве переспоришь? Должон я, говорит, убедиться своими глазами в правильности моей теории! Ну вот, убедился: сидит у Кощея в темнице и ждет, пока кто-нибудь его оттуда вызволит. А ты, стало быть, как раз могёшь это сделать, потому как добросилы у тебя с избытком.

Дед Василий окинул Игоря оценивающим взглядом и продолжил:

— Но я тебе, паря, честно скажу: добросила — это еще не все, там много еще чего нужно... И если ты на Путь вступишь, то может статься, там навеки и останешься. Потому как вряд ли в ближайшие сто лет найдется другой добрый молодец, способный сладить с Кощеем.

— А если я никуда не пойду? — тихо спросил Игорь.

— Ну тогда... — домовый тяжело вздохнул. — Тогда Федотычу придется доживать свои дни в подземелье, а ты будешь и дальше отдыхать и веселиться. Если, конечно, сможешь...

* * *

Когда за ним захлопнулась дверь, Игорю снова показалось, что он спит. Вместо хорошо знакомой деревенской улицы перед ним высился густой лес, в который вела едва заметная тропа. Ему захотелось поскорее проснуться, увидеть вокруг привычную обстановку родного дома и забыть весь этот ночной бред. Но когда он обернулся, то увидел все те же безмолвные деревья. Дом исчез. Исчез вместе с той, прежней жизнью и с чудным старичком-домовым, явившимся неизвестно откуда и пославшим Игоря неизвестно куда.

«Тоже мне советчик, — подумал Игорь. — Хоть бы поподробнее объяснил, что к чему. А то — пойдя туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... Да еще и этот антиквариат».

Игорь разложил на носовом платке вещи, взятые им из шкатулки: потемневший деревянный гребень, большая костяная игла с короткой зеленой шерстяной нитью, маленький полотняный мешочек с головкой чеснока. В шкатулке был еще небольшой нож с резной деревянной ручкой, но домовый разрешил взять лишь три предмета. Дескать, так положено. А посылать в тридевятое царство совершенно неподготовленного человека — положено? К тому же ни слова о том, что с этими вещами делать, дед Василий так и не сказал. Сам, говорит, разберешься. Ладно хоть предупредил, что дядю Колю нужно обязательно найти за 24 часа, а первым, кто встретится на Пути, будет непременно Баба Яга...

Игорь вдруг поймал себя на мысли, что думает о предстоящей встрече с Бабой Ягой как о чем-то неприятном, но вполне естественном — вроде визита к зубному врачу. Он вспомнил, как пару месяцев тому назад Эдик Поляков попробовал уговорить его написать об одном ученом-самоучке, изучающем «русскую магию» и регулярно, по его словам, общающемся с домовыми и лешими. Поляков встретил его в парламенте, где ученый пытался доказать какому-то депутату, что нечистая сила живо интересуется российской политикой. «Старик, — убеждал Игоря Эдик, — это ж золотое дно! Гвоздь номера! Представляешь, первополосный заголовок: «Нечистая сила готовится к выборам», да еще и фото такого симпатичного лешего, — все конкуренты просто полопаются от зависти! Я тебе уже и подзаголовок придумал: «Российская политика: тем чудеса, там леший бродит...» Ну чё, берешь?» — «Делать мне нечего — про всякие потусторонние бредни писать, — ответил тогда Игорь. — И вообще, про психические расстройства ученых-самоучек пусть вон отдел происшествий пишет». — «И вообще это не бредни, — обиделся Эдик. — Я, между прочим, тоже домового однажды видел». — «Да у тебя скоро после общения с такими учеными инопланетяне начнут на балконе высаживаться, — усмехнулся Игорь. — А мне с тобой на пару в психушку отправляться что-то не хочется...»

...Игорь завернул свои «инструменты» в платок и, положив его в карман, пошел по тропе. Хотя «в нормальной жизни» уже перевалило за полночь, здесь было светло как днем. Места вблизи Барсуков Игорь знал неплохо, но этот лес был ему совсем не знаком. Впрочем, теперь он старался ничему не удивляться.

Лес закончился так же неожиданно, как и начался. Выйдя на опушку, Игорь сразу увидел избушку Бабы Яги. Впрочем, на избушку это строение походило меньше всего: красивый двухэтажный деревянный дом с белыми стенами и резными коричневыми наличниками на окнах покоился на полуметровых сваях, а остроконечную крышу украшала ветвистая телевизионная антенна. Двери на этой стороне дома, как и следовало ожидать, не оказалось. Порывшись в памяти, Игорь неуверенно произнес: «Избушка-избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Дом остался абсолютно неподвижным. Игорь повторил фразу еще раз, на этот раз погромче, но на «избушку» это снова не произвело никакого впечатления. Он собрался крикнуть то же самое и в третий раз, когда за его спиной раздался шепелявящий голос:

— Ты, милоч, чего кричишь? Ко мне, что ль?..

Игорь обернулся и увидел приветливо улыбающуюся сухонькую старушку в цветастом платке. В руках у нее был огромный клеенчатый баул.

— Да вроде к вам, — смущенно пробормотал Игорь.

— Ну тогда пошли.

Бабка проворно засеменила к дому, волоча за собой баул. С другой стороны дома, возле небольшого палисадника, оказалось высокое крыльцо. Когда Игорь вскарабкался по крутым ступеням, бабка уже затаскивала свою поклажу в дом.

— Ты проходи, не стесняйся, — крикнула она из глубины коридора. — Тебя звать-то как? Небось, Иваном?

— Да нет, — ответил Игорь, переступая через высокий порог. — Игорем. А вы, стало быть, Баба Яга?

— Яга, милоч, кто ж еще! Да ты заходи, не стесняйся!

Разувшись в сенях, Игорь прошел в дом. В горнице, у стола, хозяйка распаковывала баул, рядом на подоконнике лежал большой черный кот, а в другом углу, у цветного телевизора, сидел на табурете здоровенный лохматый детина. Когда Игорь вошел, детина обернулся, окинул гостя оценивающим взглядом, облизнулся, обнажив длинные желтые клыки, и снова уставился в экран. Зазвучали позывные передачи «В мире животных».

— Это Федя, — объяснила Баба Яга, заметив опасливый взгляд Игоря. — Наш местный вурдалак. Да ты не бойся, — быстро добавила она, увидев, как гость вздрогнул и попятился. — Он чужих не трогает. Ему только у родственников кровь пить положено...

Игорь все же предпочел сесть подальше от Феди, возле стола. Баба Яга выкладывала из баула джинсы, блоки сигарет и бутылки водки.

— Вот, приторговываю помаленьку, — сказала она извиняющимся тоном. — А то времена-то теперь трудные. Опять же, Федю кормить надо. На одной кровушке ведь не проживешь...

Вурдалак в углу радостно загоготал. На экране лев завалил антилопу и, жадно урча, разрывал ей горло. Игорь поежился.

— Так ты, стало быть, за перстнем пришел? — спросила Баба Яга, укладывая джинсы стопкой на подоконнике.

— Д-да, — неуверенно кивнул Игорь. Вообще-то ни о каком перстне он ничего не знал, но рассудил, что коли Баба Яга сама предлагает, отказываться грех.

— А может, сначала в баньке попаришься, щец откушаешь, как полагается?

— Да нет, спасибо, бабушка. Некогда мне, времени нет.

— К Кощею, что ль, торопишься? — Баба Яга бросила на Игоря быстрый взгляд.

— К нему, к кому ж еще, — вздохнул Игорь.

— Ну ладно, милоч, не буду я тебя задерживать. Кощей — дело серьезное. — Баба Яга прошаркала к старинному комоду, порылась в нижнем ящике и достала маленькую деревянную коробочку.

— Надевай и ступай с Богом.

В коробочке лежал незатейливый стальной перстенок с красноватым камешком.

— Спасибо, бабуля. — Игорь захлопнул коробочку и хотел засунуть ее в карман, но Баба Яга схватила его за руку.

— Да ты надень его, милоч. Он тебе, небось, скоро пригодится. А

коробочку, не дай Бог. потеряешь — как потом быть?

Хотя Игорь не имел привычки носить кольца и перстни, расстраивать гостеприимную хозяйку тоже не хотелось. Он открыл коробочку и примерил перстенок на средний палец левой руки, но колечко оказалось мало. Не влез перстень и на безымянный палец.

— Ты на мизинчик, на мизинчик надевай, — посоветовала Баба Яга. — Там в самый раз будет.

Едва Игорь поднес перстень к левому мизинцу, как палец начало жечь, словно его опустили в кипяток. Игорь отдернул руку и осторожно приложил колечко к тыльной поверхности кисти. Металл был холоден как лед.

— Ну что задумался? Надевай, — настаивала Баба Яга. — Время-то идет, а Кощей, поди, ждать не будет!

Игорь взглянул на хозяйку и вдруг заметил, что в ее лице кое-что изменилось: улыбка стала какой-то искусственной, а в глазах запрыгали недобрые огоньки. Краем глаза Игорь увидел, что и Федя смотрит уже не в телевизор, а на него. Бросив взгляд на подоконник, Игорь обнаружил, что и кот уставился на него немигающими зелеными глазами, а за окном, на том месте, где еще несколько минут назад вокруг палисадника высилась изящная деревянная ограда, теперь стоял частокол из огромных костей с нанизанными на них черепами.

— Положу-ка я его лучше в карман, — медленно проговорил Игорь. — Так оно надежнее будет...

Баба Яга вскочила со стула так резко, что Игорь отшатнулся.

— Надевай, я сказала, — прошипела она, глядя гостю прямо в глаза. — Надень перстенок, а то ведь как бы хуже не было...

От недавней добродушной бабули не осталось и следа. Перед Игорем стояла старуха с перекошенным от злобы лицом, и ее скрюченные пальцы, похоже, уже были готовы вцепиться ему в горло.

— Да вы чего? — испуганно пробормотал Игорь. — Чего вы так сердитесь-то? Ну потом я его надену, дойду до замка Кощей — и надену...

Из-за спины Бабы Яги появился Федя. Его волосы были всклокочены, в глазах загорелся хищный огонь, а с обнаженных клыков текли слюни.

— Э-э, потише, потише, — Игорь попятился к двери. — Ты ведь вроде не родственников не трогаешь.

— А у нас в Барсуках все родственники, — зло процедила Баба Яга. — Так что надевай перстень, а то Федя твоей кровушки отведает!

Игорь наконец нащупал дверь и рванулся в темные сени, но, зацепив по дороге ведро, растянулся у самого выхода. Вурдалак бросился следом и, преодолев сени одним прыжком, наступил на то же ведро и грохнулся рядом. Игорь на четвереньках пополз к выходу.

— Хватай его, Федя! — завизжала Баба Яга.

Вурдалак зарычал и, схватив Игоря волосатыми руками за горло, потянул его к себе. Уперев одну руку в грудь Феде, другой Игорь шарил по полу, пытаясь хоть за что-нибудь зацепиться. Когда зубы вурдалака клацнули над самым его ухом, в ладони Игоря оказался маленький полотняный мешочек. Даже не успев сообразить, что это такое, он сунул мешочек прямо в разинутую пасть.

Федя сомкнул зубы, и в то же мгновение его глаза запылали синим огнем. Вурдалак взвыл и, отпустив Игоря, завертелся волчком. Пламя в его глазах разгоралось все ярче, и этот свет, казалось, съедает Федю изнутри. Наконец, из вурдалака ударил сноп голубых искр, он снова издал

протяжный вой и исчез, оставив на полу лишь горстку тлеющих углей.

Игоря била дрожь. Держась за стену, он медленно поднялся и приоткрыл входную дверь. Ее скрип словно разбудил стоявшую в оцепенении Бабу Ягу.

— Ах ты, злыдень! — заголосила она и, сделав шаг, схватила Игоря за руку. — Стой, я тебе говорю!

Рванувшись из последних сил, Игорь выдернул руку. Старуха потеряла равновесие, повалилась на пол и, негромко ойкнув, затихла. Нашарив на стене выключатель, Игорь включил в сених свет. Баба Яга лежала на спине и тихонько похрапывала. С ее правой ладони медленно стекала капелька крови, а рядом на полу валялись костяная иголка, гребень и коробочка с перстнем.

— Ну спасибо, дед Василий, — пробормотал Игорь. — Пригодился-таки твой антиквариат...

* * *

В лесу стало заметно темнее, но табличку на дереве Игорь все же увидел. Надпись была крайне лаконичной: «К лешему» — а стрелка указывала на неприметную тропинку справа от Пути. После «теплой» встречи с Бабой Ягой у Игоря не было никакого желания разбираться еще и с лешим, и он пошел прямо. У второй точно такой же таблички он не стал даже останавливаться.

Когда после очередного поворота табличка встретила в пятый раз, Игорь понял, что свернуть все-таки придется. Проклиная про себя все эти сказочные законы и прикидывая на ходу, каким же «инструментом» можно одолеть лешего, он прошел сквозь кустарник и увидел поляну с покосившейся избушкой. В маленьком окне горел тусклый свет, а на крыше торчала ржавая телеантенна.

«Цивилизация, черт побери», — зло процедил Игорь и без стука вошел в дом.

После хором Бабы Яги изба лешего казалась жалкой лачугой. Половину единственной комнаты занимал неотесанный дубовый стол без скатерти с одинокой бутылкой водки посередине. В углу Игорь разглядел старенький черно-белый телевизор «Рекорд» и деревянный топчан, под которым пылилась пачка пожелтевших газет.

— Что, думал мимо пройти? — недовольно пробурчал кто-то за спиной Игоря. — Да куды ж ты от лешего в лесу денес-ся?.. А ну-ка, посторонись.

В комнату вошел мужичок в тулупе, треухе и кирзовых сапогах. В руках у него была тарелка с солеными огурцами. Мужичок поставил тарелку на стол, сел на высокую скамью и откупорил бутылку.

— Ну, чё стоишь? Садись, выпьем за знакомство. — Хозяин бросил треух на подоконник, но тулуп не снял.

Игорь с опаской огляделся по сторонам.

— Что, упыря, что ль, выглядываешь? — хихикнул леший. — Здорово, знать, тебя старуха напугала!.. Да не бойсь, один я тут.

Игорь присел за стол. Хозяин достал два граненых стакана с отбитыми краями и налил оба до краев.

— Слушай-ка, — задумался вдруг леший. — А как же ты от Федьки-то убег? От него ведь мало кто уходил.

— Да я... — замялся Игорь. — Так уж получилось...

— Чего получилось? Темнишь?.. — насупился хозяин. — Если щас

сюда Федька заявится, знаешь, какой погром устроит? В прошлый раз чуть избу не снес!

— Не заявится, — успокоил его Игорь. — Он сгорел. Я ему в пасть чеснока сунул, ну он и сгорел. Только головешки остались.

— Ну дела!.. — удивился леший. — А что старуха?

— А она иголкой укололась и заснула. И сейчас, наверное, спит.

— Ну ты, парень, силен! — резюмировал хозяин и посмотрел на полные стаканы. — Только в таком разе тебе много нельзя. Хмель-то, он добросилу уменьшает.

Леший с удовольствием слил почти все содержимое одного стакана обратно в бутылку и подвинул его Игорю.

— Ну давай, будем знакомы. Тебя как величать?

— Игорь.

— А я, стало быть, леший. Соломоном звать.

— Как-как? — Игорь даже поперхнулся.

— Соломоном. А что тут такого? — обиделся хозяин. — Чай, не Цезарем и не Александром Македонским. — Он взял с тарелки огурец. — Вообще-то я Степан, но Соломон мне больше нравится. Больно умно звучит.

Возражать Игорь не стал. В конце концов, если уж есть на свете лешие, то почему бы одному из них не быть Соломоном?..

— А Федьку все-таки жаль, — прервал его размышления леший. — Он хоть и буянил иной раз, а все ж добрый был. Да и новости, опять же, рассказывал... Слушай! — оживился он вдруг. — А ты часом не из Москвы?

— Из Москвы.

— Так ты-то мне и нужен! — обрадовался Соломон. — У меня, понимаешь, телевизор сломался, а я без новостей ну никак! Вон, выменял у домовых на шишки пачку газет, да ведь они, куркули проклятые, свежих не дают, одно старье!.. Ты мне вот что скажи: чего там в Москве думают об Израиле? Отдаст он арабам Палестину или не отдаст?..

Познания лешего оказались чрезвычайно обширны. Его интересовало буквально все: от последней резолюции ООН о санкциях против Ирака до недавнего землетрясения в Японии. Через час, когда Соломон начал выяснять, разведется ли принц Чарльз с принцессой Дианой, Игорь не выдержал.

— Слушай, Соломон! — Он встал из-за стола. — Это все, конечно, очень интересно, но мне, ей-богу, пора. У меня всего-то сутки, чтобы до Кошца добраться.

— Да как же ты пойдешь? — искренне удивился хозяин. — Дорогу-то я один могу показать, а я ее не покажу, хоть ты тресни. Потому как для меня вопрос о Диане — жизненно важный, а на твоего Кошца мне плевать! Так что садись и рассказывай.

— Ну ты пойми, — не сдавался Игорь. — Там же человек страдает, в кошцеевой темнице сидит. А я тебе здесь байки рассказываю.

— Какие такие байки? — снова обиделся леший. — Информация, понимаешь, это не байки, это... — Соломон на секунду задумался. — Это кровь общественного ор-га-низь-ма, вот! Так что давай про Диану.

Из-за окна донесся тонкий писк.

— Ох, батюшки! — всполошился леший. — Про Степашку-то я и забыл. Он там, поди, совсем замерз. — Он выскочил во двор.

Игорь понял, что просто так ему отсюда не уйти. Он встал и

прошелся по комнате, пытаясь придумать какую-нибудь хитрость, чтобы отвязаться от любознательного Соломона. Использовать для этого что-то из имеющегося у него «оружия» Игорю не хотелось, да он и не знал, что именно для этого нужно. Присев на топчан, Игорь нажал кнопку телевизора, но экран остался темным. Повинуясь какому-то смутному чувству, он развернул безжизненный ящик, вынул предохранитель и посмотрел на свет. Спираль внутри колбы оплавилась и прикипела к стенкам. Еще не веря своей удаче, Игорь огляделся и сразу нашел то, что нужно: одна из ножек топчана была прикручена толстой алюминиевой проволокой. Он отломал небольшой кусочек, вставил его в гнездо предохранителя и, мысленно перекрестившись, включил телевизор. «Рекорд» загудел, внутри что-то щелкнуло, и экран вспыхнул.

— А вот и мы... — леший вошел в избу, держа в руке большую пустую клетку, но, увидев работающий телевизор, встал посреди комнаты, хлопая глазами.

— Починил? — не веря своим глазам, спросил он.

— Вроде починил...

— Да ты же мне жизнь спас! — Аккуратно поставив клетку на стол, Соломон бросился обнимать сначала Игоря, а потом и возвращенный к жизни «Рекорд». — Проси теперь, что хошь — все сделаю!

— Чего уж там, — скромно потупился Игорь. — Ты меня на Путь выведи, и все.

— Да это само собой, благодетель ты мой! — Леший ласково поглаживал телевизор. — Ты чего-нибудь еще попроси, для себя.

— Ну не знаю... — взгляд Игоря упал на клетку. В тусклом свете запыленной лампочки он рассмотрел, что клетка вовсе не пуста: в самом ее углу сидел крохотный белый мышонок. Почувствовав на себе взгляд человека, мышонок вылез из угла, уткнулся носом в прутья клетки и поглядел на Игоря грустными красноватыми глазами.

— Знаешь что, — сказал вдруг Игорь, — отпустил бы ты его!

— Кого — Степашку? — удивился Соломон.

— Ну да. Гляди, какой он грустный...

Леший посмотрел на мышонка:

— И правда, грустный. А я раньше как-то не замечал... Только как же я без него? Кроме Степашки мне ведь поговорить-то и не с кем...

— Так я же не предлагаю его в лес выгонять, — возразил Игорь. — Ты просто, клетку открой, и пусть он по избе бегает. А поговорить с ним и без клетки можно.

— И то правда, — вздохнул Соломон.

Он подошел к столу и открыл дверцу клетки. Мышонок радостно пискнул, выскочил наружу и, обежав весь стол, принялся грызть кусок огурца.

— Ну ладно, мне пора, — напомнил Игорь.

— Ах да, конечно, — засуетился леший. — Да и мне надо торопиться, а то скоро новости будут передавать. Пошли.

Они вышли из избы, и Соломон показал Игорю неприметную тропку в зарослях папоротника.

— Как на Путь выйдешь, вертай вправо, — махнул рукой леший. — Запомнил? Вправо! А то пойдешь влево и опять ко мне заявишься. Хотя я, конечно, не против... — Он хитро прищурился и, спохватившись, полез в карман тулупа. — Ты это... Возьми вот... Пригодится, — Соломон протянул Игорю маленькое деревянное сердечко с дырочкой посередине, через

которую была протянута толстая зеленая нить. — Этот, как его... Амулет!

— Спасибо, друг, — Игорь пожал холодную ладонь лешего, и ему вдруг захотелось послать подальше всех Кощеев и вурдалаков и остаться в этой покосившейся избенке: смотреть по старому телеку новости, обсуждать с Соломоном политику США на Гаити, а по вечерам выгуливать Степашку...

— Ну ты иди, а то и впрямь опоздаешь. — Леший отвернулся и утер глаза рукавом тулупа. — А амулет на шею повесь.

В нем сила лесная. Когда станет неумоготу, ты его в ладонях сожми, и вся сила Леса к тебе перейдет. Только смотри, без нужды его не пользуй: по-крупному-то он только три раза сработает, а уж если так, по мелочи — ну там, посветить где или водички попить, — то можно сколько хошь.

Игорь надел амулет, еще раз пожал Соломону руку и пошел по тропе, но вдруг остановился.

— Слушай, — сказал он, повернувшись к лешему, который все еще стоял на том же месте. — Я давно хотел спросить: чего ты в тулупе-то ходишь?

— Так ведь зима! — удивился Соломон.

Игорь посмотрел вокруг и увидел, что деревья утопают в глубоком снегу, а у него самого изо рта идет густой пар. От неожиданности он зажмурился, а когда открыл глаза, на деревьях зеленели листья, а на поляне, где только что лежал снег, ветер колыхал высокую траву.

— Ну, Соломон... — только и смог выговорить Игорь.

Леший снова лукаво улыбнулся:

— Ты это, не забывай, где находишься. У нас ведь свои законы: сегодня лето, завтра зима, сейчас друг — через минуту враг... Так что поглядывай... — и он быстро зашагал к дому.

* * *

Лес неожиданно расступился, и Игорь увидел небольшое озерцо. На берегу на покрытом мхом камне сидела обнаженная девушка и расчесывала длинные зеленые волосы. С волос стекала вода, и коричневатые капли медленно сползали по красивой спине. Новые знакомства Игорю были совсем не нужны, но тропа вела прямо к камню, и пройти по Пути, минуя нагую красавицу, было невозможно.

— А, это ты... — услышав хруст ветки под ногой Игоря, девушка обернулась и посмотрела на него, как на старого знакомого. У нее было бледное лицо древнегреческой богини и миниатюрные груди. — Ну как?

— Нормально, — Игорь вопроса не понял, но посчитал, что промолчать было бы невежливо.

— Нормально? — удивилась незнакомка. — Разве я тебе не нравлюсь?

— Нет, почему, — засмутился Игорь. — Вообще-то вы очень красивая. Но я, собственно, здесь по делу...

— Какие еще дела? — снова удивилась красавица. — Я тебя уже давно поджидаю. Ну, иди же ко мне, тепленький ты мой... — И она протянула навстречу Игорю гибкие руки.

— Может, вы меня с кем-то путаете? — с надеждой спросил Игорь. — Я здесь вроде в первый раз.

— Все вы так говорите... — обиженно вздохнула девушка. — А если и в первый, — она прищурившись посмотрела на Игоря, — почему бы не

пожалеть несчастную русалку, страдающую от холода и одиночества?

Девушка Игорю действительно нравилась, но ухаживать за русалкой было бы уже слишком.

— Может, я могу вам чем-нибудь помочь? — робко поинтересовался Игорь. — Вот, у меня и куртка есть, — он начал снимать с себя джинсовую куртку, но русалка остановила его движением руки.

— Конечно, можешь. Подойди поближе.

Игорь сделал несколько шагов.

— Да подойди ты ближе, я же не вурдалак, не кусаюсь...

«Что это они все о вурдалаке вспоминают, специально, что ли?» — подумал Игорь, но все же подошел. Русалка тут же вскочила с камня и бросилась к нему на шею.

— Согрей меня, тепленький ты мой! — Ее холодные как лед руки обвили шею Игоря. — Пожалей, приласкай...

Подобного всплеска чувств Игорь не ожидал. Пытаясь освободиться от крепких объятий, он лихорадочно соображал, как же отвязаться от новой знакомой. На ногу опустилось что-то тяжелое. Игорь посмотрел вниз и увидел огромный рыбий хвост. «Нет, надо уносить ноги, пока они у меня еще человечьи», — подумал Игорь.

— Послушайте, давайте мы так договоримся. — Игорю наконец удалось выскользнуть из объятий русалки. — Я сейчас схожу по одному делу, тут недалеко, а на обратном пути мы с вами обо всем поговорим...

Глаза русалки наполнились слезами.

— Все вы, мужчины, такие бессердечные... — она оттолкнула Игоря и, не удержавшись на хвосте, рухнула на траву. — Лучше умереть, чем жить в одиночестве... — и она затряслась в рыданиях.

Несколько секунд Игорь боролся с собой, но потом чувство мужского долга взяло верх, и он наклонился к русалке.

— Ну что вы так убиваетесь, — он взял ее за руку, помогая ей встать. — Я вернусь, честное слово, вернусь...

Руки русалки сомкнулись на его шее, она резко притянула его к себе, и Игорь повалился на траву. Русалка навалилась на него всем телом и начала целовать, успевая при этом еще и всхлипывать, повторяя: «Тепленький ты мой...» От ее губ пахло рыбой и тиной, с волос капала бурая вода. Игоря замутило. Он попытался выбраться из-под русалки, но она еще крепче прижала его к земле, продолжая осыпать поцелуями.

Вокруг забулькало, и Игорь почувствовал, что погружается в воду. Он повернул голову и увидел, что вода в озере поднялась и начала заливать низкий берег. Через несколько секунд она уже покрыла всю траву вокруг и начала наливать Игорю в уши.

— Подождите... Да подождите же! — он снова попытался вырваться. — Я же захлебнусь!

— Ну что ты боишься, тепленький ты мой, — проворковала русалка. — В воде ведь так хорошо...

Она еще сильнее навалилась на Игоря. Вода заструилась по его лицу. Собравшись с силами, он рванулся и, выскользнув из-под хвостатого тела, встал на колени.

— Ах ты так! — заверещала русалка и, махнув хвостом, снова бросилась на него. — Все равно ты будешь моим!

Не сумев ухватить Игоря за шею, она просунула свои руки под куртку и начала его щекотать. Ее пальцы были холодными и очень подвижными, и с каждой секундой Игорь слабел, а русалка, казалось, становилась все

сильнее. Чувствуя, что силы вот-вот покинут его, Игорь попытался встать на ноги, но поскользнулся и с головой погрузился в воду. До него донесся приглушенный голос русалки:

— Обними меня, пойдем в мои покои... Там нам будет хорошо... Пойдем со мной, тепленький ты мой...

Игорю вдруг стало тепло и на удивление покойно. Ему показалось, что он лежит на залитой светом лужайке и наслаждается теплыми лучами солнца. Вокруг щебечут птицы, а над головой жужжит шмель. Шмель покружился над Игорем и сел ему на грудь. Игорь сделал рукой ленивое движение, чтобы прогнать насекомое, и почувствовал, как его ладонь наткнулась на что-то теплое...

Холодная вода хлынула в ноздри, и Игорь вскочил, трясая головой и отплевываясь. Его рука сжимала висящий на шее амулет. Русалка сидела в шаге от него, но теперь это была не прекрасная девушка, а безобразная старуха с черными зубами и свалывшимися темно-зелеными волосами. Ее глаза горели ненавистью.

— Отпусти... это, — проговорила она скрипучим голосом. — Брось, я тебе говорю!

Сжимая в ладони деревянное сердечко, Игорь медленно встал и почувствовал, как к нему возвращаются силы.

— Ну уж нет. Пойду-ка я лучше дальше. Счастливо оставаться!

Русалка посмотрела по сторонам, и Игорь с ужасом заметил, что кожа на ее красивой спине напрочь исчезла и из-под длинных волос проглядывают внутренности. Не задумываясь, зачем он это делает, Игорь полез в карман и достал платок.

— Все равно тебе от меня не уйти, — испепеляя его взглядом, сказала русалка. — И на Путь ты уже не вернешься...

Игорь развернул платок и, подумав, взял костяной гребень.

— Откуда это у тебя? — русалка задрожала всем телом. — Отдай это мне! Это мое!..

— Что, нравится? — Игорь повертел в руках гребень. — Вижу, эта штука тебе знакома. Так что, может, все-таки покажешь мне Путь?

Русалка вскочила и, протянув руки, попыталась вырвать гребень. Игорь увернулся и, действуя чисто интуитивно, воткнул подарок домового в ее густые волосы. Русалка замерла, ее глаза потухли, она повернулась к Игорю, сложив на груди руки, и глухо произнесла:

— Повелевай, хозяин...

— Вот так-то оно лучше, — облегченно вздохнул Игорь. — Покажи мне Путь.

Русалка повернулась лицом к озеру и подняла правую руку. По воде пробежала рябь, и посреди озера заколыхалась зеленая тропа, уходящая вдаль.

— А теперь ложись и спи, — приказал Игорь.

Русалка послушно улеглась у камня, свернувшись калачиком. «А подарок деда Василия надо забрать, — подумал Игорь, — вдруг еще пригодится...» Он осторожно вынул гребень из волос русалки и положил его обратно в платок. Затем подошел к воде и, еще раз взглянув на неподвижную русалку, осторожно ступил на зыбкую тропу.

* * *

Хотя поначалу озеро казалось совсем небольшим, Игорь шел по тропе

уже целый час. Над озером Начали сгущаться сумерки, и берег почти скрылся из виду, но впереди все отчетливее вырисовывались контуры огромного замка. Чувствуя, что цель близка, Игорь прибавил шаг и едва не споткнулся о лежащее поперек тропы замшелое бревно. Подозрительно поглядев по сторонам, он перешагнул через препятствие и в тот же момент кто-то схватил его за ногу. Вода у тропы закипела, и на поверхности появилась голова с длинными волосами и черной бородой, в которой запутались водоросли.

— Вот я тебя и поймал, — радостно проговорила голова.

Игорь попробовал освободить ногу, но торчавшая из черной воды волосатая рука вцепилась в его лодыжку мертвой хваткой.

— Да ты не рыпайся, мужик. — Владелец бородатой головы высунулся из воды почти по пояс. На его голой волосатой груди гроздьями висела тина. — Все равно не получится...

Рассудив, что вырваться из цепких объятий действительно не удастся, Игорь сменил тактику.

— Послушайте, — сказал он как можно вежливее. — Если я вас потревожил, то прошу меня извинить. Может быть, вы меня все-таки пропустите? Мне надо во-он туда, — и он махнул рукой в направлении замка.

— Ну да, раз мечтался, — снова загоготал незнакомец. — Да не будь я водяной, если ты туда попадешь!

— А какие, собственно, у вас ко мне претензии? — вежливо осведомился Игорь.

— Известно какие! Ты чего к моей жене клеился?

Такого поворота Игорь не ожидал:

— Подождите... Это вы о русалке, что ли?

— Ты теленком-то не прикидывайся, — грозно сказал водяной. — Видел я, как ты к ней приставал! Думаешь, если женщина одна, то и заступиться за нее некому? Пойдем-ка ко мне, поговорим как мужчина с мужчиной!

— Куда это — к вам? — подозрительно спросил Игорь. — В воду, что ли?

— Ясно, не на Луну! — хмыкнул водяной. — Что, сдрейфил?

— Нет, вы, видимо, не поняли... — Игорь все еще не терял надежды на мирный исход конфликта. — Я понимаю, что это вам неприятно, но дело в том, что ваша... э-э... жена сама пыталась меня соблазнить!

— Да ты совсем обнаглел, щенок! — рассвирепел водяной. — Как к чужим женам приставать, так он смелый, а как отвечать — так в кусты? А ну, пошли! — И он потянул Игоря за ногу.

Чувствуя, что дело принимает неприятный оборот, Игорь схватился за бревно.

— Да подождите же! — держась одной рукой за бревно, другой он достал из кармана платок. — Давайте сначала поговорим!

— Поговоришь еще, — зло усмехнулся водяной, продолжая тянуть Игоря за ногу. — Времени у тебя будет предостаточно.

Игорь развернул платок и схватил иглу. Если она усыпила Бабу Ягу, то, может, подействует и на водяного? Он вонзил иглу в торчащую из воды руку.

— Ах, ты еще и колоться? — взревел водяной и, выдернув из воды вторую руку, схватился за другую ногу Игоря.

— Ну подождите еще секунду! — отчаянно воскликнул Игорь. Его

пальцы скользили по мокрому бревну, а ноги уже почти полностью погрузились в воду. — Может, вам что-нибудь нужно?

Водяной перестал тянуть и заинтересованно взглянул на Игоря, не разжимая, впрочем, своих костлявых пальцев.

— Вообще-то за выкуп я мог бы тебя отпустить, — он задумался. — Правда, полцарства у тебя нет, да и сына, насколько мне известно, тоже... Если только какое золотишко? — он оценивающе посмотрел на Игоря.

— Есть, есть золотишко! — воскликнул тот. Негнущимися пальцами он достал из кармана коробочку с перстнем. Конечно, это было совсем не золото, но в данной ситуации выбирать не приходилось. — Вот! — Он открыл коробочку и достал перстень.

— Ну-ка, ну-ка... — пробормотал водяной и протянул руку.

Быстрым движением Игорь надел перстень на длинный зеленоватый палец. Отпустив и другую ногу Игоря, водяной поднес руку к лицу, его глаза подернулись белесой пленкой, он шумно выдохнул и начал медленно опускаться в озеро. Через мгновение черная вода сомкнулась над его головой.

«Привет от Бабы Яги», — устало подумал Игорь и обессиленно прислонился к бревну.

* * *

Каменные стены замка, казалось, вырастали прямо из воды. Высокие железные ворота, в которые упиралась тропа, были наглухо закрыты, но другого пути внутрь, похоже, не было. Оставалось надеяться только на силу амулета. Игорь снял сердечко с шеи и сжал его в ладонях. От амулета повеяло теплом, земля под ногами задрожала, и на поверхности показались тонкие зеленые ростки. Они начали расти, наливаясь силой и превращаясь в ветвистые деревья. Игорь обхватил ствол одного из них и быстро вскарабкался на толстую ветку. Дерево поднималось все выше и вскоре сравнялось с гребнем стены. Ветка, на которой устроился Игорь, перебралась через стену и начала опускаться. Через несколько секунд она достигла земли, и Игорь спрыгнул вниз.

Он оказался в широком дворе, вымощенном булыжником, из которого внутрь замка вели три двери. За время своего путешествия Игорь уже не раз убеждался, что его внутренний голос разбирается в подобных ситуациях гораздо лучше, чем органы чувств. Закрыв глаза, Игорь прислушался к своим ощущениям. Из правой двери повеяло чем-то холодным и безжизненным, средняя, похоже, заканчивалась тупиком, а слева он уловил отчетливые призывы о помощи. Он открыл левую дверь.

Узкая винтовая лестница привела его в подземелье. Пройдя по длинному темному коридору, Игорь нашел еще одну дверь, из-под которой пробивался слабый луч света. Дверь была заперта, но когда Игорь прикоснулся к ней амулетом, она жалобно скрипнула и открылась. Игорь вошел в просторный зал. Из узких окон под самым потолком струился сумеречный свет. Зал казался пустым, но, сделав несколько шагов, Игорь заметил вдоль стен высокие темные фигуры. Инстинктивно вжавшись в холодную каменную стену, он затаил дыхание, однако фигуры оставались неподвижными. Стараясь ступать бесшумно, Игорь отделился от стены и приблизился к одной из них. Это были всего лишь рыцарские доспехи. Еще раз оглядев зал, Игорь заметил висящие на стенах мечи и копья.

Из глубины помещения донесся глухой стон. Уже не скрываясь, Игорь бросился туда и чуть не свалился в круглую яму, зияющую чернотой в каменном полу прямо посреди зала. Из ямы снова слышался слабый стон. Сняв с одной из безмолвных фигур отполированный до блеска щит, Игорь направил тусклый свет, падавший из ближайшего окна, в каменное жерло. Яма оказалась не очень глубокой, и на дне ее, на маленьком деревянном настиле, под которым струилась вода, он увидел девушку. Она сидела, прислонившись к каменной стене, и ее длинные белокурые волосы спадали на разорванное на плече платье.

«Так, это что-то новенькое, — подумал Игорь. — О пленных царевнах мне домовый вроде ничего не говорил». Тратить небезграничную силу амулета на «мирные» подвиги ему не хотелось, но оставить несчастную девушку погибать в мрачном подземелье он не мог, а ничего подходящего, чем можно было бы поднять пленницу, в огромном зале не было. Игорь сжал в руках сердечко, и через несколько секунд из окна потянулись тонкие гибкие ветви. Они опустились в яму, осторожно обвили талию девушки и, подняв пленницу на поверхность, мягко опустили ее на пол.

Когда голова девушки коснулась холодного камня, она снова застонала, открыла глаза и чуть слышно прошептала: «Воды...» Игорь осмотрелся и увидел небольшой столик, на котором стояли несколько кубков. В одном из них была вода. Игорь поднес кубок к губам девушки, и она жадно сделала несколько глотков. В ее глазах появилось осмысленное выражение.

— Где я? — произнесла она.

— Судя по всему, в замке Кощея.

Девушка вскрикнула и провела рукой по волосам.

— Мои волосы... — она облегченно вздохнула. — Он не тронул мои волосы... Я спасена!

Девушка нетерпеливо посмотрела по сторонам:

— Есть у вас что-нибудь, чтобы расчесать волосы? В них вся моя сила, и чтобы окончательно освободиться от чар Кощея, я должна расчесать волосы...

Игорь растерянно оглядел зал и вдруг спохватился.

— Конечно, есть! — он достал из кармана платок и, развязав его, вынул гребень. — Вот, возьмите.

— Спасибо, тепленький ты мой... — При виде гребня глаза девушки, загорелись. Что-то в ее взгляде показалось Игорю знакомым. «Тепленький ты мой...» Когда он вспомнил, где слышал эти слова, было уже поздно. Девушка схватила гребень, и в тот же миг перед Игорем появилась русалка. Она громко захохотала и вскочила на ноги.

— Я же сказала, что это мое! — торжествующе воскликнула русалка. — А ты, тепленький мой, останешься здесь навсегда!

Она вытянула вперед руки, и холодная волна сбила Игоря с ног. Падая, он еще успел подумать, что зря вынул гребень из волос русалки там, на берегу озера, и в следующее мгновение, больно ударившись головой о каменный пол, провалился в глухую холодную темноту...

* * *

Сначала вернулось осязание. Игорь почувствовал, что лежит на холодном каменном полу, и этот холод пронзал его тело насквозь. Затем

включился слух: звук падающих где-то неподалеку капель отражался от стен гулким эхом. Наконец Игорь открыл глаза, но понять, вернулось ли к нему зрение, так и не смог из-за крошечной темноты. Он медленно поднялся и нащупал шершавую каменную стену. Пройдя вдоль нее, Игорь обнаружил, что помещение, куда он попал, было совсем небольшим: около пяти шагов в длину и столько же в ширину. Ничего похожего на дверь или окно он не нашел. Судя по всему, в этой комнате их просто не было.

Игорь машинально сунул руку в карман и тут же вспомнил, что платок остался в рыцарском зале. Впрочем, после неожиданной встречи с русалкой у него оставалась только игла, которая вряд ли пригодилась бы в этом каменном мешке. В памяти всплыли слова домового: «Если ты на Путь вступишь, то, может статься, там навеки и останешься...» Похоже, дед Василий все же ошибся: остаться навеки Игорю предстояло не на Пути, а в темном каменном подземелье. А ведь он уже почти дошел...

Голову прострелила острая боль. Игорь застонал и опустился на пол. Интересно, сколько он тут протянет? Вода здесь, правда, есть, значит, лишняя пара дней ему гарантирована. Но есть ли смысл оттягивать конец, если голодная смерть все равно неизбежна?..

Игорь прислонился к влажной стене и вдруг почувствовал слабое жжение на груди. Амулет! Как же он мог о нем забыть?.. «Ну, Соломон, не подкачай», — прошептал Игорь и, сняв сердечко с шеи, зажал его в ладонях. От амулета пошли теплые волны, и по всей комнате замерцали светлячки. В их тусклом свете Игорь оглядел свое новое жилище: это действительно была небольшая квадратная комната с низким, заросшим мхом потолком. К сожалению, прав он оказался и в другом: ни окон, ни дверей, ни вообще чего-либо, указывающего на связь этого помещения с внешним миром, здесь не было. И пол, и потолок, и стены были монолитными, и ни щелей, ни трещин в них Игорь, тщательно осмотрев каждый сантиметр, так и не нашел.

Но амулет был у него в руках, а в силе Соломонова подарка Игорь уже имел возможность убедиться. Он подошел к стене и сжал сердечко в ладонях. Амулет нагрелся и засветился слабым голубоватым светом. Сияние становилось все ярче, но затем свет запульсировал и пропал. «Ну давай же, давай», — подумал Игорь и еще крепче сжал амулет. От него снова пошли теплые волны. Игорь почти видел, как теплые лучи ударяют в стену, но холодный камень не поддается, и они увязают в нем, как в бездонной трясине. Игорь сосредоточился и представил, что он в лесу. Легкий ветер шуршал листвой деревьев, где-то рядом журчал ручей, а в зарослях малины деловито сновал шмель. Игорь вдохнул полной грудью пьянящий воздух воображаемого леса и почувствовал, как природная сила перетекает в его ладони.

Раздался легкий треск. Лес пропал, перед Игорем была все та же каменная стена, но в самом ее низу проклюнулись крохотные зеленые ростки. Они пробили пол и теперь, быстро прорастая через образовавшиеся щели, пытались вклиниться в стену. «Ну же, еще чуть-чуть!» — взмолился Игорь. Ростки словно услышали его и ускорили свой рост. Но стена оставалась неприступной. Игорь почувствовал, как теплое пульсирование в его ладонях слабеет. Сияние светлячков тоже начало тускнеть, и прежде чем комнату окутал мрак, Игорь увидел, что ростки, обессилев в борьбе с неподатливым камнем, пожелтели и мгновенно засохли.

Игорь обреченно сел на пол, все еще держа в руках остывший амулет. Больше надеяться было не на что. Если даже силы Леса, заключенной в сердечке, оказалось недостаточно, чтобы справиться с Кощеевой темницей, то что может сделать слабый человек?.. Игорь растянулся на полу и закрыл глаза, снова ставшие ненужными в стусившемся мраке. Ему опять вспомнился чудной говорок домового: «Вот-ыть как ты легко сдаешься!.. Ты бы, паря, на себя больше полагался...»

Игорю понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что эти слова прозвучали откуда-то извне. Он резко сел, отчего в висках снова запульсировала острая боль, и прислушался.

— Али не слышишь? Это-ыть я... — на этот раз сомнений не было: знакомый голос доносился из противоположного угла.

— Дед Василий!? — у Игоря перехватило горло, и он не сказал, а скорее прохрипел эти слова.

— Да я, паря, кто ж еще? — голос домового звучал спокойно и уверенно, но несколько глуховато. — Только ты меня тут не ищи: сам-то я, слава Богу, дома, а свою мысль сюда посылаю через ларец.

— Дед Василий... — только и смог повторить Игорь.

— Ты на сантименты-то время не трать, а лучше возьми-ка Степанов амулет да попробуй еще разок.

— Да ведь...

— Знаю, знаю, — оборвал его дед Василий. — Только ты вспомни, что тебе ларец напоязывал. Добросила-то твоя при тебе, вот ты ее и присоедини к лесной силе. А на пару, глядишь, и одолеете Кощея. Ну, давай...

Игорь сжал в руках амулет и закрыл глаза. Оц снова оказался в лесу, но теперь был сумрачный зимний вечер. Ветер завывал в кронах деревьев, бросая в лицо клубы мелкого снега. Жизнь, казалось, ушла из леса, притаилась в корнях деревьев, спряталась под высокими сугробами. Игорь поднял глаза к небу, скрытому плотной пеленой низких облаков. Солнца не было видно, но он чувствовал, что его могучие лучи готовы хлынуть на землю, и им нужно только помочь. Мысль Игоря помчалась ввысь, пронзая облака. Их холод окутал его студеным саваном, но тепло, растекавшееся по ладоням, подсказывало, что цель близка. Наконец сквозь белую завесь проступил бледно-желтый шар. Игорь сделал еще одно усилие, прорываясь через гущу облаков, и ему в глаза брызнул яркий живительный свет.

Теперь назад, к земле! Игорь помчался вниз, увлекая за собой армаду солнечных лучей и разрывая в клочья вату облаков. Жжение в ладонях становилось все чувствительней. Последний слой облаков треснул, рассыпавшись на мелкие осколки, и солнечные лучи обрушились на мерзлую землю. Ее пробуждение от зимнего сна было стремительным: размывая сугробы, заструились ручьи, ветви деревьев освободились от снега и сразу же зазеленели, лес наполнился пением птиц, а из земли рванулись зеленые стебельки.

...Раздался громкий хруст, и Игорь открыл глаза. Его темница снова освещалась слабым сиянием светлячков, но теперь к нему добавился мягкий зеленоватый свет, струившийся из-под ног Игоря: засохшие ростки ожили и с новыми силами впились в стену. На этот раз камень не устоял. Тоненькие зеленые прутки вращались в образовавшиеся в стене трещины и, наливаясь силой, неумолимо вспарывали каменную ткань. Через несколько секунд вся стена перед Игорем превратилась в

причудливое переплетение камня и дерева. Хруст разрываемого камня стал оглушительным, стена застонала, сопротивляясь из последних сил, но, не выдержав, сдалась и рассыпалась в пыль.

Неудержимо яркие солнечные лучи, ворвавшиеся в комнату, заставили Игоря зажмуриться. Первое, что он увидел, когда его глаза привыкли к свету, — ослепительную голубизну неба. Игорь шагнул к провалу в стене. Башня, в которой он находился, нависала над пропастью, а прямо напротив возвышался замок. Едва взглянув на него, Игорь сразу понял, где надо искать хозяина замка: за маленьким окошком, прилепившимся под остроконечной крышей. Несмотря на усилившуюся головную боль, Игорь ощущал необычайный прилив сил. Он сжал в ладонях еще теплый амулет и вытянул их в сторону замка. На башню налетел теплый ветер, его мягкие руки подхватили Игоря и понесли к замку. Оконная рама лопнула с жалобным звоном, и Игорь опустился на каменный пол. Маленькая комната была пуста, но он чувствовал, что Кощей совсем близко, вот за этой высокой, обитой кожей дверью с массивной позолоченной ручкой. Игорь повесил на шею амулет и шагнул к двери.

Зал, куда он попал, поражал своими размерами и великолепием. Здесь легко могла бы разместиться автостоянка на сотню машин, да еще и с мотелем впридачу. Из-за высоких лепных потолков, разрисованных позолотой, и висящих на стенах бесчисленных зеркал помещение казалось еще более огромным. И все это огромное пространство было заполнено оружием: оно лежало на столах, стояло в длинных стеллажах, свисало с потолка на невидимых нитях. Здесь, похоже, были собраны все орудия убийства, созданные человеческим умом за миллионы лет эволюции: от каменных топоров и дротиков с кремниевыми наконечниками до каких-то немыслимых приборов, напичканных электроникой, которые Игорь видел впервые в жизни.

Осторожно ступая по узорчатому полу, он прошелся вдоль одного из рядов. Лежащие на столах огромные двуручные мечи, судя по всему, относились к Средневековью, но выглядели так, словно были сделаны только вчера. Игорь не удержался и провел пальцем по холодному лезвию: оно было идеально гладким и острым, как бритва.

— Что, нравится? — низкий бархатистый голос обрушился на Игоря откуда-то сверху и рассыпался на тысячи звучащих осколков. — Могу уступить... по сходной цене, — по залу запрыгали гулкие раскаты смеха.

Игорь посмотрел по сторонам, но увидел лишь бесконечные ряды стеллажей и блики солнечного света, плясавшие по стенам.

Он взял висящий на груди амулет и приложил его ко лбу. Очертания наполнявших зал предметов заколыхались, потеряли резкость, и на их бледном фоне Игорь ясно увидел на другом конце помещения четко очерченную высокую фигуру.

— А ты, оказывается, не так прост! — снова загромыхал голос. — Ну что ж, поговорим открыто!

Кощей взмахнул рукой, и зал опустел. От прежнего великолепия остались лишь зеркальные стены и струящийся откуда-то сверху яркий солнечный свет. Отражаясь от инкрустированных рубинами вставок между зеркалами, лучи приобретали красноватый оттенок, и на пол падали кровавые отблески.

— Ну что ж, молодой человек, — низкий голос Кощея звучал уже не столь оглушительно. — Поскольку, как я понимаю, вы пришли сюда

сражаться, может быть, не будем тратить время на разговоры?

— Я готов, — Игорь старался выглядеть спокойным, но его голос предательски дрогнул.

— Неужели? — по помещению вновь прокатился раскатистый смех. — Впрочем, вам виднее... — Кощей сделал несколько шагов к центру зала. — Меча-кладенца вы, я вижу, с собой не прихватили. Какое же оружие вы предпочитаете? Может быть, это?..

Не успел Игорь ответить, как ощутил в ладони холодную тяжесть металла. В его правой руке возник гигантский двуручный меч — точная копия того, что он видел на столе. Игорь попытался перехватить рукоять левой рукой, но меч оказался столь тяжел, что пальцы Игоря разжались, и он едва успел отскочить, чтобы рухнувший на пол клинок не отхватил ему ноги.

Звон упавшего металла слился с хохотом Кощей. Теперь он стоял в двух десятках шагов, и Игорь разглядел, что на нем были отделанные золотом черные рыцарские доспехи.

— Простите, молодой человек, я забыл, что у нынешней молодежи холодное оружие не в чести, — Кощей сделал едва заметное движение кистью руки, и меч исчез. — Тогда возьмем что-нибудь погорячее...

В руке Игоря появился длинный дуэльный пистолет. «Ай да Пушкин, ай да сукин сын», — почему-то подумалось Игорю.

— О, пардон, месье, — Кощей, одетый теперь в гусарский мундир, хлопнул себя по лбу. — Я, кажется, опять что-то напутал. Вам, должно быть, привычней вот это...

Теперь Игорь держал новенький, еще пахнувший смазкой автомат Калашникова. Кощей, приблизившийся еще на несколько шагов, опять сменил экипировку, облачившись в пятнистый камуфляж и высокие армейские ботинки.

— Что-то не вижу энтузиазма, — с упреком заметил Кощей. — Может, вы из тех молодых, кто грезит будущим? Тогда, возможно, вам понравится вот такая штука...

Хотя Игорь уже привык к появлению все новых экземпляров из коллекции Кощей, то, что возникло в его руках на этот раз, выглядело совершенно фантастически. За легким полупрозрачным кожухом скрывалось хаотическое, на первый взгляд, нагромождение трубок и проводов. Из кожуха с одной стороны торчала пистолетная рукоятка, а с другой — короткая толстая трубка. Пытаясь получше разглядеть диковинное оружие, Игорь взялся рукой за кожух. В нем что-то щелкнуло, из трубки вырвался красноватый луч, и у противоположной стены зашипело расплавленное стекло и посыпались осколки зеркала.

— Нет, молодой человек, так не пойдет. — На Кощее уже был черный скафандр и большой шлем с опущенным забралом, отчего его голос звучал приглушенно. — Эдак вы мне весь замок разнесете. — Он поднял забрало и ненадолго задумался. — Впрочем, если у вас тяга к большим масштабам...

Кощей взмахнул рукой, и в центре зала открылись широкие позолоченные ворота. В соседнем помещении раздался рокот мотора и лязг гусениц, и в ворота сначала просунулась длинная пушка, а затем въехала передняя часть танка.

— Не надо! — вырвалось у Игоря. — Ничего не надо!..

Танк исчез вместе с позолоченными воротами. Теперь Кощей стоял совсем близко, и Игорь смог впервые разглядеть его лицо: моложавое,

смугловатое, с острыми скулами и чуть раскосыми глазами. Последнюю деталь подчеркивало и роскошное, расшитое золотом черное кимоно с пурпурным поясом.

— Ничего так ничего, — медленно проговорил Кощей. — Ничего — это тоже оружие. Но и с ним надо уметь управляться...

Нога Кощей взметнулась так стремительно, что Игорь увидел лишь голую пятку, зависшую на мгновение прямо перед его носом. В голове у Игоря блеснула молния, и страшной силы удар отбросил его к стене. На глаза опустилась красная пелена. Еще не видя ничего вокруг, он сжал руками амулет и мысленно зачерпнул воды из лесного родника. Зрение прояснилось, а по телу разлилось приятное тепло. Кощей стоял неподалеку и, склонив голову, с усмешкой смотрел на Игоря. Кровавые лучи, отражаясь от его гладко выбритой головы, скакали по позолоте потолка.

Игорь представил себя лесным озером, быстро впитывающим силу солнца и воздуха. Он ясно ощущал, как где-то в глубине накапливается скрытая мощь, как деревья и трава, животные и птицы щедро делятся с ним своей энергией. Наконец из глубины ударил фонтан, вода вздыбилась, и озеро превратилось в водопад, всю мощь которого Игорь обрушил на Кощея.

Удар получился сильным и неожиданным. Кощей присел, обхватив голову руками, и в его глазах Игорь разглядел отблески настоящего страха. Но нанести еще один удар он не успел. Кощей встретился глазами с Игорем и, сложив руки на груди, медленно встал. Его ледяной взгляд, казалось, излучал холодные волны. Встречаясь с ними, посылаемый Игорем поток теплой энергии рассыпался на отдельные капли, которые немедленно замерзали и обрушивались вниз безжизненными льдышками. Чувствуя, что проигрывает, Игорь хотел отгородиться от Кощея зарослями кустарника, но ростки, едва пробиваясь сквозь пол, вспыхивали холодным голубым огнем. Когда тепло амулета в ладонях начало слабеть, Игорь понял, что это конец. В отчаянии он попытался уползти обратно в маленькую комнату, лишь бы скрыться от обжигающе холодного взгляда Кощея, но сгусток ледяной энергии догнал его, ворвался в его сознание и, ослепив и оглушив, распластал по каменному полу.

Игорь не знал, сколько времени он пролежал без сознания. Когда он открыл глаза, Кощей все еще стоял неподалеку.

— Как самочувствие, молодой человек? — участливо поинтересовался он.

Игорь промолчал. Его тело била крупная дрожь, а в голове вперемешку с дикой болью стучала одна мысль: «Это конец...»

— Должен признать, вы оказались самым сильным противником за последние пять веков, — Кощей почтительно склонил голову. — А силу я ценю. Поэтому я не буду унижать вас заточением в темницу, наравне со всякими сопляками. Вы умрете со всеми почестями.

«Вот спасибо, кормилец», — отрешенно подумал Игорь. Сделав невероятное усилие, он приподнялся и сел у стены.

— Более того, — продолжал Кощей, — я даю вам возможность выбрать казнь по вашему вкусу. А их в моей коллекции, смею заверить, более чем достаточно. Вот, к примеру, гильотина...

В руку Игоря ткнулось что-то мягкое и теплое. Скосив глаза, он увидел белого мышонка с красноватыми глазами.

— Степашка! — чуть было не заорал Игорь.

Кощей не обращал на него никакого внимания, увлеченно рассказывая о преимуществах электрического стула перед газовой камерой.

Степашка исчез, но через минуту появился снова, толкая перед собой нечто белое и круглое. Игорь протянул руку и нащупал яйцо. Обычное куриное яйцо с налипшими на него кусочками помёта. «Ну да, яйцо, — подумал Игорь. — Если есть Кощей, должно быть и яйцо. Смерть его на конце иглы, игла в яйце...» Это был один шанс из тысячи, но и выбирать, собственно, было не из чего.

Игорь осторожно встал, держась за стену левой рукой. Кощей, уже добравшийся в своих рассуждениях до полной дезинтеграции, используемой в качестве казни на седьмой планете системы Альфа Кита, замолчал и в недоумении уставился на гостя.

— Вот что, Бессмертный, — к удивлению самого Игоря, его голос звучал на редкость уверенно. — Я предпочитаю самые простые казни. Например, путем разбивания яйца. — И он слегка подбросил на ладони подарок Степашки.

Кощей застыл в неестественной позе, беззвучно открывая и закрывая рот.

— Стой, — прохрипел он наконец. — Это ведь не то яйцо, правда? — произнес он, вглядываясь в глаза Игоря. — Ты ведь просто решил пошутить, не так ли, дружище?

— Ну, это мы узнаем прямо сейчас, — он снова подбросил яйцо на ладони. — И зачем тебе только все твоё волшебство, если твоя жизнь зависит от какого-то несчастного яйца?.. — Он сочувственно взглянул на Кощея. — Ну, бывай...

Игорь размахнулся и хлопнул яйцо об пол. Кощей слабо вскрикнул и, схватившись за левую сторону груди, повалился на пол. У ног Игоря расплывалось желтое пятно. Иглы в яйце не было.

Через зал прошмыгнул Степашка, с наслаждениемлизал желток, затем обежал вокруг неподвижного Кощея и, пискнув на прощание, юркнул в щель в стене. Кощей застонал. Взявшись на всякий случай за амулет, Игорь подошел к нему. Лицо Кощея стало пепельно-серым, теперь он действительно походил на древнего старика. Игорь снял с шеи амулет и приложил его ко лбу Кощея. По телу старика прошла судорога, его глаза открылись, и он тоскливо посмотрел на Игоря.

— Дай, — чуть слышно прошептал он. — Там, в углу... ящик... таблетки...

— Могу уступить, — усмехнулся Игорь. — По сходной цене.

— Все, что хочешь, — прошептал Кощей. — Все подвалы — твои. Тебе на всю жизнь хватит...

— Да мне бы что-нибудь попроще... — Игорь наклонился и снял с руки Кощея золотой перстень с большим рубином. — Думаю, этого будет вполне достаточно.

Кощей опять застонал и закрыл глаза. Игорь взял перстень в правую руку и почувствовал, что знает теперь замок, как свой собственный дом. Он направил рубин в сторону дальней стены, и в ней открылась маленькая дверь. Уже пройдя через нее, Игорь остановился и, вернувшись в зал, сверкнул лучом в угол. Из стены выдвинулись два небольших ящика. Найдя упаковку валидола, он бросил ее Кощей.

— Лечиться тебе надо, Бессмертный, а не ногами махать. А то, не

ровен час, помрешь вместе со своим бессмертием, — и Игорь вышел из зала.

* * *

Подземелье, где был заточен дядя Коля, Игорь узнал сразу. В углу все так же капала вода, а темница освещалась слабым красноватым сиянием. Войдя в подземелье, Игорь взмахнул перстнем Кощея, и в комнате зажегся яркий свет.

— Игорек... Ты все-таки пришел... — Николай Федотыч взглянул на Игоря и снова опустил голову на грудь.

— Сейчас, дядь Коль, все будет нормально. — Игорь прикоснулся перстнем к опутывавшим пленника цепям, но это не подействовало. На всякий случай Игорь потрогал и амулет, но он был холодным и безжизненным.

— Сейчас, потерпите еще немного, — Игорь растерянно посмотрел по сторонам: комната была абсолютно пуста.

— Ты вот что, Игорек, — с трудом произнес дядя Коля. — Тут где-то должен быть Кощеев знак. Если там изобразить крест, оковы спадут. — Он попытался сказать еще что-то, но силы оставили его, и он потерял сознание.

Игорь еще раз оглядел комнату. Кощеев знак... Где же его искать? Он взглянул на перстень и заметил, что от рубина исходит слабый пульсирующий свет. Игорь прошелся по темнице. Пульсация стала слабее. Тогда он пошел в другую сторону, вглядываясь в камень. Возле угла, где капала вода, свет от рубина стал заметно ярче. Игорь осмотрел стену и увидел в самом углу маленький черный квадрат. Это был небольшой кусок черной материи с вышитым на нем знаком: красный круг с вертикальной зеленой полосой внутри белого прямоугольника. Игорь вынул платок и достал иглу. Цвет нити точно совпадал с цветом полосы внутри круга. Игорь завязал на нити узелок и, проткнув материю, перекинул нить поперек вертикальной полосы, так что в круге появился зеленый крест.

Цепи, звякнув, упали на пол. Игорь едва успел подхватить падающее тело Николая Федотыча и, уложив у стены, прикоснулся к его лбу амулетом. Дядя Коля застонал и открыл глаза.

— Ну, слава Богу... — он взглянул на Игоря. — Ты прости меня, Игорек, что я втянул тебя в это дело. — Он нащупал рукой ладонь Игоря и слабо пожал ее. — Ведь говорил мне Василий, что мало у меня силы для таких путешествий. Да уж больно хотелось посмотреть на все своими глазами.

Он немного помолчал и добавил:

— А все-таки прав я оказался. Никакие это не сказки, просто не каждого сюда пускают...

— Да уж какие тут сказки, — согласился Игорь, вспомнив желтые клыки Феи. — Хотя на Пушкина все равно очень похоже: «Там чудеса, там леший бродит...» Да и русалка опять же...

— Ты-ыть, паря, молодец, — прервал его знакомый голос. — Сладил-таки с Кошеем!

Игорь обернулся. У противоположной стены возникло голубое свечение.

— Ну что, дед Василий, — подмигнул Игорь невидимому

собеседнику. — Готовь праздничный стол!

— Так-то оно так, — замялся домовый. — Да только я-ыть тебе не все тогда сказал...

Игорь насторожился.

— Понимаешь, паря, ножичка-то ты из ларца не взял, а им бы ты обратный путь и прорубил. Правда, у тебя есть Степанов амулет, но ты-ыть его уже трижды использовал, и теперь с его помощью только один вернуться может, а вас, понимаешь, двое...

Игорь посмотрел на Николая Федотыча. Он спал, положив руку под голову.

— Значит, если я вернусь, то дядя Коля здесь останется?

— Выходит, так, — сокрушенно ответил домовый. — Ты уж меня, паря, извини. Не думал я, что так получится...

— Понятно, дед Василий. — Игорь встал, еще раз посмотрел на дядю Колю, медленно снял с шеи амулет и положил его на грудь старику. — Не могу я его здесь оставить. Он ведь мне, пока я сюда добирался, вроде отца родного стал. Так пусть хоть тетка Прасковья порадуетса...

Игорь осторожно вынул руку Николая Федотыча из-под головы и вложил в нее амулет.

— Счастливо тебе, дядь Коля. — Он прижал сердечко ладонью другой руки. Николай Федотыч открыл глаза, но не успел ничего сказать. Амулет засветился мягким голубоватым светом, и через мгновение дядя Коля исчез.

Вместе с ним исчезли перстень Кощея и черный квадрат с воткнутой в него иглой. Подергав за ручку двери, Игорь обнаружил, что она заперта. Теперь он остался с подземельем один на один, без Соломонова амулета и даже без подарков домового. А это означало лишь одно: путь назад был для него закрыт навсегда.

Игорь вдруг почувствовал, что смертельно устал. Что ж, времени для того, чтобы выспаться, у него теперь будет сколько угодно. Он улегся на жесткий пол. Слабое красноватое сияние освещало опустевшую темницу, а в углу все так же мерно капала вода. «Как странно, — подумал Игорь. — Казалось бы, я должен сейчас в отчаянии рвать на себе волосы, а мне так хорошо и спокойно. Неужели все обреченные на смерть чувствуют себя так же?»

Где-то далеко, за стеной, раздался бой часов. «Ну вот и полночь, — подумал Игорь. — А я все-таки успел...» Он закрыл глаза и повернулся на бок. В кармане куртки что-то слабо хрустнуло. Игорь запустил туда руку и достал тетрадный листок. В тусклом свете написанные мелким почерком слова были почти не видны, и только последние строчки Игорю удалось разобрать:

*...Но сила мысли камень злой источит
И солнца луч пробьет земную твердь.*

Игорь повторил эти строчки вслух, и в почти полной тишине его хриплый голос прозвучал неожиданно громко. Последние слова слились с двенадцатым ударом часов, гулкое эхо начало разливаться по залу, отражаясь от стен и становясь все громче. Через несколько секунд торжествующий звон заполнил все вокруг, и Игорю показалось, что его голова раскалывается, распираемая изнутри этим мощным гулом. Он зажал уши ладонями и зажмурился, успев перед этим заметить, как

стены вдруг заколыхались и стали растворяться в звнящем красноватом полумраке...

* * *

Часы били полночь. Игорь поднял голову и недоуменно посмотрел по сторонам. Комната выглядела вполне обычно, но у него было смутное чувство, что совсем недавно здесь происходило что-то совершенно необыкновенное...

— Ты что же это, еще не спишь? — в комнату заглянула мать. — Смотри, проспичь завтра рыбалку, дядя Коля обидится...

— Рыбалку? Ах, да... — Игорь задумчиво посмотрел на мать. — Хорошо, сейчас лягу.

Он встал из-за стола и только тогда заметил лежащий на нем тетрадный листок. Судя по всему, это были стихи, однако Игорю удалось разобрать только последние строчки:

*...Но сила мысли камень злой источит
И солнца луч пробьет земную твердь.*

Ему опять показалось, что совсем недавно с ним произошло что-то удивительное. Но вспомнить, что именно, он не мог. Игорь положил листок в ящик стола, выключил настольную лампу и пошел спать.

* * *

— Ну что, отпускник, нормально расслабился? — Эдик, как всегда, заочно соревновался с Цезарем в умении одновременно писать и разговаривать.

— Да какое там расслабился, — махнул рукой Игорь. — Сад, огород, ремонт — в общем, по принципу «лучший отдых — перемена деятельности».

— Ничего, — успокоил его Поляков. — Труд облагораживает человека! Даже если этот человек — журналист...

— Я вот на тебя посмотрю, какой ты вернешься облагороженный, — проворчал Игорь. — Когда на волю-то?

— На следующей неделе. Кстати, — Эдик оторвался от клавиатуры, — у меня тут для тебя тема классная есть. Помнишь, я рассказывал про одного ученого-мага? Ну, который с лешими на дружеской ноге? Так вот, он на днях обнаружил, что парк Сокольники просто кишит нечистой силой! Насобирали кучу улики и даже чего-то там сфотографировали. Я бы и сам занялся, да вот сам понимаешь — труба зовет в отпуск. Может, возьмешься?..

Игорь хотел было сказать Полякову, что его магическому самоучке тоже надо бы отдохнуть, и желательно где-нибудь подальше от беспокойной русской природы, но почему-то промолчал.

— А-а-а, ну да, — спохватился Эдик. — Ты ведь у нас воинствующий материалист и всякие бредни про русалок на дух не переносишь. Тогда извини, может, подобью на это темное дело кого-нибудь другого...

Игорю вдруг послышалось, как чей-то скрипучий голос отчетливо произнес над самым его ухом: «Вот-ыть как ты легко сдаешься, паря...» Он даже оглянулся, но рядом никого, кроме Эдика, не было. Голос

показался ему очень знакомым, однако вспомнить, где именно он его слышал, Игорь не мог.

— Подожди, Поляков, ну что ты сразу: бредни... — он снова ненадолго задумался. — Может, не такие уж это и бредни... Знаешь что, давай-ка мне этого ученого. Поглядим, что у него там за нечистая сила...

Наталья Резанова

ДВА РАЗГОВОРА АЛЁНЫ С БОГОМ

Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы до конца натянуть принадлежавший ей лук.

«Поучительные досуги Иоганна Фриша, или Примечательные беседы о важнейших событиях нашего времени». 1677 г.

I

Господь говорит: «Почто постриглась, Алёна? Какая из тебя схимница?»

Я говорю: «Так, Господи».

Господь говорит: «Ну, овдовела. Так разве окромя монастыря пути нет? Молода еще была, силы в руках много, детей нет, шла бы замуж по другому разу. А желаешь вдоветь, так ты все травы-корешки знаешь,

знахарила бы, тоже дело...»

Я говорю: «Так, Господи. Все верно. Да только тоска меня взяла! Говоришь, силы в руках много? Много, любая работа нипочем. Только не от рук сила эта, Господи. Словно и не сила при мне, а я при моей силе. И уж таково тошно стало мне! Были б дети, слова бы не молвила — Ты не сподобил, Господи! И думаю — наложу я на себя схиму тяжкую, авось полегчает!»

Господь говорит: «Полегчало?»

Я говорю: «Хуже прежнего стало. Схима мне — как перышко, епитимьи — забава, не того душа требует!»

Господь говорит: «Знаю, что ты задумала».

Я говорю: «Такое уж твое Божье дело — знать».

Господь говорит: «Покротче, покротче, старица, а не то иные укоротят!»

Я говорю: «Никто, кроме Тебя, Господи».

Господь говорит: «Это не ты, это гордыня твоя сказала. А у тебя самой слов нет».

Я говорю: «Верно, Господи. Я и смиренница, я и молчальница. А будут слова — скажу».

Господь говорит: «Это ты мужа своего повторяешь. Сам-то непутевый был, и тебя с пути сбивал».

Я говорю: «Уж я-то путь найду».

Господь говорит: «Ступай. Ныне отпускаю тебя, Алёна. Мое Божье дело — знать, а твое бабье — выбирать».

II

Я говорю: «Господи, помоги. Господи, помоги».

Господь говорит: «Плохо дело, Алёна?»

Я говорю: «Плохо, Господи. Разбили наших под Веденянином. Людишки бегут. Темен город Темников».

Господь говорит: «А сладко было над тысячами власть иметь, Алёнушка?»

Я говорю: «Нет, Господи».

Господь говорит: «А сладко было саблей махать, людскую кровь проливать?»

Я говорю: «Нет, Господи».

Господь говорит: «Врешь! Или в сече не смеялась, подлая? Ох, любишь не к делу зубы скалить! Оттого-то тебя и боялись».

Я говорю: «Все равно. Не этого я хотела, Господи».

Господь говорит: «Знаю. Не этого. Только кончается ваша гульба. Что делать будешь?»

Я говорю: «Можно в лес уйти, наново людей собрать...»

Господь говорит: «А останется кого собирать-то?»

Я говорю: «Не ведаю».

Господь говорит: «А соберешь, потом что? Или впрямь веришь, что все как при Степане Тимофеевиче пойдет?»

Я говорю: «Нет. Притоптали народ православный».

Господь говорит: «Значит, малым делом, разбойничать?»

Молчишь? Видно, помнишь, что не просто атаман, а старица, Божья радетельница?»

Я говорю: «Еретица я, вор-старица — так в ихних листах прописано».

Господь говорит: «Это они говорят. А ты как мыслишь? Веруешь ли в Меня, старица?»

Я говорю: «Как не веровать, Господи? И бесы веруют и трепещут».

Господь говорит: «Научилась в монастыре языком трепать!»

Я говорю: «Каб не научилась, пошли бы мужики за мной?»

Господь говорит: «А сделала, что хотела?»

Я говорю: «Не успела, Господи».

Господь говорит: «А сила твоя при тебе?»

Я говорю: «При мне. Ни на сколько не поубавилось. Оттого и горько мне».

Господь говорит: «Значит, не свершилось еще. Ни слов не сказала, ни силы не извела. Понимаешь ли, где твой путь?»

Я говорю: «Так ты за этим посылал меня, Господи?»

Господь говорит: «Слушай, чадо мое возлюбленное! Не разбойной бабой, не вор-старицей назовешься. Знаю, не хочешь живой к ним попасть. Однако слушай! Никто, кроме как ты сама, над тобой не властен. Не они тебя полонили — ты сама пожелала так. И Я с тобой. Прими страдание, Алёнушка! Знаешь ведь, муками тебя не сломить. Ни железом, ни углями раскаленными воля твоя не истощится. И казнь твоя приспееет. И как народ православный, который притоптали, соберется, как сруб запалят — тут-то ты свои слова, самые те, и скажешь. И преосуществится...»

Я говорю...

Наталья Резанова

УНИЧТОЖАЕТ ПЛАМЕНЬ

...дальше была стена, отступать некуда, и я ударила, и даже не увидела, а почувствовала, как копьё медленно входит в живую плоть. Наконечник вонзился ему в горло, прямо передо мной были его глаза, полные боли и ужаса, и мне было страшно и мерзко, но я не выпустила копьё, продолжая сжимать древко обеими руками, а оно становилось все тяжелей от обвисающего на нем тела, и руки свела судорога...

Я проснулась. Руки были сведены судорогой, ладони сжаты в кулаки, и это было все. Это был сон. Конечно, сон. В жизни я, наверное, и курицу не смогла бы зарезать... и Фрейду я не верю, иначе тут такого бы можно накрутить... по ощущение явственности сна, обычно улетающее через несколько мгновений после пробуждения, упорно не проходило. Там не было ни ярких красок, ни запоминающихся деталей, свойственных иным сновидениям. Только ощущение тяжести копьё, упирающегося в падающее тело, и мысль о том, что мне нужно, нужно его убить, противно, а нужно.

Но ведь я больше ничего не видела, кроме этой сцены! То есть не участвовала, потому что во сне была не «она», а «я», которая сознает себя, а не созерцает... Стоп! Я вспоминаю сон. Какая-то драка со смертоубийством в темноте... Вот именно, ночью, поэтому ярких красок и не было.

Память упорно фиксировалась на сцене убийства. Точнее, на пробитом горле... Господи! Огнестрельное оружие не

присутствовало. Копье. А у него, кажется, был меч. Когда я ударила, он его выронил.

И тут я поняла, почему я помню именно пронзённое горло. Это было как-то связано с его прозвищем... с прозвищем того, кого я убила. «Деревянная глотка» — вот как его звали! И как только я вспомнила эти слова, я услышала, как звякнула струна,

и отчетливо прозвучала строчка «Железо нашлось на твою деревянную глотку!» Да, это была строчка из стихов или из песни... из песни. Теперь я начала вспоминать быстрее. Он был у них предводителем. Они неожиданно напали на наше селение. Уцелевшие, и я тоже, бежали в лес, а ночью сами напали на чужаков. Те приплыли на двух кораблях — «Ворон» и «Ястреб». Потом мы их сожгли. «И никто из чужих не ушел живым» — так пели после.

Что я вспоминаю? Сон? Или...

(Дневниковая запись от 12 апреля 1985 г.)

Барковский. А что было потом?

Я. Не знаю. Очевидно, я осталась жива, раз помню, что корабли сожгли, и про это сложили песню. Возможно, после этого в моей жизни не случилось ничего, что бы я запомнила.

Барковский. Ты?

Я. Разумеется, не та, кого ты видишь. Если б я была буддисткой, то решила бы, что вспомнила одно из своих прежних рождений, и на этом успокоилась. Но я, к сожалению, неверующая.

Барковский. Ты б еще Платона помянула... знание есть припоминание... Ладно. Продолжим. Почему ты уверена, что корабли назывались «Ворон» и «Ястреб»? Там что, были какие-то надписи?

Я. Нет. По-моему, ни мы, ни они вообще не умели писать. Но на парусе одного корабля был нарисован ворон, а на другом — ястреб.

Барковский. Они приплыли по морю?

Я. Не уверена, что это было море. Большая вода. Это могла быть и большая река, как Волга, или озеро, вроде Ладожского...

Барковский. Почему славянские ассоциации?

Я. Не знаю... Природа... Лес, как здесь... Мы же прятались в лесу.

Барковский. Ты помнишь названия кораблей, а не можешь сказать, на берегу моря или реки вы жили.

Я. Я помню только относящееся непосредственно к нападению... Знаешь, почему я сомневаюсь, что это было море? Потому что мы не ждали нападения с воды. У приморских жителей так не бывает.

Барковский. Ладно. На каком языке вы говорили?

Я. У меня такое ощущение, что, хотя мы и они говорили на разных языках, мы могли понять друг друга. Вообще все это напоминало синхронный перевод. Нет, я не могу сказать, что это был за язык, хотя звучал он для меня без всякой архаизации.

Барковский. Хорошо. Попробуем о другом. Это уж ты должна помнить. Во что ты была одета?

Я. На мне было платье... или длинная рубаха. Кажется, холщовая. На ногах — ничего. Босые ноги — это точно.

Барковский. А он?

Я. Ты понимаешь, там было темно, и он тоже в чем-то темном, и какие-то бляхи блестели... Что я запомнила — у него над горлом был

завязан узел, как раз над тем местом, где... (*меня передергивает*).

Барковский. Что с тобой?

Я. Как подумаю об этом, сразу чувствую себя убийцей.

Барковский. Может, не будем продолжать?

Я. Нет, почему же.

Барковский. Где все это происходило?

Я. В... сарае. То есть похоже было на сарай... или склад. Только очень длинный. Крыша низкая. Пол земляной. Стены — я ведь была у стены — стены бревенчатые. Столы были, за которыми они пили, скамьи, какие-то колоды. Все деревянное. Вообще не припомню, чтоб во всей деревне было что-нибудь каменное.

Барковский (*декламирует*).

*Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою.
И ныне я не камень,
А дерево пою.*

Я. Шуточки... Но «уничтожает пламень» — действительно было. Когда мы сожгли корабли. Хотя это были не совсем корабли...

Барковский. То есть?

Я. Эх, нарисовать не на чем... Такие: мачта одна. Большой квадратный парус. И высокая осадка. Так что они были приспособлены и для плавания по реке.

Барковский. Ты ведь на Волге родилась?

Я. Это ты к чему?

Барковский. Суда, которые ты описываешь, напоминают *норманские* дракары. Ворон — священная птица древних скандинавов, спутник Одина.

Я. И как же скандинавы попали на Волгу? Волго-Балта, знаешь ли, не существовало тогда. Или они его специально для нас построили? Хотя берег был похож...

Барковский. Я к тому и веду. Понимаешь, такие сведения все-таки есть. И если ты родилась в Поволжье...

Я. Родовая память — отвергнутая наукой теория. И потом, я-то родилась в Поволжье, но мои родители — приезжие.

Барковский. А где жили твои предки тысячу лет назад, ты знаешь?

Я. А сколько их было — тысячу лет назад? Без компьютера не сосчитать.

Барковский. Ну, ладно. Ты исторические романы любишь?

Я. Считаешь, что я свихнулась на почве чтения исторический беллетристики? Уж скорее я поверю в родовую память. Хотя, вероятно, не в ней дело.

Барковский. Вопрос в психологии — не так ли? Ведь почти перед каждым, порой, встает вопрос — пусть в чисто теоретическом плане, — а мог бы я убить в случае необходимости? Или предпочел стать жертвой? Не спрашивала ли ты себя об этом? И вот — бессознательно — получила ответ.

Я. Нет.

Барковский. Почему?

Я. Потому что это была не я.

Барковский. Сил нет с тобой. То ты, то не ты.

Я. Ну, я, но с чужой памятью.

Барковский. Последний раз вернемся. Попробуем прояснить детали. Зачем ты полезла в эту драку? Что, боевой силы не хватало?

Я (возбуждаясь). Но так было всегда! Мы всегда держались вместе, весь род. И тогда... все, кто мог...

Барковский. А откуда ты узнала прозвище «Деревянная глотка»?

Я (быстро). Мне сказали. Один из наших видел его раньше.

Барковский. Где?

Я. Этого я не помню.

Барковский. Постарайся вспомнить еще что-нибудь. Хотя бы избу, где ты жила.

Я. Только не изба. Я говорила — длинное помещение, где жил если не целый род, то, по крайней мере, несколько семей вместе.

Барковский. Где же это было принято... Тут нужен специалист.

Я. А ты не специалист?

Барковский. Я имею в виду, археолог, а не школьный учитель.

Я. Не знаю... Вот я увидела несколько минут из той жизни. Запомнила около двух дней, но не как виденное, а как известное. Вспыхнуло, осветило и исчезло. Я много езжу, многое повидала, много читала. Что заставило меня вспомнить, не знаю. Это же кусок, фрагмент, из которого не восстанавливается целое. Я только знаю, что соприкоснулась с какой-то незнакомой мне, но несомненно существующей... энергией... энергией памяти?

**(Запись моей беседы с историком Б. Барковским
от 17.04.85 г.)**

ПАМЯТИ, энергия — открыта в 2008 г. профессором Н. Паком, что способствовало дальнейшему развитию *мнемофизики* (см.), а также прикладной психологии истории (см. «Историко-психологические дисциплины»). Накопление энергии приводит к эмоциональному взрыву. Этот эффект был замечен еще в глубокой древности — «камни вопиют». Подобное явление на короткое время могут вызывать отдельные заряженные частицы энергии при воздействии на сознание индивидуума. Затем волны затухают...»

**«Краткий словарь начинающего психолога»,
2027 г.**

«Шведы, известные в русских источниках как варяги, проникали в верховья Волги и Днепра, стремясь к Каспийскому морю.

Славяне отражали варяжские вторжения, нередко прогоняли варягов за море...»

«История Средних веков», т. I, 1981 г.

«И Торстейн с дружиной пошли в Ирландию, и грабили ее, и взяли много золота и серебра.

В тот же год брат его Торгрим Деревянная глотка уплыл в Гардарик и сгинул там, потому что страна эта очень большая...»

«Сага о Торстейне», запись XIII века, отн. предполож. к началу X века.

Они сожгли ладьи чужеземцев. Сухое дерево горело высоко и быстро, и они смотрели, стоя на берегу. А потом пошли к своей разоренной деревне, где все предстояло строить сызнова — неизвестно, в который раз. Но они жили здесь всегда, откуда бы ни приходила угроза — из ближней степи или, как сейчас, с севера, они жили здесь, это была их земля, и они привыкли ее защищать. И никто из чужих не ушел живым.

1985 г.

Валерий Ярхо

ЗВОН

Метель резко и больно ударила по лицу монгольского сотника, ведшего свой отряд сквозь сугробы и снежную круговерть. На мгновение он ослеп, но лишь на мгновение, острый глаз степняка разглядел то, что он и его отряд искали. Запах дыма, очагов русской деревни, принесенный ветром, они учуяли давно и шли на него, словно волки по следу. Ветер,

как будто искупая свое невольное предательство, яростно бил их ледяной крупой, рвал на них одежды, слепил коней, но ничто не могло остановить непобедимых воинов хана Батыя. Хан милостиво отдал покоренный русский город и окрестности на разграбление.

К этой деревне сотник привел своих людей первым. Это будет их добыча, только их! По праву войны!

Предвкушение, радостное ожидание и волнение охотника, азарт волка перед прыжком на шею коня вырвались из груди сотника криком:

— Ур! Ур! Кху! Кху! Ур-р! Вперед!

И, хлестнув камчой своего коня, он повел свой отряд к деревне.

Жители Оленьего Вражка, деревеньки в одну улицу, зажатой меж лесом и глубоким оврагом, не видя монголов за снежной пеленой, а лишь слыша их страшный боевой клич, заматались бестолково, сталкиваясь друг с другом, хватаясь то за скарб, то за дреколье, и в страхе смертельном, чуя, что крики эти несут гибель неминуемую, вскрикивали страшно в отчаянном исступлении:

— Господи! Пронеси! Спаси и сохрани! Прости прегрешения Наши, Господи! Иже еси...

«Бо-мм!» Ударил колокол на колоколенке деревенской церкви. «Бо-мм!» Поплыл тяжелый и скорбный звон. И люди бросились на звук родного колокола от диких криков из снежной Мглы, как дети, испуганные чем-то, бегут к матери. Войдя в храм и затворившись в нем, молились горячо и истово, как всегда бывает с грешными, столкнувшись с тем, что их грешным силам не преодолеть.

— Господи! Защити! В руцу твою влагаем жизнь и души свои, Господи!

С первым ударом колокола радость ушла из сердца сотника. Но, разгоряченный скачкой, он, оторвавшийся с несколькими всадниками от своего отряда, все рвался сквозь снежную целину к своему празднику. Ибо нет ничего слаще, чем топтать поверженного противника, грабить его безнаказанно и насиловать. Этот праздник искупает страх, усталость и боль войны. Он — цель ее и причина.

По мере приближения к деревне звон, тяжелый и скорбный, становился все громче, и вместе с ним в сердца монголов вползал страх, липкими и холодными своими руками он охватывал души бывалых, прошедших не одну жестокую сечу, воинов. Замирая, ждали очередного удара, и с каждым ударом тяжело бухало у них в груди и кровь ударяла в голову.

У околицы всадники нерешительно затоптались, не в силах гнать заупрямившихся коней. Сотник, видя, что люди его боятся, и чувствуя страх сам, злясь на себя и своих людей, испугавшихся непонятно чего, пересиливая себя, взыв яростно:

— Урр! — И охаживая камчой коней и воинов, ворвался на единственную улицу Оленьего Вражка, стремясь достигнуть церкви и оборвать проклятый звон. Но чем ближе, тем невыносимее становился этот звон, и сотнику хотелось спрыгнуть с коня, зарыться в снег и, вгрызаясь в мерзлую землю, уйти от накатившего ужаса.

— Урр! — вскричал он, гоня смертную тоску, сдавившую грудь. Но крик его был тихим и жалобным, никому, даже ему, не слышным за воем ветра и громовым гулом колокольного звона. Воины зажимали уши и падали с коней, которые в испуге ржали, становились на дыбы, и не было такой силы, которая заставила бы их идти навстречу звону.

Наиболее сильные, шатаясь, шли за сотником. Когда до храма осталось совсем немного, снег с еще большей силой обрушился на них. Вытянув руку и зажмурив глаза, сотник, отчаянно напрягаясь, шел вперед. Глаза его застила мутно-красная пелена. Вот сейчас он ткнется рукой в стену и, держась за нее, пойдет к церковным воротам, ворвется внутрь, и — держитесь, русы, не поможет вам тогда чародейство!

Он шел и шел, но стены все не было, рука его проваливалась в пустоту. Наконец ноги его тоже потеряли опору, сердце, не выдержав, лопнуло, и на дно оврага он скатился мертвым.

Сидя на коне и кутаясь в богатую песцовую шубу, Батый наблюдал, как складывают погребальный костер для погибшего при штурме Коломны брата Кеюлькана. После вчерашней метели подморозило, и солнце, стоявшее в ледяной синеве январского неба, немилосердно слепило, отраженное в мириадах снежинок, лежавших сплошными, рыхлыми еще сугробами, повсюду насколько хватало взгляда. Ветер поднимал легкую снежную пыль, и та сверкающими клубами носилась меж суетящихся людей. Засмотревшись на игру света, Батый не сразу услышал, что его окликнули.

— Хан! — почтительно позвал еще раз голос темника. — Хан! Прискакал воин из отряда сотника Аргына. Он говорит, что отряд погиб, Аргын пропал.

— Что? — мгновенно пришел в ярость грозный победитель. — Они встретили русов?

— О нет, хан! — трепеща от страха, воскликнул темник. — Их убили не русы.

— Кто же убил их? — еще пуще ярьась, спросил Батый.

— Он говорит, что их убил... — темник замялся.

— Ну? Отвечай же!.. — прикрикнул хан.

— Он говорит, что их убил звон! — выпалил темник и замер, глядя себе под ноги.

— Что? — изумился Батый. — Звон? Какой звон?

— Звон колоколов русского храма, — все так же, не смея взглянуть на хана, отвечал темник.

— Где этот воин? — спросил Батый без гнева.

— Он здесь, о хан, но он едва жив...

— Приведите его!

Приведенный под руки воин, увидя грозного хана, пал на колени и на четвереньках пополз к нему, замерев лишь шагах в пяти.

— Говори! — приказал Батый.

С трудом ворочая языком, запинаясь, воин сказал:

— Хан! Аргын привел нас к деревне, о которой он испытал У пленных накануне. Мы с трудом нашли ее, а когда до нее оставалось совсем немного, вдруг... — воин замолчал, но, пересилив себя, продолжал: — раздался звон, да такой ужасный, что многие из нас попадали с коней. Я упал тоже. Уцелевшие бросились к храму, чтобы прекратить звон, но у меня не было сил идти навстречу звону. Когда я очнулся, в живых не было никого, только кони без всадников носились по деревне. Храм русов тоже исчез! Но проклятый звон был! Только шел он теперь из-под земли. Мне удалось поймать коня... — Но тут у рассказчика горлом пошла кровь, и он стал заваливаться набок. Воины оттащили труп в сторону.

Батый молчал. Станные мысли проносились у него в голове... «Это все от леса. Как можно жить, когда кругом леса? И почему русы вместо

того, чтобы бежать в этот лес, запираются в своих храмах, там их режут, как баранов, а они все равно... Зачем? Почему? В лесу страшнее? А может, в храмах все дело? Может...» Не додумав до конца, он погнал от себя дурные мысли.

— Пойдем посмотрим эту деревню, — приказал он.

Придя со многими воинами в Олений Вражек, Батый с ужасом увидел погибший отряд, полузанесенный снегом. Лица погибших были синюшно-черные, у многих у рта и ушей замерзли подтеки крови, хотя ран не было видно. Погибшие лежали везде, где их застала смерть, кроме большой площадки на краю оврага. Не было видно ни одного руса, дома стояли покинутые, церкви и следа нет. И вдруг откуда-то из-под земли раздался колокольный звон такой силы, что задрожала земля, завибрировал воздух. «Бо-мм! Бо-мм!» Беспрерывно бил и бил подземный колокол. Чувствуя нездоровую истому, видя, как шатаются в седлах воины в такт ударам, Батый смог крикнуть лишь, пересиливая себя:

— Прочь отсюда!

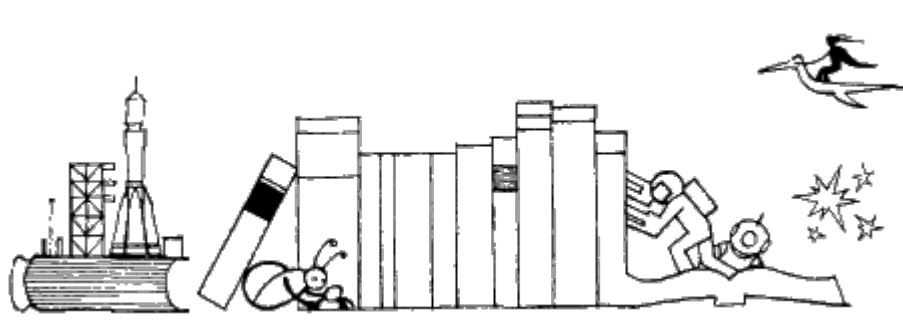
И долго скакал непобедимый хан, будучи не в силах остановиться, пока слышался гул.

Хан не боялся ни людей, ни того, что ими создано, но теперь его гнал с проклятого места страх, страх, поднимавшийся из самых темных уголков души, страх перед тем, чего нельзя победить мечом, на что нельзя двинуть конную лаву. Это был голос силы, могущественнее, чем власть любого трижды великого земного вождя.

Смерчем прошел Батый по Руси. Многие города покорил он, и в каждом из них последними были взяты храмы. Русы бились возле и внутри них словно в угаре. А над ними звонили и звонили колокола, громовым своим голосом ободряя их, словно глас небесный.

Видя то отчаяние, с которым бьются русы за свои святыни, столкнувшись со множеством необъяснимых чудес, монголы не решились разорять православные храмы и монастыри. Батыем был дан особый ярлык, охранная грамота, запрещающая брать дань и чинить препятствия Церкви. Не препятствовал хан и тому, что монголы переходили в православие.

А Олений Вражек считался у монголов плохим, проклятым местом, потому, может, и уцелела деревня до сих пор, что чудо, подземный звон ее охраняет. Только не деревня нынче это — улица в разросшейся Коломне. Звона, правда, из ныне живущих никто не слышал, и деды и прадеды их не слыхали. Может, оттого, что веры в людях поубавилось, а, может, потому, что давно уже чужая нога не ступала на землю Оленьего Вражка. Но если, не приведи Бог, ступит...

РЕЦЕНЗИЯ

Александр Ващенко

ФОЛЬКЛОР ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОКЕАНА

«Мифы древних славян».

**Составление А. И. Баженовой и В. И. Вардугина. —
Саратов. Надежда, 1993. 319 с.**

Данная книга оказалась одной из первых, обозначивших усилившуюся в последние годы тенденцию: обострение интереса к древнейшим страницам истории русской и славянской культуры. Любопытно и показательно, пожалуй, что книга пришла из провинции. Как бывает при рождении новых тенденций — этой книге свойственны достоинства и недостатки, впрочем, очень специфичные и красноречиво отражающие время.

Авторы задались целью опубликовать подборку материалов и источников, посвященных славянскому язычеству, другими словами, обратились в дохристианскому прошлому Руси. Эта проблема, прежде периферийная, выдвинулась сегодня, пожалуй, в разряд важнейших. Но несмотря на число опубликованных статей и монографий, на попытки представить обобщающе-справочный материал, как зарубежной, так и отечественной наукой, едва ли ее сегодня можно считать убедительно решенной. Многие не выходят за рамки гипотез, источники противоречат друг другу, страдают фрагментарностью и вызывают к напряженной работе исследователя. Вот почему публикация новых или забытых старых текстов так важна сегодня: они порой лучше всякого комментария способны помочь в создании системной картины славянской, русской мифологии и других аспектов древней культуры.

Итак, по структуре: книга представляет собой сборник материалов по русско-славянской мифологии. Это два забытых трактата о русском язычестве, написанных в прошлом веке (А. Кайсарова и Г. Глинки), статья академика Б. А. Рыбакова на ту же тему, и вторая за последнее время в массовой литературе публикация текста сенсационной «Велесовой книги». Естественно, при такой разнородности включенного материала возрастает и без того существенная проблема научного аппарата, комментирования. Ее, однако, составителям не удалось решить на однозначно высоком уровне.

Скажу сразу, что я солидарен с пафосом книги — кстати, полемически заостренной. Спор, который авторы-составители ведут с консервативностью устоявшихся взглядов на русскую культуру и самосознание, достоин уважения. В наше время на этом пути нее еще возможны серьезные открытия и находки, способные повернуть по-новому многие концепции и трактовки. Россия все-таки слишком велика, ее действительность исторически и территориально слишком сложна, чтобы можно было ее «аршином общим» мерить. Согласно одной из школ американской культурной антропологии (Ф. Боаса), культуру вообще возможно оценивать лишь с точки зрения собственной уникальности. К тому же наше время — пора резкого расширения мировосприятия, пересмотра глобальных категорий. Процесс этот на пороге 500-летнего юбилея охватил, к примеру, США и докатился до России. Результат этого, в частности, — появление пяти или шести быстро составленных словарей русского язычества — по своей поспешности они не менее противоречивы, чем комментарий и состав «Мифов древних славян».

Рецензируемая книга, конечно, отдает дань идеологической конъюнктуре и сенсационности, но она же выполняет функции исследовательские и просветительские. Поэтому хочется по-разному высказаться о составных частях этого сборника.

Самым ценным для современного читателя и исследователя я считаю публикацию двух трактатов-очерков о славянской мифологии. Источников всегда не хватает, и обнародование их (а здесь — как бы двойное зрение: прошлого века и нынешнего) — важное событие. Этот ряд в будущем должен быть продолжен переизданием очерка Татищева о российском язычестве, публикацией знаменитого «Слова об идолах», на тексте которого Б. А. Рыбаков строит немало выводов об исходных стадиях отечественной культуры.

Перепечатка работы известного академика, вошедшая в сборник, конечно, отрадна, но-куда лучше прочесть целиком те его монументальные монографии, где эти идеи развернуты полнее.

Третья часть сборника, конечно, наиболее полемична: речь идет о публикации уже ранее заявленной в литературе «Велесовой книги». Для широкой публики, как и для значительной части академического мира — скажем, специалиста-зарубежника, каков автор данной статьи, — появление подобного текста — явление внезапное. В православной, советской, а теперь и в постсоветской популярной, как и научной, традиции «Велесова книга» по разным мотивам, очевидно, обходилась молчанием. Ныне она объявлена фальшивкой учеными-славяноведами. Здесь не место затевать спор о подлинности этого документа, но, быть может, уместно говорить о тенденции к неординарным находкам, на которые он указывает. Припоминаю, что частью моего детства был спор — и весьма горячий! — о подлинности «Слова о полку Игореве». Не одно десятилетие дискуссий, интерпретаций, споров потребовалось на то, чтобы выработалась более-менее единая система мнений об этом памятнике. Может быть, и в случае с «Велесовой книгой», как ни покажется это странным, рано ставить точку. Позволю себе в этой связи привести одну аналогию.

В свое время мне довелось потратить немало сил, пытаюсь верифицировать «сомнительного» происхождения индейский эпический текст, дошедший до нас, вероятно, в неполном виде и видоизмененный в чьей-то записи. Речь идет о знаменитой эпической хронике делаваров

«Валпамолум», или «Красном Перечне». Американская наука до сих пор не имеет единого мнения о природе этого произведения, рассказывающего о предыстории ряда аборигенных племен. И все же солидные ученые сегодня склоняются к тому, что перед нами — подлинный текст, уже давно, кстати, независимо от различных научных интерпретаций, живущий в виде культурного феномена, влияя на литературу, историографию, антропологию. Поэтому-то в споре «негативистов» и «позитивистов» по отношению к «Велесовой книге» я занял бы позицию выжидательного беспокойства, будучи заинтересован в развитии дальнейших исследований в данной области. Необходимо, прежде всего, поиск аналогичных по духу, содержанию и древности произведений, дабы заполнить существующую лауну в древнейшей летописи славянства — именно сейчас она и обнаруживается как весьма странный пробел. Быть может, на этом пути — разоблачения либо подтверждения подлинности — способны помочь компьютерные методологии. Ясно одно: поспешные суждения обоого толка окажут только дурную услугу. Остальное, при условии добросовестного подхода, подскажет время.

Теперь — немного о справочно-научном аппарате книги. Все, что относится к сведениям историко-биографического, этно-исторического, источниковедческого плана — ценно и не вызывает нареканий. Что же касается аспектов концептуальных, уровня авторских обобщений — они оставляют желать лучшего из-за своей неровности. Так, интересное по тону и отдельным реалиям введение А. И. Баженовой страдает излишней публицистичностью — нередко там, где требуются научная скрупулезность, такт и доказательность. Хотелось бы даже поверить автору, да не дает волюнтаризм построений и декларативность суждений. Слишком часто сегодня приходится сталкиваться с подобным упрощенчеством принципиально важных явлений и вопросов, с видением мира в черно-белой гамме. Почему, например, слово «культура» происходит непременно от слова «культ»? Почему «приставился» — то же, что и «преставился» т. е. умер? Почему «Яга» — «огрубленное» (?), по версии автора, именно от «Яшка»? Многие страницы книги, к сожалению, портят подобные псевдонаучные построения, хотя с ними может соседствовать действительно редкий научный материал, почерпнутый из старых хроник и ранних описаний.

Поэтому книгу «Мифы древних славян» саратовского издательства «Надежда» стоит расценивать как интересный материал для размышления, как кирпичик в процессе воспроизведения здания нашего общего прошлого во имя будущего.

Лариса Михайлова

...ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ

Персонажи славянской мифологии /Рис. словарь/.

Составление А. А. Кононенко, С. А. Кононенко;

Художник В. А. Кононенко. —

Киев, Корсар, 1993. — 224 с.: ил.

Грушко Е. А.,

Медведев

Ю. М. Словарь

славянской

мифологии. —

Н. Новгород:, Русский купец, Братья славяне, 1995. — 368 с.: ил.

Бьюсь об заклад, большинство читателей слыхом не слыхивали о таких, скажем, персонажах родной мифологии, как вещая птица каган, покровитель охоты Ипабог, Змей Огненный Волк, Зимцерла, Доля, Дана, Ведогонь, Хапун, Спрыя, Рожаницы, Прия, Полевой, Погода, Баечник, Босоркун. А прочитав и рассмотрев картинки в словаре, составленном Кононенко, теперь сможет не только узнать, но и зрительно представить себе, как наши предки могли рисовать себе в воображении мир духов, окружающий их и определяющий весь жизненный круговорот. Краткие словарные статейки построены как двуединство графического изображения и текстового пояснения основных функций того или иного персонажа или предмета. Нижняя треть словарной странички отведена примерам употребления мифического персонажа в литературе и работах фольклористов.

Скажем, кто такая Зимцерла? А приветливая да ласковая жена светлого бога Погоды. Погода в древнеславянском пантеоне — мужского рода, и хмурится или проясняется его чело в зависимости от того, в ладу ли они с Зимцерлой. Сама же Зимцерла своим спокойствием вселяет уверенность в завтрашнем дне. Известно, что в Киеве до введения христианства был храм богини Зимцерлы. А если искать аналогию, то это богини утренней зари — Аврора и Венера.

Дидилия — богиня деторождения, роста, растительности, олицетворение луны. Летавица — дух рассвета, обута в красные сапоги, которые для нее — что крылья легкие. Немиза — бог воздуха, повелитель ветров Голова его увенчана лучами и крыльями, а на торсе изображена летящая птица. Когда в самую жару легкая прохлада коснется чела — это Немиза благоволит, взмахнув крылом.

Еще два бога-покровителя. Былинный Сварог, покровитель кузнецов, которых даже называли сварожичами, — бог небесного огня. И

покровитель охотников Ипабог, совсем почти никому сегодня не известный, но очень современный, экологически мыслящий, говоря современным языком. «На его одежде изображены сцены охоты, — читаем у Кононенко. — Он сам охотник и благоволит к тем, кто охотится с умом: бьет зверя в сезон не ради забавы, а ради пропитания и из нужды. Если же человек в его владениях ведет себя негоже — не будет удач: зверь убежит, оружие придет в негодность, сам охотник заблудится, а то и поранится в лесу. Ипабог незлой, он покровительствует также животным. Убережет самку с дитем, спрячет раненого зверя, травку для лечения покажет» (с. 79). И довольно странно вслед за данным, очень разумным отношением к «природопользованию», олицетворенном в образе Ипабога, читать приведенное на этой же странице высказывание А. Эйнштейна о том, что религиозные представления первобытных людей связаны прежде всего со страхом смерти: «Так как на этой ступени бытия понимание причинных взаимосвязей обычно стоит на крайне низком уровне, человеческий разум создает для себя более или менее аналогичное существо, от воли и действия которого зависят страшные для него явления». Высказывания известных людей сходного характера сопровождают несколько словарных статей в книге, и появляются они, скорее всего, в виде заполнителей места, отведенного на цитату из источников или исследований, где упоминается тот или иной персонаж. На мой взгляд, стандартность этих высказываний говорит больше о том, что и великим свойственна некоторая ограниченность, гораздо интереснее пояснения по существу дела, как в статье о Коляде, где приводится цитата из «Народного календаря» А. Стрижева: «Когда-то Коляду воспринимали не как ряженого. Коляда была божеством, причем одним из влиятельных. Коляду кликали, зазывали. Коляде посвящали предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 года. Полагают, что Коляда признавалась славянами за божество веселья, потому-то его и призывали, кликали в новогодние празднества веселые ватаги молодежи» (с. 94).

Есть духи очень вещественные, как, например, лесавки, бабушки и дедушки лесовика — очень маленькие, серенькие, похожие на ежей, которые водят хоромы в опавшей листве, шелестят. А есть совсем нематериальные, но могучие и очень важные в человеческой жизни. Такие как Спрыйя — дух прыткости и сноровки, рождающийся вместе с человеком, но иногда не умирающий вместе с ним, а переходящий к другому, тогда он помогает, выручает, дает вторую молодость. Или обладающий сверхъестественной силой Здухач, которая проявляется только когда он спит. «Во время сна из него выходит дух, который ведет за собой ветры, гонит тучи, пригоняет и отгоняет град, сражается с другими духами. Здухач-человек охраняет от стихийных бедствий поля и уголья своего поселения, рода. Здухач-животное защищает только стада животных» (с. 69). Или ведогони — духи спящих, чье мудрое название навеивает ассоциации с индийскими Ведами, а то, как ведогони возникают, и особенно их роль помощников в творчестве, сочинительстве во время сна напоминает то, что мы читаем в рассказах тибетских лам об астральном теле, хотя дальше у Кононенко говорится о том, что ведогони — забияки, в потасовке могут погибнуть, тогда человек во сне может умереть.

Это духи чистые. Их около половины. А есть и порождения тьмы

неведения, такие как Хапун: когда неведомо куда бесследно исчезает человек, говорят, что его взял этот невидимый и беспричинно выбирающий свои жертвы дух. Можно его также считать олицетворением Случая. Недоля, Лихо Одноглазое, Лихоманки... Мало ли зла на пути человека. Интересно, что некоторые природные духи, относящиеся к нечисти, вовсе не однозначно злы, как например Полевой — дух, охраняющий хлебные поля, с телом черным, как земля, разноцветными глазами, с головой, покрытой вместо волос длинной травой. Он любит, чтобы его ублажали, а сам сбивает людей с дороги, заводит к оврагам и болотам, но особенно потешается над пьяными пахарями — от таких, действительно, стоит поле охранять...

Есть существа, находящиеся как бы посередине и, вероятно, более древние по происхождению в мифологическом сознании славян.

Самый колоритный персонаж тут Баба Яга. В словаре Кононенко приоткрывается глубина связей этого изначально матриархального персонажа с триединой богиней прошлого, властвующей над судьбой, миром животных и миром мертвых, аналогичной Мойрам древнегреческого пантеона. Постепенно, особенно с принятием христианства на Руси, Баба Яга из грозного, но справедливого божества превращается в злобную ведьму. Такая трактовка для большинства читателей может оказаться откровением, ведь вовсе не все видели телепередачу петербургской студии о младшей, средней и старшей сестрах Ягах в 1995 году, где ученый-фольклорист В. Бахтин рассказывал о метаморфозах Бабы Яги. И совсем немногие смогли познакомиться с романом в трех частях Анны Наталии Малаховской «Возвращение к Бабе Яге» (СПб., Фарн, 1993), вышедшим тиражом всего в тысячу экземпляров. Правда, во втором номере журнала «Преображение» в 1995 году увидела свет ее статья «Апология Бабы Яги», но и это издание не особенно широко распространенное. А персонаж это действительно весьма примечательный и удивительно судьбоносный в большинстве русских сказок. И авторы, приславшие свои произведения в «Сверхновую» на конкурс фэнтези на славянском материале, приводили к Бабе Яге на

совет своих героев. Поэтому вкратце познакомлю читателей со взглядом Малаховской на значение и развитие образа Бабы Яги.

Героиня ее романа увидела народную вышивку, где вишневая ветка представлена и с цветком, и с плодом. «Если же нарисовать дерево, треть которого цветет, треть плодоносит, а треть — без листьев, черная и в снегу, — то вот тебе будет зримый образ богини, единой в трех лицах, или в трех ипостасях. Белый цвет — цветение, это цвет сильной богини, юной испытательницы... это она — царица неба... Созревающие плоды наливаются алым цветом. Вот тебе вторая ипостась, богиня любви и плодородия. Она одаряет нас всем, чем нас одаряет природа, — и видимым, и невидимым. Она царица земли, наземного царства. Но вот плоды сорвали, а листья сами слетели. Зима. Дерево стоит как бы мертвое, черное. Вся жизнь утянулась под землю. Теперь на смену первой и второй ипостаси пришла богиня подземного царства — черная богиня смерти. Но она же — и богиня мудрости: она знает, как воскреснуть от смерти» (с. 68). А еще одна героиня романа Малаховой, по имени Надежда, пытающаяся познать эту древнюю мудрость и найти пути к ней изнутри себя, сводит качества сказочных героев, которым Баба Яга помогает, в один список:

«Баба-яга помогает не тем героям, которые умники, а Иванушкам-дурачкам. Даже если их зовут по-другому, то все же они все от своего ума отказываются.

Герои эти плачут почему зря. Ручьями заливаются.

Они не только глупые, но и простоватые. Верят всем, даже своим злым братьям.

Очень вежливые. За это особенно бабы-еги их ценят.

Жалостливые они — не убивают тех зверей, которые их просят об этом человеческим голосом» (с. 71).

Но, собственно говоря, лишь бескорыстием и самоотверженностью ради любви к живому и можно победить Кащея Бессмертного — главного противника добрых молодцев и Василисы Премудрой. Поэтому неразумие и даже леность Ивана-дурака, преодолевающего самые злокозненные препятствия, не становятся недостатками. В словаре Кононенко об этом персонаже говорится: «Воплощает особую сказочную стратегию, построенную не на правильных логических действиях, а на поиске собственных решений, зачастую противоречащих здравому смыслу, но в конечном итоге приносящих успех» (с. 76).

А ведь в каждого из вас, дорогие наши читатели и в прошлом слушатели русских сказок, заложены черты Василисы и Ивана, помогавшие им бороться с невзгодами и побеждать смерть. А если есть зерно непокорства неблагоприятным обстоятельствам и желание обрести лад в душе — то есть и Надежда, пойдя Туда, Не Знаю Куда — обрести То, Не Знаю Что. Богатство внутренней силы. В этих поисках такие книги, как словарь, составленный Кононенко, или более академически точно выполненный словарь, составленный Е. Грушко и Ю. Медведевым, — необходимое подспорье.

Замечательная писательница-фантаст Елена Грушко, сама не раз прибегавшая к глубоким образам славянского фольклора и мифологии (наиболее широко известен ее Обимурский цикл и сборник «Картина ожидания»), выступает как тонкий комментатор образов, дошедших до нас в виде знаков, потерявших зачастую первоначальный смысл. А составитель и издатель нескольких книг Афанасьева о русской старине

Ю. Медведев располагает, выражаясь современным языком, большой базой данных по этому вопросу. Результатом стала книга, вовсе не повторяющая словарь Кононенко, хотя на восемьдесят процентов совпадающая по набору персонажей. Даже в статьях, совпадающих по существу, всегда есть дополнительная, раскрывающая существо образа и обрядов с ним связанных, информация. Так, из словаря Грушко мы узнаем, что Дидилии жертвовали плоды и новорожденных ягнят, телят, поросят, причем их жрецы никогда не убивали, а через некоторое время по воле Дидилии отдавали бедным. Есть в нижегородском издании некоторые важные понятия, в которых отразились древние верования славян, такие как Правь — всеобщий справедливый закон, согласно которому существует мир, а также правь — это будущее, грядущее, предстоящее. Согласитесь, как хотелось бы, чтобы смогли сегодня люди установить у себя справедливый закон под стать тому, легендарному, и как символична связь значения этого слова с возможностью жить и существовать дальше. Этимология многих слов, легших в основу имен мифологических персонажей, здесь точнее. Скажем, богиня Мокошь именуется так скорее все же не в связи с любовью к маку, а, как говорится в нижегородском издании — по глубинной ассоциации с образом Матери Сырой Земли. Иллюстрации же, хотя внешне графически более простые, в словаре Кононенко мне понравились больше, за лаконизм и выразительность, за отсутствие лубочной кудреватости. Но это, вероятно, дело вкуса, потому что работы Надежды Антиповой вполне проработаны и оригинальны.

Словом, если попадется один из этих словарей — берите, не пожалеете. А если оба — то вместе они еще интереснее.

ИНВАРИАНТ

Алексис де Токвиль
(1805 — 1859)

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке. Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англо-американцев. Гл. IV. О принципе

народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О политической юстиции в Соединенных Штатах. — № 3, 1995; Гл. VIII. О федеральной конституции. — № 4, 5-6, 1995.

Публикуется по изданию:

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.

М., Прогресс, 1992.

Перевела Ирина Малахова

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В предыдущей части книги я описал существующие институты, сделал обзор имеющихся законов, описал современные общественно-политические структуры Соединенных Штатов Америки.

Но надо всем этим — и над институтами, и над общественно-политическими структурами — есть верховная власть, это — власть народа, которая их разрушает или изменяет по своему усмотрению.

Далее я хочу показать, как эта власть, господствующая над законами, осуществляется; какие страсти и инстинкты движут ею; какие тайные пружины побуждают ее к действию, тормозят или направляют ее непреодолимое развитие; каковы последствия всемогущества такой формы власти и какое ей уготовано будущее.

Глава I

НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СТРАНОЙ УПРАВЛЯЕТ НАРОД

В Америке народ сам выбирает тех, кто создает законы, и тех, кто их исполняет; он же избирает суд присяжных, который наказывает нарушителей закона. Все государственные институты не только формируются, но и функционируют на демократических принципах. Так, народ *прямым* голосованием избирает своих представителей в органы власти и делает это, как правило, *ежегодно*, чтобы его избранники находились в более полной зависимости от народа. Все это подтверждает, что именно народ управляет страной. И хотя государственное правление имеет представительную форму, нет сомнения, что в повседневном управлении обществом беспрепятственно проявляются мнения, предрассудки, интересы и даже страсти народа.

В Соединенных Штатах, как во всякой стране, где существует

народовластие, страной от имени народа управляет большинство.

Это большинство состоит главным образом из добропорядочных граждан, которые либо по природе своей, либо в силу своих интересов искренне желают блага стране. Именно они постоянно привлекают к себе внимание существующих в стране партий, которые стремятся или вовлечь их в свои ряды, или же опереться на них.

Глава II

О ПАРТИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Различия между партиями. — Партии, подобные соперничающим нациям. — Партии как политические организации. — Различие между партиями великими и малыми. — В какие исторические периоды появляются партии. — Их характерные черты. — В Америке существовали великие партии. — В настоящее время их нет. — Федералисты. — Республиканцы. — Поражение федералистов. — Трудности образования партий в Соединенных Штатах. — Как они преодолеваются. — Одним партиям присущ аристократизм, для других характерны демократические черты. — Борьба генерала Джэксона против Банка.

Прежде всего я считаю необходимым определить основное различие между партиями.

Есть страны, занимающие столь обширную территорию, что их народонаселение, хотя и находится под единым суверенитетом, не едино по своим интересам, отсюда и постоянные разногласия между отдельными его группами. Эти группы населения еще не образуют партий в прямом смысле слова, это скорее разные народы. И если вспыхивает гражданская война, то это конфликт между соперничающими народами, а не борьба между политическими группировками.

Когда же граждан страны разъединяют разные взгляды на проблемы, интересующие в равной степени все регионы страны, такие, как, например, общие принципы государственного правления, тогда и рождаются группировки, которые я называю собственно партиями.

Партии — это зло, свойственное демократическому правлению, однако характер их в разные периоды неодинаков, и в основе их деятельности лежат различные побуждения.

Бывают времена, когда народы переживают такие глубокие потрясения, что приходят к мысли о необходимости коренных преобразований политического устройства общества. Бывают и такие периоды, когда недовольство существующими порядками охватывает все слои населения и общественное устройство терпит крах. Именно тогда происходят великие революции и возникают великие партии.

Периоды разрухи и нищеты сменяются временами равновесия, в течение которых общество живет относительно спокойно. Но, по правде говоря, это лишь кажущееся спокойствие; ход времени не прекращается ни для целых народов, ни для отдельных людей; и те и другие неуклонно

движутся в неведомое им будущее. И если нам кажется, что они стоят на месте, то лишь потому, что мы не замечаем их движения. Тем, кто бежит, идущие шагом кажутся неподвижными.

Так или иначе, бывают эпохи, когда изменения в политической структуре и общественном устройстве происходят столь медленно и незаметно, что кажется, будто общество достигло предела в своем развитии; в такие периоды люди не заглядывают далеко в будущее, им представляется, что основы общества незыблемы.

Наступает время интриг и малых партий.

Партии, которые я называю великими, характеризует приверженность принципам в большей степени, нежели забота о том, к чему может привести следование этим принципам; теория, обобщения интересуют их больше, чем практика, частные случаи; их волнуют глобальные идеи, а не конкретные люди. По сравнению с другими партиями великие партии, как правило, демонстрируют более благородные устремления, более твердые убеждения, а их действия более откровенны и решительны. В деятельности этих партий частные интересы, всегда играющие важнейшую роль в политической борьбе, искусно маскируются под общественные. Случается даже, что те, кто действует во имя этих частных интересов, сами не осознают этого.

У малых партий, напротив, обычно не бывает политических убеждений. Ими не движут великие цели, и их отличительной чертой является эгоизм, открыто проявляющийся в любом их действии. За их пламенными речами скрывается расчет; они резко высказываются, но действуют робко и неуверенно. И цель, которую они ставят перед собой, и средства, которыми они пользуются для ее достижения, ничтожны. В итоге, когда на смену бурной революции приходит период спокойствия, создается впечатление, будто великие люди внезапно исчезают, а души человеческие замыкаются в себе.

Великие партии потрясают общество, малые его будоражат; первые раздирают его на части, вторые его развращают; великие партии, потрясая общество, тем самым нередко его спасают, а малые без видимой пользы сеют смуту.

В свое время в Америке были великие партии; сегодня их уже нет: эта страна стала счастливее, но не стала нравственнее.

Когда закончилась Война за независимость и появилась необходимость в новой форме правления, мнения американцев разошлись, сформировались две точки зрения. Эти точки зрения такие же древние, как сам мир, их можно обнаружить в разных формах и под разными наименованиями в любом свободном обществе. Одна часть нации хотела ограничить власть народа, другая — беспредельно расширить ее.

Борьба между этими двумя течениями никогда не доходила в Америке до ожесточения, как это случалось в других странах. Здесь взгляды и тех и других на основные вопросы совпадали. Для победы одного из них не нужно было ни разрушать старый порядок, ни изменять общественное устройство. Стремление добиться торжества своих принципов не ставило под угрозу жизни многих людей. А сами принципы касались важнейших духовных интересов, они свидетельствовали о приверженности тех, кто их защищает, равенству и независимости. Именно поэтому вокруг них разгорелась страстная борьба.

Партия, которая была за ограничение власти народа, стремилась

закрепить положения своего учения в конституции Союза. Она получила название *федеральной* партии.

Другая партия, проявлявшая особую склонность к свободе, стала называться *республиканской*.

В Америке сам воздух проникнут духом демократии. Поэтому федералисты здесь всегда в меньшинстве; однако почти все великие люди, выдвинувшиеся во время Войны за независимость, оказались в рядах федералистов, и их нравственное воздействие на общество было сильным. Этому также способствовали и сложившиеся обстоятельства. Крушение первой конфедерации внушило народу страх перед анархией, и федералисты воспользовались этим кратковременным настроением, охватившим массы. В течение десяти или двенадцати лет они находились у власти и смогли осуществить на практике если не все, то часть своих принципов — дело в том, что противоположная им партия день ото дня становилась сильнее, и федералисты не осмеливались выступить против нее.

В 1801 году республиканцы наконец взяли власть в свои руки. Президентом был избран Томас Джефферсон. Имя этого очень талантливого человека было известно, он пользовался большой популярностью, и это укрепило позиции республиканцев.

Федералисты же держались не только за счет искусственных и кратковременных средств — к власти их привели мужество и способности их руководителей, а также счастливое стечение обстоятельств. Когда республиканцы в свою очередь пришли к власти, на противоположную партию словно бы обрушилось стихийное бедствие. Подавляющее большинство высказалось против нее, и она неожиданно оказалась в таком меньшинстве, что оставшиеся ее сторонники пришли в отчаяние, потеряв веру в собственные силы. С этих пор партия республиканцев, или демократов, шла от успеха к успеху и, наконец, привлекла на свою сторону все американское общество.

Федералисты, поняв, что они побеждены, что их не поддерживают, что нация отвернулась от них, разделились: одни присоединились к победителям, другие сложили свое знамя и изменили название. Прошло уже много лет с тех пор, как они перестали существовать как партия.

Приход в свое время федералистов к власти является, на мой взгляд, одним из счастливейших обстоятельств, связанных с рождением великих американских штатов. Федералисты сопротивлялись велению своего века, тенденциям развития своей страны. Их теории, будь они добротными или порочными, не могли быть применены целиком в том обществе, которым они хотели управлять; то, что произошло при Джефферсоне, рано или поздно должно было случиться. При этом правительство федералистов позволило новой республике утвердиться, а затем беспрепятственно поддержать быстрое развитие тех учений, которые они отстаивали. Большая часть их принципов в конце концов была принята и стала символом их соперников, а федеральная конституция, которая существует и поныне, является вечным памятником их патриотизму и мужеству.

Итак, в настоящее время в Соединенных Штатах Америки нет крупных политических партий. Там есть много партий, которые угрожают единству Союза, но нет таких партий, которые бы выступали против современной формы государственного правления или противились бы поступательному развитию общества. Те партии, которые угрожают единству Союза, опираются не на принципы, а на материальные

интересы. Именно эти интересы на территории такой обширной империи, как Штаты, и лежат в основе образования соперничающих наций, а не партий. В последнее время свидетельством тому было поведение Севера, поддержавшего ряд запретов в торговле, а Юг, напротив, взял под защиту свободу торговли, и все это произошло только потому, что Север является в основном фабричным районом, а Юг — земледельческим, система же ограничений всегда действует в пользу одного и в ущерб другому.

Крупные партии отсутствуют в Соединенных Штатах, зато там в изобилии малые партии, и общественное мнение раскалывается на бесконечное количество группировок, объединяющихся вокруг вопросов, касающихся мелочей. Невозможно представить с каким трудом создаются партии; и в наше время это очень нелегкое дело. В Соединенных Штатах нет ненависти на почве религии, поскольку религия повсеместно уважаема и ни одна религиозная секта не считается привилегированной; нет классовой ненависти, потому что народ превыше всего и никто не посмеет бороться с ним; нет, наконец, нищих слоев населения, которые бы эксплуатировались, потому что материальный уровень страны таков, что она может предоставить всем место в своем промышленном комплексе и полную свободу трудиться согласно своему умению делать карьеру. А ведь достаточно предоставить человеку такую свободу, и он сотворит чудеса. Итак, нужны очень сильные амбиции, направленные на создание новых политических партий, чтобы овладеть властью. Ведь трудно свергнуть того, в чьих руках она находится, с помощью единственного довода, что вы хотите занять его место. Таким образом, политические деятели должны употребить все свое умение на организацию партий: политический деятель в Соединенных Штатах прежде всего стремится определить свой интерес, изучить аналогичные интересы, которые могли бы составить вместе с его интересом единое целое; далее он стремится обнаружить, не существует ли случайно в мире учения или научного принципа, который можно было бы удачно использовать для новой организации, поставив в название, и который давало бы ей право на свободное существование и распространение своих идей, — нечто вроде королевской печати, которую наши отцы помещали на первой странице своих трудов, хотя она не имела к ним никакого отношения.

После этого на политической арене появляется новая сила.

Для иностранца все эти домашние ссоры американцев кажутся на первый взгляд непонятными и ребяческими, и не знаешь, жалеть ли этот народ, который серьезно занимается подобной безделицей, или завидовать ему, почитая его счастливым, поскольку он может этим заниматься.

Однако, как только изучишь тайные движущие силы, которые управляют в Америке мятежными группировками, сразу поймешь, что большая часть их них связана более или менее тесно с одной из двух великих партий, которые разделяют людей с тех пор, как существуют свободные общества. По мере углубления в сокровенную сущность этих партий замечаешь, что деятельность одних направлена на то, чтобы ограничить использование общественной силы, деятельность же других — на то, чтобы расширить это использование.

Я вовсе не хочу сказать, что американские партии имели своей явной или даже скрытой целью выдвинуть на первый план аристократию или демократию в стране; я утверждаю, что аристократические или

демократические страсти легко обнаруживаются в основе каждой партии; и хотя это не бросается в глаза, именно это и является слабым местом каждой партии.

Приведу один пример из недавних событий: президент высказывает свои претензии к Банку Соединенных Штатов; в стране начинаются волнения, и ее население делится на две части: имущие классы в массе своей встают на сторону Банка, народ же поддерживает президента⁹. Вы полагаете, что народ может определить мотивы своего поведения в такой запутанной ситуации, когда дело касается столь сложного вопроса, что и опытные специалисты колеблются в своем решении? Отнюдь. Дело в том, что Банк — это огромное независимое предприятие; народ же, который разрушает или создает ту или иную власть, ничего не может сделать с этим Банком, а это его раздражает. Среди всеобщего движения в обществе эта неподвижная точка бросается ему в глаза, и он хочет посмотреть, не сможет ли он и ее стронуть с места, так же как и все остальное.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Скрытая оппозиция имущих слоев населения демократии. — Их сосредоточенность на личной жизни. — Интерьеры их жилищ обнаруживают их вкус исключительно к изысканным удовольствиям и роскоши. — Их показная скромность. — Их напускная благосклонность по отношению к народу.

Когда мнение граждан страны перестает быть единым, нарушается равновесие между партиями и у одной из них появляется неоспоримое преимущество. Эта партия разрушает все препятствия, изматывает своего противника и ставит все общество целиком себе на службу. Побежденные, в отчаянии от такого успеха своего противника, прекращают свою деятельность. Повсеместно устанавливаются покой и тишина. Кажется, что вся нация сплотилась. Партия-победитель делает следующее заявление: «Я восстановила мир в стране, за это мне должны воздать по заслугам».

Но за этим видимым единодушием скрываются глубокие разногласия и реальное сопротивление.

Вот так и случилось в Америке: когда демократическая партия добилась преимущества, общество стало свидетелем того, как она завладела исключительным правом руководить государственными делами. С тех пор она непрестанно формирует нравы и издаёт законы,

⁹ Речь идет о борьбе банков каждого отдельного штата против централизации кредитно-финансовой деятельности в рамках федерации. Конфликт возник в связи с созданием в 1816 г. так называемого «Второго банка» Соединенных Штатов. Под руководством крупного финансиста Н. Биддла «Второй банк» начал концентрировать в своих руках значительную часть вкладов и свободных денег, подрывая тем самым запасы частных кредитных банков, а также кредитоспособность банков штатов. Под давлением конгресса президент страны Эндрю Джэксон выступил против столь серьезной централизации финансов и использовал свое право вето в пролонгации лицензии «Второму банку», который вследствие этого прекратил в 1836 г. свое существование.

основываясь на своих желаниях.

И сегодня можно сказать, что в Соединенных Штатах классы богатых людей почти полностью находятся вне политических дел, и богатство не только не дает права на власть, но является реальной причиной немилости и препятствием на пути к власти.

Те, кто богат, таким образом, предпочитают оставить поле битвы и не вести борьбы, часто неравной, против самых бедных из своих сограждан. Не имея возможности занять в общественной жизни такое же положение, какое они занимают в частной жизни, они расстаются с первой, чтобы сосредоточиться на второй. И в сердцевине государства образуется как бы особое общество с присущими ему вкусами, склонностями, тягой к особым развлечениям.

Богатый человек принимает этот порядок вещей как нечто непоправимое; он даже изо всех сил старается не показывать, что это его ранит; в публичных выступлениях он расхваливает доброту республиканского правительства и преимущества демократических форм правления. Ибо после ненависти к врагам что может быть более естественным для человека, чем лезть в их адрес?

Видите вы этого роскошного гражданина? Не правда ли, он похож на еврея средних лет, который боится, как бы не догадались о его богатствах? Одет он просто, походка его скромна; дома у себя в четырех стенах он обожает роскошь; в эту святая святых он допускает только нескольких избранных гостей, свою ровню, которых он приглашает по отдельности. В Европе вы не встретите ни одного человека благородного происхождения, который был бы столь сильно привязан к своим удовольствиям, так бы тяготел к малейшим выгодам, которые обеспечивает некое привилегированное положение. Но вот он выходит из дому, чтобы направиться на работу в какую-нибудь запыленную конторку, занимаемую им в центре города, в его деловой части, где каждый может заговорить с ним, обратиться к нему. Дорогой он встречает своего сапожника, они останавливаются: оба принимаются рассуждать. О чем же они могут говорить? Эти два гражданина рассуждают о государственных делах, и, прежде чем проститься, они пожимают друг другу руку..

В глубине же этого энтузиазма, как бы выражающего согласие, и в разных формах угодливости, демонстрируемой по отношению к тем, кто близок к правящей партии, легко заметить глубокое отвращение, которое богатые люди питают к демократическим институтам своей страны. Народовластие — это та власть, которую они боятся и презирают. Если однажды плохое демократическое правление закончится политическим кризисом, если в Соединенных Штатах установится монархия как действующая, властвующая сила, тут же подтвердится верность моих высказываний.

Есть две силы, которые используются партиями, чтобы преуспеть в своей деятельности, — это газеты и ассоциации.

Глава III

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Трудности, связанные с ограничением свободы печати. — Особые причины, заставляющие некоторые народы настаивать на этой свободе. — Свобода печати — это естественное следствие, вытекающее из суверенитета народа, как его понимают в Америке. — Невоздержанность языка прессы в Соединенных Штатах. — Периодическая печать обладает определенным чутьем; пример Соединенных Штатов это доказывает. — Мнение американцев по поводу юридических преследований прессы за допускаемые ею правонарушения. — Почему в Соединенных Штатах пресса менее могущественна, чем во Франции.

Свобода печати оказывает влияние не только на общественное мнение, но и на мнение каждого человека. Она способствует не только изменению законов, но и меняет нравы. В другой части этой книги я постараюсь раскрыть степень воздействия свободы печати на американское общество, определить то направление, которое печать придала идеям, получившим распространение в Америке, образу мыслей и чувствам, ставшим характерными для американцев. Здесь же я хочу лишь показать, каким образом свобода печати воздействует на политическую сферу.

Признаюсь, я не испытываю к свободе печати той полной любви, любви с первого взгляда, которую испытываешь к вещам, добротным по своей природе и вне зависимости от чего бы то ни было. Я люблю ее гораздо больше за то, что она мешает злу осуществляться, нежели за те блага, которые она приносит.

Если бы кто-нибудь показал мне промежуточную позицию между полной независимостью мысли и полным ее порабощением, где я мог бы надеяться удержаться, я бы, возможно, там разместился; но кто откроет эту промежуточную позицию? Вы исходите из разнузданности печати и далее следуете определенному порядку. Что вы делаете? Прежде всего вы напускаете на писателей суд присяжных, но суд присяжных их оправдывает, и то, что было мнением только одного человека, становится мнением всей страны. То, что вы сделали, — это слишком много, но и слишком мало; нужно идти дальше. Тогда вы отдаете авторов в руки судебных чиновников; но судьи, прежде чем осудить, должны выслушать; и то, в чем было страшно признаться в книге, безнаказанно провозглашается в защитительной речи; то, о чем смутно было сказано в одном написанном тексте, теперь повторяется в тысяче других. Языковое выражение — это внешняя форма и, позволю себе сказать, тело мысли, но не сама мысль. Ваши трибуналы арестовывают тело, но душа ускользает от них, незаметно выскальзывает из их рук. Итак, вы сделали слишком много, но и слишком мало; нужно идти дальше. Наконец, вы отдаете писателей в руки цензоров. Отлично! Мы продвигаемся вперед. А политическая трибуна, она разве не свободна? Так вы, оказывается, еще ничего не добились; нет, я ошибся, вы приумножили зло. Может, вы случайно приняли мысль за одну из тех материальных мощностей, сила воздействия которых возрастает с ростом числа их носителей? Вы что, станете считать писателей, как солдат в армии? В противоположность материальной силе сила мысли часто возрастает и благодаря малому

количеству тех, кто ее выражает. Слово влиятельного человека, произнесенное твердо, в разгар страстей, перед замолкшим собранием, воздействует на общество сильнее, чем неясные выкрики тысячи ораторов; и стоит только свободно поговорить о чем-либо в одном общественном месте — результат такой, как если бы вы громко говорили об этом в каждой деревне. Следовательно, вам нужно уничтожить свободу говорить, равно как и свободу писать. На этот раз вы у цели: все молчат. Но чего вы добились? Вы начали со злоупотребления свободой — и очутились у ног деспота.

Вы прошли путь от высшей независимости к высшему порабощению, не встретив на этом долгом пути ни одной точки, где вы могли бы остановиться.

Есть народы, у которых независимо от общих положений, изложенных мною выше, имеются свои особые причины, объясняющие их склонность к свободе печати.

Есть нации, считающиеся свободными, а между тем любой представитель власти у них может безнаказанно нарушить закон, и конституция страны при этом не представляет права пострадавшим обращаться с жалобой в суд. У этих народов независимость прессы рассматривается не как одна из гарантий, но как единственная гарантия, остающаяся им из всего арсенала свободы и безопасности граждан.

Следовательно, если бы правители тех государств, где живут эти нации, заговорили об уничтожении независимости печати, народ мог бы им ответить: «Позвольте нам требовать для вас наказания за ваши преступления через суд, и тогда, может быть, мы согласимся не прибегать для этой же цели к суду общественности».

В стране, где открыто признается суверенитет народа, цензура не только опасна, она абсурдна.

Когда каждому предоставляется право управлять обществом, нужно, следовательно, и признавать за ним способность делать правильный выбор в ряду различных мнений, волнующих его соотечественников, и давать правильную оценку происходящим событиям, знание которых может послужить руководством в его деятельности.

Суверенность народа и свобода печати полностью соотносимы; цензура и всеобщее голосование, напротив, противоречат друг другу и не могут долго сосуществовать в политических институтах одного народа. Среди двенадцати миллионов человек, проживающих на территории Соединенных Штатов, не найдется ни одного, кто бы осмелился предложить ограничить свободу печати.

В первой же газете, попавшейся мне на глаза, когда я приехал в Америку, была напечатана следующая статья, точный перевод которой я здесь привожу:

«Во всем этом деле речь, произнесенная Джэксоном (президентом), была речью бессердечного деспота, стремящегося исключительно к тому, чтобы сохранить свою власть. Амбиции — это его преступление, и это же будет его наказанием. Его призвание — интриги, и интриги спутают все его планы и вырвут власть из рук. Он управляет с помощью коррупции, и его преступные махинации обернутся для него стыдом и позором. Он преуспел, но час справедливости приближается; скоро ему придется вернуть все, что он захватил, далеко забросить свою

фальшивую игральную кость и уйти в отставку, где он сможет вволю проклинать свое безумие; ибо его сердце никогда не знало такой добродетели, как раскаяние».

(«Венсенс газетт»)

Во Франции большинство людей полагают, что необузданность прессы в нашем обществе зависит от социальной нестабильности, от наших политических страстей и проистекающего отсюда всеобщего беспокойства. Таким образом, они беспрестанно ждут того времени, когда жизнь в обществе вновь обретет равновесие, и тогда пресса успокоится. Что же касается меня, то я охотно отнес бы за счет указанных выше причин то сильнейшее воздействие, которое пресса оказывает на нас; но я не думаю, что эти причины так сильно влияют на ее язык. Мне кажется, что у периодической печати есть свои особенные черты и пристрастия, не зависящие от условий, в которых она существует. То, что происходит в Америке, меня в этом убеждает окончательно.

В настоящее время Америка является той страной земного шара, в чреве которой заключено наименьшее количество революционных ростков. А между тем у тамошней прессы те же разрушительные наклонности, что и у французской, и тот же необузданный язык при отсутствии аналогичных причин для гнева. В Америке, как и во Франции, пресса является той необыкновенной силой, где странным образом перемешано хорошее и плохое, без которой свобода не сумела бы выжить и из-за которой порядок с трудом удерживается.

Непременно следует сказать, что в Соединенных Штатах у прессы гораздо меньше власти, чем в нашем обществе. Однако именно в этой стране очень редки судебные преследования прессы. Причина тому проста: американцы, приняв в своем обществе принцип народовластия, сделали это народовластие подлинным. Им и в голову не приходило создавать из элементов, которые ежедневно изменяются, конституцию, вечно действующую. Обрушиваться на существующие сегодня законы, таким образом, не является преступлением, лишь бы не делалось попыток избавиться от них силой.

Впрочем, американцы считают, что суды бессильны обуздать прессу и что гибкость человеческой речи всякий раз ускользает при юридическом анализе, правонарушения такого толка как бы исчезают прежде, чем протянутая рука правосудия пытается их схватить. Чтобы эффективно воздействовать на прессу, думают американцы, нужно найти такой суд, который был бы не только предан существующему правлению, но и мог бы стать над общественным мнением, бушующим вокруг. Суд, который судил бы, не допуская гласности, провозглашал бы свои приговоры, ничем не обосновывая их, и наказывал бы намерения еще строже, чем резкие слова. Тот, кто сумел бы создать и поддержать подобный трибунал, напрасно потерял бы время, преследуя свободу печати, поскольку тогда он стал бы абсолютным хозяином самого общества и мог бы вовсе избавиться от писателей, а заодно и от того, что они написали. Что касается прессы, реально для нее не существует середины между рабством и волей. Чтобы получить неоценимые блага, которые обеспечивает свобода печати, нужно уметь принять и то зло, которое рождается вместе с ней. Желать добиться одного и избежать другого — значит предаваться одной из тех иллюзий, которыми себя обычно убаюкивают больные нации, когда, устав от борьбы и истощив

свои силы, они ищут средств, с помощью которых можно заставить сосуществовать одновременно, на одной и той же почве, враждебные мнения и принципы.

Американские газеты не имеют большого влияния; это объясняется многими причинами, основными из коих являются следующие.

Свобода писать, так же как и другие свободы, тем более опасна, чем позже она появилась; народ, который впервые участвует в обсуждении государственных дел, считает себя первым трибуном. Для англоамериканцев эта свобода такая же древняя, как сами колонии. Пресса, впрочем, умея хорошо подогревать человеческие страсти, не может, однако, сама их порождать. Итак, в Америке политическая жизнь проходит активно, формы ее разнообразны, она даже бывает буйной, но редко в ее основе лежат глубокие страсти; ибо редко страсти всплывают на поверхность, если не задеты материальные интересы, а Соединенные Штаты с этой точки зрения страна процветающая. Чтобы оценить разницу, существующую в этом отношении между англоамериканцами и нами, мне нужно лишь просмотреть американские и французские газеты. Во Франции коммерческие объявления занимают ограниченное место в газетах; даже новостей не очень много; самая насыщенная часть газеты — та, что освещает политические споры. В Америке три четверти огромной газеты, развернутой перед вашими глазами, заполнены объявлениями, в остальной части размещены чаще всего политические новости или какие-нибудь забавные истории; и только кое-где, в каком-нибудь невидном уголке, замечаешь статью, посвященную одной из таких горячих дискуссий, которые в нашем обществе и составляют ежедневную порцию для читателей.

Любая власть усиливается по мере централизации — это общий, естественный закон, который открывается исследователю при изучении данного вопроса и который деспоты даже малого масштаба постигают инстинктивно.

Во Франции пресса объединяет два разных вида централизации.

Почти вся власть прессы сосредоточена в одном месте и, можно сказать, в одних руках, так как органы прессы немногочисленны.

Таким образом, заняв прочное место в среде скептически настроенной нации, пресса должна была приобрести почти неограниченную власть. Это враг, с которым правительство может заключать перемирия более или менее длительные, но рядом с которым ему трудно держаться продолжительное время.

Ни один, ни другой вид централизации, о которых я сказал, в Америке не существуют.

В Соединенных Штатах нет столицы: свет, в смысле власть, рассеян по всей огромной стране; лучи человеческого разума вместо того, чтобы исходить из единого центра, отовсюду сходятся туда и там перекрещиваются; американцы ни одно место в своей стране не сделали центром всеобщего руководства человеческой мыслью, так же как нет там и единого руководящего делового центра.

Это связано с местными условиями, которые совсем не зависят от людей; что до законов, то они диктуют следующее.

В Соединенных Штатах нет патентов для печатников, марок или регистраций для газет; наконец, отсутствует правило поручительства¹⁰.

10 Речь идет о практике финансовой или юридической, а иногда и той и другой

Из всего этого следует, что издание газеты является там делом простым и легким: достаточно небольшого числа подписчиков, чтобы газетчик мог покрыть свои расходы; вследствие этого количество периодических или серийных изданий в Соединенных Штатах превосходит все ожидания. Наиболее просвещенные американцы относят маловластие прессы за счет невероятного рассредоточения ее сил; в Соединенных Штатах это стало аксиомой политической науки: единственное средство нейтрализовать влияние газет — это увеличить их количество. Я не могу себе представить, почему столь очевидная истина до сих пор еще не привилась у нас. То, что те, кто собирается произвести революцию с помощью прессы, стремятся сосредоточить ее в нескольких мощных органах печати, — это я понимаю без труда, но что официальные сторонники существующего режима и те, кто поддерживает существующие законы, полагают, что воздействие прессы можно смягчить путем ее концентрации — вот этого я абсолютно не могу постичь. Правительства Европы, мне кажется, ведут себе по отношению к прессе так, как когда-то вели себя рыцари по отношению к своим соперникам: на своем собственном опыте они убедились, что централизация прессы — это мощное оружие, и они хотят этим оружием поделиться со своим врагом, безусловно для того, чтобы при сопротивлении ему испытать больше гордости.

В Соединенных Штатах практически нет местечка, даже совсем маленького, где не выпускали бы свою газету. Нетрудно понять, что невозможно добиться ни дисциплины, ни единства действий среди такого количества борцов, поэтому, естественно, каждый поднимает свое знамя. Это не означает, что все политические газеты Союза делятся на те, которые за администрацию, и те, которые против нее; но, защищая ее или нападая на нее, они используют сотни самых различных средств. В этой стране газеты не могут, следовательно, поднять столь сильные потоки общественного мнения, которые либо вздымают даже самые мощные плотины, либо переливаются через них. Это дробление сил в печати имеет и другие последствия, не менее серьезные: издание газеты, будучи делом легким, позволяет каждому заняться им; с другой стороны, из-за конкуренции одна газета не может рассчитывать на большие прибыли. По этой причине крупные промышленные силы не вкладывают своих средств в такого рода предприятия. Впрочем, если бы газеты были источником богатства, для руководства ими могло бы не хватить талантливых журналистов, поскольку газет этих бесчисленное множество. Журналисты в Соединенных Штатах занимают, как правило, невысокое положение, профессиональную подготовку они получают как бы вчерне, и образ их мышления нередко тривиален. Итак, в любой сфере правит большинство; оно устанавливает определенные нормы поведения, к которым потом каждый приспосабливается; совокупность этих общих правил называется духом, стилем; дух адвокатуры и дух суда отличаются друг от друга. Во Франции журналистский дух, стиль, выражается в манере вести разговор — напористо, но в приличных выражениях, часто красноречиво, — о великих государственных делах, и если не всегда получается именно так, то это потому, что нет правил без исключений. В

ответственности за регистрируемый орган печати, которую принимает на себя какое-либо лицо или организация.

Америке журналистский стиль — грубо, беззастенчиво, не подыскивая выражений, обрушиться на свою жертву, оставив в стороне всякие принципы, давить на слабое место, ставя перед собой единственную цель — подловить человека, а далее преследовать его в личной жизни, обнажая его слабости и пороки.

Должно сожалеть о подобных злоупотреблениях; позднее у меня будет случай рассмотреть, какое влияние оказывают газеты на формирование вкусов и нравственность американского народа; но, повторяю, в данный момент я занимаюсь только политической сферой. Нельзя не признать, что политическое воздействие свободы печати имеет немалое значение непосредственно для поддержания общественного порядка. Вследствие этого те, кто уже занимает высокое положение в глазах своих соотечественников, не осмеливаются писать в газеты и, таким образом, теряют самое устрашающее оружие, которым они могли бы пользоваться с целью расшевелить себе на пользу народные страсти¹¹. По этой же причине личные взгляды журналиста не имеют никакого веса у читателей. Читатели газеты стремятся к одному — знать факты; следовательно, только меняя окраску этих фактов или искажая их, журналист может привлечь внимание к своему мнению.

Хотя пресса в Америке пользуется в основном именно такими средствами, она обладает все же огромным влиянием. Под ее воздействием оживляется политическая жизнь во всех уголках этой обширной территории. Именно пресса своим бдительным оком выслеживает, а потом извлекает на свет Божий тайные двигатели политики и вынуждает общественных деятелей поочередно представлять перед судом общественности. Именно она объединяет интересы вокруг некоторых доктрин и формулирует кредо партий; именно благодаря прессе партии ведут диалог между собой, не встречаясь при этом; приходят к согласию, не вступая в контакт. Когда же случается так, что большое число печатных изданий начинает действовать в одном направлении, их влияние на долгое время становится преобладающим, и общественное мнение, обрабатываемое все время с одной стороны, в конце концов поддается их воздействию.

В Соединенных Штатах каждая отдельно взятая газета не имеет большой власти, но периодическая печать, как таковая, до сих пор является первой после народа силой¹².

11 Только в редких случаях они прибегают к помощи газет, когда хотят обратиться к народу и говорить от своего собственного имени это случается, например, если о них распространяют клеветнические обвинения и они хотят установить истинное положение вещей.

12 Первая американская газета вышла в апреле 1704 года в Бостоне (см.: Труды Исторического общества Массачусетса, т. VI, с. 66).

Было бы ошибочно полагать, что периодическая печать в Америке всегда пользовалась свободой; несколько раз здесь предпринимались попытки установить нечто подобное практике предварительной цензуры и финансовых санкций.

В законодательных отчетах штата Массачусетс, в частности, содержится документ, датированный 14 января 1722 года.

Комитет, назначенный Генеральной ассамблеей (высшим законодательным органом колонии) для разбора обстоятельств дела, связанного с газетой «Будни Новой Англии», считает, «что вышеупомянутая газета обнаруживает стремление выставить религию на посмешище и вызвать к ней презрение; что с авторами священных текстов обращаются в газете неуважительно и нечестиво; что образ жизни и поведение евангелических священников трактуются в ней злонамеренно; что оскорбляется правительство Его

О том, что воззрения, которые утверждаются в Соединенных Штатах, где господствует свобода печати, как правило, более основательны, чем воззрения, формирующиеся где-то в другой стране, при строгой цензуре.

В Соединенных Штатах демократический режим приводит к руководству делами все новых и новых людей; вследствие этого меры, предпринимаемые правительством, не всегда последовательны и упорядочены. Но главные принципы поведения правительства в целом более стабильны, чем в большинстве других стран, а основные воззрения, которые определяют жизнь общества, более устойчивы. Когда какая-либо идея овладевает умами американцев, будь она праведной или безрассудной, нет ничего труднее, чем переубедить их.

То же самое можно было наблюдать и в Англии, европейской стране, где в течение века самая яркая свобода мысли уживалась с самыми непобедимыми предрассудками.

Я объясняю это явление той же причиной, которая на первый взгляд должна мешать этому, — то есть свободой печати. Народы, живущие в странах, где есть свобода печати, придерживаются своих воззрений как из чувства гордости, так и из убеждений. Они их любят, потому что считают их правильными, а еще потому, что выбрали их сами, и они держатся за них не только как за что-то правильное, но и как за нечто, им принадлежащее.

Есть и еще множество доводов.

Один великий человек сказал, что *на обоих концах знания находится незнание*¹³. Возможно, вернее было бы сказать, что глубокие убеждения находятся только по краям, а в середине — сомнение. Человеческий ум можно рассматривать в трех различных состояниях, часто следующих одно за другим.

Вначале человек твердо верит, потому что он воспринимает что-то, не вдаваясь в суть. Потом, когда появляются возражения, противоречия, он сомневается. Часто ему удается разрешить все свои сомнения, и наконец тогда он снова начинает верить. На этот раз он овладевает истиной не наугад и не в потемках; он видит ее перед собой и идет прямо

Величества и что вышеупомянутая газета нарушает мир и спокойствие в этой колонии. В результате комитет предлагает запретить типографу и издателю Джеймсу Франклину печатать и издавать в будущем вышеупомянутую газету или другие письменные сочинения без предварительного ознакомления с ними секретаря колонии. Мировые судьи округа Саффолк должны истребовать с господина Франклина залог, который мог бы гарантировать соблюдение им норм поведения в текущем году».

Предложение комитета было принято ассамблеей и стало законом, однако его эффект оказался равным нулю. Газета избежала запрета потому, что под ее колонками вместо подписи Джеймса Франклина появилось имя Бенджамина Франклина и общественное мнение признало целесообразность подобной уловки.

13 Имеется в виду высказывание Блеза Паскаля «Знание имеет два предела, касающиеся друг друга: первый — это чистое природное незнание, в котором находятся все люди при рождении. Другой предел — это тот, до которого доходят великие души, которые, изведав все, что человеку можно знать, находят, что они ничего не знают, и встречаются с тем самым незнанием, от которого они отправились. Но это уже умное незнание, сознающее себя» — *Паскаль Б.* Мысли (о религии). Перев. с фр. П. Д. Перлова М, 1905, с 68.

к ее свету¹⁴.

Когда свобода печати воздействует на людей, находящихся на первой стадии, она еще длительное время поддерживает у них привычку твердо верить не размышляя; единственное, что она делает, так это меняет предмет их необдуманной доверчивости. На всем интеллектуальном горизонте человеческий разум может, следовательно, видеть только одну точку в определенный отрезок времени, но эта точка беспрестанно перемещается. Это время внезапных революционных изменений. Несчастливы те поколения, которые первыми допустят свободу печати!

Однако вскоре наступает время, когда круг новых идей мало-помалу освоен. Приходит опыт, и человек погружается в сомнения, его охватывает недоверие ко всему.

Можно предположить, что большинство людей останется в одном из первых двух состояний: они будут верить, сами не зная почему, либо не будут точно знать, во что им нужно верить.

Что же касается третьего состояния, когда у человека появляется убеждение как следствие размышлений, доминирующее убеждение, рождающееся из знаний и утверждающееся, даже несмотря на тревоги, связанные с сомнениями, то его достигнет, ценой определенных усилий, лишь небольшое количество людей.

Было замечено, что в те периоды, когда люди ревностно относились к религии, они не раз меняли веру, тогда как в периоды сомнений каждый упорно сохранял свою веру. То же самое происходит и в политике, когда властвует свобода прессы. Допустим, что все социальные теории одна за другой оспорены и опровержены; однако те, кто остановился на одной из них, продолжают придерживаться ее не столько вследствие уверенности, что эта теория хороша, сколько из-за отсутствия уверенности в том, что есть лучшая.

В эти периоды не убивают с легкостью друг друга за убеждения, но и не меняют их, и вместе с тем в это время встречается меньше жертв и отступников.

Прибавьте к этому еще более веский довод: когда в убеждения проникают сомнения, люди в конце концов цепляются только за инстинкты и за материальные блага, потому что они гораздо более видимы, более ощутимы и по своей природе более постоянны, чем убеждения.

Ответить на вопрос, кто управляет наилучшим образом — демократия или аристократия, очень трудно. Явно только, что демократия стесняет одного, а аристократия притесняет другого.

Сама собой устанавливается истина, по поводу которой бессмысленно спорить: вы богаты, а я беден.

Глава IV

14 Я, правда, не знаю, возвышает ли это убеждение, явившееся результатом размышлений и ставшее доминирующим, человека до той степени пылкости и преданности, какая инспирируется догматической верой.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Использование англоамериканцами права создавать объединения. — Три вида политических объединений. — Как американцы осуществляют на практике систему представительства в объединениях. — Чем это может грозить государству. — Большой конвент 1831 года, посвященный тарифам. — Законодательный характер его решений. — Почему неограниченное использование права создавать объединения в Соединенных Штатах Америки не так опасно, как в какой-нибудь другой стране. — Почему в Соединенных Штатах это следует считать необходимым. — Полезность объединений для демократических наций.

Америка сумела извлечь из права создавать объединения максимальную пользу. Там это право и сами объединения были использованы как мощное и действенное средство при достижении самых разных целей.

Независимо от постоянных объединений, возникших в соответствии с законом и называемых коммунами, городами, округами, имеется множество других, которые своим рождением и развитием обязаны только воле индивидуумов.

С первого дня своего рождения житель Соединенных Штатов Америки уясняет, что в борьбе со злом и в преодолении жизненных трудностей нужно полагаться на себя; к властям он относится недоверчиво и с беспокойством, прибегая к их помощи только в том случае, когда совсем нельзя без них обойтись. Это можно наблюдать уже в школе, где дети подчиняются, включая игры, тем правилам, которые они сами устанавливают, и наказывают своих одноклассников за нарушения, ими же самими определяемые. То же самое мы встречаем во всех сферах социальной жизни. Предположим, загромождали улицу, проход затруднен, движение прервано; люди, живущие на этой улице, тотчас организуют совещательный комитет; это импровизированное объединение становится исполнительной властью и устраняет зло, прежде чем кому-либо придет в голову мысль, что, помимо этой исполнительной власти, осуществленной группой заинтересованных лиц, есть власть другая. Если речь пойдет о веселье, люди объединятся, чтобы совместными усилиями придать празднеству больше блеска, сделать праздники более регулярными. Наконец, появляются объединения для борьбы с так называемым духовным врагом: например, совместно борются со всякой невоздержанностью. В Соединенных Штатах объединяются в целях сохранения общественной безопасности, для ведения торговли и развития промышленности, там есть объединения, стоящие на страже морали, а также религиозные. Всего может достичь воля человека, в свободном выражении себя приводящая в действие коллективную силу людей.

Ниже у меня будет случай рассказать о том, каково воздействие объединений на гражданскую жизнь населения. Теперь же я должен сосредоточиться на политической сфере.

Как только государство признает за гражданами право на

объединение, они могут им пользоваться по-разному.

Объединение возникает тогда, когда некоторое количество индивидуумов публично заявляют о своей приверженности той или иной доктрине, признавая ее тем самым как основную и беря на себя обязательство отстаивать ее. Право на объединение, таким образом, почти смешивается со свободой печатного слова, однако объединение обладает большей силой, чем пресса. То или иное мнение, представленное от лица объединения, должно быть ясно и точно выражено. Объединение ведет счет своим сторонникам и привлекает все новых к своему делу. Они учатся узнавать друг друга, и их преданность делу возрастает с увеличением их числа. Объединение собирает воедино усилия различных умов и энергично направляет их к единственной цели, ясно указанной им самим.

Второй момент в использовании права на объединения состоит в возможности собираться вместе, устраивать собрания. Когда политическое объединение может разместить свои очаги действия в ряде важных точек страны, оно тем самым расширяет поле своей деятельности и распространяет свое влияние.

На этих собраниях люди встречаются, их способности к активной деятельности соединяются, они громко и пылко высказывают свое мнение, все это недоступно мысли, выраженной письменно.

И наконец, последнее, что вытекает из пользования правом политической ассоциации: члены одного объединения при необходимости становятся группой избирателей и выбирают из своих рядов представителей в центральную политическую организацию. Это, собственно, и есть система представительства внутри одной партии.

Таким образом, вначале людей объединяют общие взгляды, общее мировоззрение, между ними возникают чисто духовные связи. Затем, на втором этапе, эти же люди образуют небольшие объединения, представляющие собой фракцию партии. И наконец, на третьем этапе они как бы формируют отдельную нацию внутри всей нации, свое правление внутри государственного правления. Их делегаты, подобно делегатам от большинства, представляют коллективную силу своих сторонников, и так же, как делегаты от большинства, они считают себя представителями нации, что придает им большую моральную силу. Правда, в отличие от них они не имеют права создавать закон, но они вправе критиковать тот, который действует, и разрабатывать заранее закон, который, по их мнению, должен быть.

Я представляю себе народ, который совершенно не привык пользоваться свободой или который охвачен глубокими политическими страстями. Рядом с большинством, которое устанавливает законы, я ставлю меньшинство, которое только обсуждает их и не участвует в принятии постановлений по этим законам, и единственная мысль рождается у меня: такой общественный порядок подвержен большим случайностям.

Между доказательством того, что один закон лучше другого, и возможностью заменить худший закон лучшим, несомненно, расстояние немалое. Но там, где ум людей просвещенных еще видит большую дистанцию, воображение толпы ее уже вовсе не замечает. И бывают времена, когда нация почти равным образом распределяется между двумя партиями, каждая из которых претендует на то, что именно она представляет большинство нации. Тогда, если рядом с правящей партией

утверждается другая, моральный авторитет которой почти такой же, возможно ли, чтобы эта последняя длительное время принимала участие только в обсуждении законов, не прибегая к действию?

Остановит ли ее такое метафизическое рассуждение, согласно которому целью объединений является направление общественного мнения, а не принуждение его, внесение предложений в вырабатываемый закон, а не создание самого закона?

Чем глубже я вникаю в проблему независимости прессы в ее основных проявлениях, тем более убеждаюсь, что у современных народов независимость прессы — это нечто фундаментальное, и я бы сказал, основное составляющее свободы как таковой. Народ, который хочет остаться свободным, имеет право требовать во что бы то ни стало, чтобы эта свобода уважалась. Однако *неограниченную* свободу ассоциаций не следует смешивать со свободой печати: первая одновременно и менее необходима, и более опасна, чем вторая. Нация может ограничить ее, не теряя над собой контроля; иногда она должна так поступить, чтобы выжить.

В Америке свобода создавать политические организации неограничена.

Пример, который я приведу, лучше, чем все, что я мог бы рассказать, покажет, до какой степени терпимо там к этому относятся.

Все помнят, насколько вопрос тарифа и свободы торговли взволновал умы в Америке¹⁵. Тариф не только способствовал возникновению новых общественных течений или оказывал на них какое-либо иное воздействие, он прямо затрагивал мощные материальные интересы. Север приписывал ему частично заслугу в своем процветании, Юг связывал с ним все свои несчастья. Можно сказать, что длительное время тариф был единственным возбудителем политических страстей, волновавших Союз.

В 1831 году, когда накал страстей достиг своей высшей точки, какому-то неизвестному гражданину из Массачусетса пришлось в голову предложить, с помощью газет, всем врагам тарифа послать депутатов в Филадельфию, чтобы вместе изучить все средства, способные вернуть торговле свободу. Это предложение за несколько дней благодаря уже имеющимся типографиям прошло путь от Мэна до Нового Орлеана. Враги тарифа отнеслись к нему горячо. Они съехались со всех концов, выдвинули депутатов. Большинство из них были люди известные, а некоторые даже и знаменитые. Южная Каролина, которая позже не раз бралась за оружие, защищая это же самое дело, послала шестьдесят три

15 Во время революционных войн Французской республики, а затем Империи, длившихся с 1792 по 1815 г., был нарушен традиционный товарообмен между Соединенными Штатами и Францией. Это способствовало созданию в северо-восточных штатах собственных мануфактур, возмещавших сокращение импорта. Когда после установления мира в Европе в 1815 г. в Новый Свет опять стали поставляться европейские промышленные товары в прежнем объеме, федеральное правительство, заинтересованное в развитии собственной индустрии, сочло необходимым ввести в стране протекционистские таможенные пошлины, облагая ими импорт на основе специально разработанного тарифа. Южные штаты, где фактически не имелось местной промышленности, немедленно выступили против этой дискриминационной меры 1 октября 1831 г. в Филадельфии был открыт конвент всех противников тарифа, на котором обсуждались и координировались мероприятия, направленные против торгового тарифа. Высшего накала эта борьба достигла в следующем, 1832 г., заставив федеральную администрацию пойти на целый ряд уступок.

делегата. 1 октября 1831 года ассамблея, которая по американской традиции называлась конвентом, собралась в Филадельфии; на ней присутствовало более двухсот членов. Обсуждения велись открыто и с первого дня касались вопросов законодательства; рассматривались вопросы о размерах власти конгресса, о теоретических основах свободы торговли и, наконец, разные меры, связанные с тарифом. Ассамблея проработала десять дней, ее участники составили обращение к американскому народу и разъехались. В этом обращении говорилось о том, что: 1) конгресс не имел права устанавливать тариф, а существующий тариф неконституционен; 2) отсутствие свободной торговли не может соответствовать интересам какого бы то ни было народа, и особенно американского.

Нужно признать, что неограниченная свобода в создании политических организаций до сих пор не привела в Америке к зловещим результатам, как этого, возможно, ожидали за ее пределами. Право свободного объединения в разного рода организации пришло в Америку из Англии и, следовательно, в Соединенных Штатах существовало всегда. Пользование этим правом сегодня стало привычкой, это находит отражение и в нравах американцев.

В настоящее время свобода создавать политические объединения стала необходимой гарантией в борьбе с тиранией и в противостоянии большинству. В Соединенных Штатах, а когда какая-либо партия становится правящей, вся власть переходит в ее руки; самые рьяные ее сторонники занимают все ответственные посты, в их распоряжении оказываются и все административные структуры. Видные деятели другой партии, которые остаются за порогом власти, должны иметь право объединить свои силы; и это меньшинство должно иметь возможность противопоставить властям, которые их станут ущемлять, силу морального воздействия на массы. Конечно, это небезопасно, однако существует еще большая опасность.

Всемогущество большинства мне представляется столь угрожающим для американских республик, что средство, используемое для ограничения его всевластия, я рассматриваю как благо.

А теперь я хочу поделиться мыслью, которая напомнит мое высказывание о гражданских свободах: политические объединения, способные пресекать деспотизм партий или произвол правителя, особенно необходимы в странах с демократическим режимом. Там же, где у власти находится аристократия, другие сословия образуют естественные объединения, являющиеся барьером для злоупотребления властью. В тех странах, где отсутствуют подобные сословные объединения, люди сами должны создать нечто, заменяющее их, и сделать это быстро. Я, право же, не вижу другого средства, которое могло бы служить препятствием для тирании. Ведь и великий народ может попасть под безнаказанное угнетение кучки мятежников или единолично правящего тирана.

Собрание большого политического конвента (есть и другие конвенты), которое может быть вызвано необходимостью, даже в Америке является событием очень важным, и те, кто желает добра этой стране, относятся к нему с определенной долей страха.

Это подтверждается конвентом 1831 года, на котором все усилия видных деятелей, принимавших в нем участие, свелись к тому, чтобы сузить обсуждаемые проблемы и смягчить форму их обсуждения. Можно

предположить, что конвент 1831 года оказал большое влияние на недовольных и подготовил их к открытому выступлению в 1832 году против торговых законов Союза.

Нельзя не признать, что из всех возможных свобод народ менее всего может позволить себе неограниченную свободу ассоциаций в сфере политики. Если она не ввергает его в анархию, то постоянно приближает, так сказать, к краю этой пропасти. В этой столь опасной свободе заложены и положительные гарантии: в странах, где есть свобода ассоциаций, нет тайных обществ. В Америке, например, есть мятежники, но нет заговорщиков.

Как понимается право на объединения в Европе и в Соединенных Штатах Америки; как пользуются этим правом там и здесь.

Самой естественной для человека является свобода действовать самостоятельно, в одиночку. Следующим естественным шагом человека является объединение своих усилий с усилиями себе подобных с целью совместного действия. Право на ассоциации я рассматриваю как неотъемлемое право человеческого общества, такое же естественное, как индивидуальная свобода. Той законодательной власти, которая захотела бы уничтожить это право, пришлось бы бросить вызов всему обществу. Между тем у одних народов свобода объединяться в какие-либо общества благодатна, она способствует их процветанию, тогда как другие народы, злоупотребляя ею, искажая ее, превращают ее из животворной силы в силу разрушительную. Мне кажется, что сравнение путей развития объединений в тех странах, где свобода их организации понимается правильно, и в других странах, где она доходит до вседозволенности, было бы полезным и для правительств, и для партий.

Большинство европейцев до сих пор видят в политических объединениях оружие борьбы, наспех сработанное, чтобы поскорее испытать его на поле боя.

Сторонники той или иной идеи объединяются как бы с целью обмениваться мнениями, но основная мысль, которая занимает их, — как перейти к действию. Объединение — это армия. Члены объединения собираются вместе, чтобы обсудить какие-либо вопросы, выявить единомышленников и, воодушевившись, выступить против врага. С точки зрения членов объединения, легальные средства относятся к средствам борьбы, но не являются единственным средством, с помощью которого можно добиться успеха.

Совсем иначе трактуется право на объединения в Соединенных Штатах. В Америке члены объединения, составляющие меньшинство, прежде всего хотят знать, сколько их, ибо их первая цель — ослабить моральное воздействие большинства. Вторая цель, которую они ставят перед собой, — это выявить все возможности, которые могут быть использованы, чтобы оказать давление на большинство, так как их конечная цель, на осуществление которой они твердо надеются, — привлечь на свою сторону большинство и таким образом оказаться у власти.

Итак, в Соединенных Штатах политические организации по сути своей мирные и пользуются в своей борьбе законными средствами. И когда они заявляют, что хотят добиться успеха только законным путем,

они, в сущности, говорят правду.

Различие, существующее между политическими организациями в Америке и у нас, объясняется рядом причин.

В Европе есть партии, которые по своим идеям и целям так далеки от партий, представляющих большинство, что они не могут рассчитывать на их поддержку. Но эти партии считают себя достаточно сильными, чтобы бороться с большинством. Когда одна из таких партий создает политическую организацию, она ставит целью не убеждать, а побеждать. В Америке есть люди, абсолютно несогласные с правящим большинством, но они не мешают им править; все остальные хотят примкнуть к этому большинству.

Следовательно, реализация права на объединения становится опасной в случае, если крупные партии страны уже не представляют большинства. В такой стране, как Соединенные Штаты Америки, где различия во взглядах и мировоззрении основной массы людей не существенны, право на объединения может оставаться, так сказать, неограниченным.

Причина, объясняющая, почему мы до сих пор видим в свободе объединений только право объявлять войну правителям, заключается в отсутствии у нас опыта пользования свободой как таковой. Первая мысль, которая рождается у людей, создавших какую-либо партию, кстати, так же, как и у отдельного человека, когда приходит ощущение своей силы, — это мысль о насилии; уверенность в себе, убежденность приходят позже, они рождаются с опытом.

Англичане, хотя и очень сильно различаются между собой, редко злоупотребляют свободой объединений, потому что у них большой опыт пользования этим правом.

У нас же в характере, ко всему прочему, заложен такой боевой дух, что мы считаем для себя почетным умереть с оружием в руках, принимая участие в любом безрассудном событии, вплоть до такого, которое может потрясти основы государственной власти.

Однако самой весомой причиной, лежащей в основе различия между американскими политическими организациями и нашими, причиной, сдерживающей насильственные действия политических организаций в Соединенных Штатах, я считаю наличие там всеобщего избирательного права. Когда в стране принято всеобщее избирательное право, ясно, на чьей стороне большинство, поскольку никто не может усомниться в том, что большинство, занявшее место в государственном управлении, появилось там в результате выборов; ведь с точки зрения здравого смысла ни одна партия не может представлять тех, кто не голосовал. Следовательно, каждая политическая организация знает, что она не представляет большинства, знают об этом и все граждане страны. Это вытекает из самого факта существования этих организаций, так как, если бы было иначе, они бы сами изменяли законы, вместо того чтобы требовать от правительства их реформы.

По этой причине моральная сила правительства очень возрастает, и соответственно ослабевают возможности политических организаций.

Возьмем Европу: здесь практически нет ни одной политической партии, которая не считала бы себя выразителем интересов большинства. Эти притязания и, можно даже сказать, эта уверенность очень сильно способствуют укреплению их положения в стране и служат прекрасным оправданием предпринимаемых ими действий. Разве не извинительно

применение силы ради торжества дела, связанного с борьбой за погрязшие права?

Таким образом, законы человеческие настолько сложны, что в иные времена наивысшая свобода нейтрализует злоупотребления свободой и наивысшая демократия предупреждает опасности, связанные с демократией вообще.

В Европе политические организации считают себя законодательным и исполнительным органом народа, который сам по себе выступать не может; отталкиваясь от этой идеи, они действуют и командуют. В Америке же такие организации в глазах ее граждан представляют меньшинство народа, а поэтому они занимаются говорением и составлением петиций.

В Европе средства, которыми пользуются политические организации, соответствуют той цели, которую они ставят перед собой.

Основная цель этих организаций — действовать, а не рассуждать, бороться, а не убеждать. Естественно, в результате они пришли к такого типа организации, которая никак не похожа на гражданскую: норма поведения ее членов и используемая лексика заимствованы у военных, построены они по принципу централизма, руководство всеми их силами находится на верхней ступени и власть сосредоточена в руках небольшой кучки людей.

Члены этих организаций реагируют на любой приказ, как солдаты в период войны; они признают догму пассивного повиновения, точнее говоря, объединившись, они как бы разом отказались и от своего собственного суждения, и от своей собственной воли. В рядах этих организаций нередко царит тирания, еще более невыносимая, чем тирания правительства, с которым они борются.

Это отрицательно сказывается на их моральной силе. Их борьба теряет свой священный характер, который связывают с ней угнетенные, борясь с угнетателями. Ибо тот, кто согласен раболепно повиноваться в каких-то случаях кому-то из себе подобных, тому, кто лишит его собственной воли, подчинит его себе, и не только его, но и его мысли, — как такой человек может уверять, что он хочет быть свободным?

Что касается американцев, они тоже создали внутри своих политических организаций систему управления, но это, если можно так выразиться, гражданское управление. Личная свобода там не подавляется, равно как и во всем обществе, где люди, живущие в одно время, идут к одной цели, но не обязаны все выбирать один и тот же путь. В американских политических организациях никто не приносит в жертву свои волю и разум, напротив, воля и разум каждого способствуют достижению успеха в общем деле.

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Из штата Орегон электронная почта принесла нам Замечательное повествование, вполне в духе этого номера. Скотт Каннингем — молодой, но очень активный деятель фантастического движения и, кстати, однофамилец автора заглавного рассказа «Сын Идущего Сквозь Огонь», прислал следующую, совершенно документальную, по его заверениям, историю. Относится она к 1969 году, когда НАСА активно вело подготовку к высадке на Луну.

«Администрации НАСА требовалось устроить репетицию высадки в наивозможно более приближенных к реальным условиям. После долгих поисков «лунный пейзаж» обнаружился в резервации индейцев племени навахо. Туда и отправилась внушительная команда со следящей и записывающей аппаратурой, и, конечно, астронавты в скафандрах.

Нагрянувшие гости, да к тому же странные фигуры в громоздком облачении со шлемами, озадачили индейцев, пасших скот на холмах в резервации. Старший из пастухов отправил сына разузнать, кто это и что они тут делают. Когда же тому разъяснили, что эти люди в скафандрах готовятся полететь на Луну, старик пришел в сильное возбуждение и попросил разрешения записать на магнитофон его послание братьям на Луне. Такое разрешение снисходительно было дано. И вот старый пастух, после короткой паузы, сказал всего несколько слов, повернулся и пошел прочь.

Несмотря на настойчивые расспросы сын пастуха отказался переводить краткую речь, записанную на магнитофон. Так же случилось со всеми другими индейцами навахо, к которым люди НАСА обращались с просьбой перевести слова старика. Запись слушали, потом смеялись, и наотрез отказывались переводить. С огромным трудом и за немалую сумму удалось все же уломать одного малого сделать перевод.

Послание старого индейца к братьям на Луне гласило: «Эти люди пришли, чтобы отнять вашу землю...»

ГОЛОСА ПРОСТРАНСТВА

Фантастика — вымысел, фантастика — осмысление, фантастика — нахождение бесконечного числа бесконечно разнонаправленных, бесконечно быстрых и бесконечно медленных векторов невозможно-возможного, ненулевая результирующая, проекция которых и есть течение реальных событий — реальность.

Поэтому и говорить об исчерпанности фантастики можно только прочно закончив свое образование на том или ином — внешне иногда достаточно высоком — уровне. Когда специалисты пишут о разработанности того или иного структурного уровня фантастики, то не надо придавать чересчур большого значения полемическим преувеличениям этого суждения. Знакомство с одним из залов сказочно красивой подземной пещеры вовсе не говорит о том, что нет других залов, новых красот, целого неизведанного мира.

Холодность специалистов зачастую обескураживает искренних и истинных любителей, но специалист удаляется, чтобы приблизиться: блеск и нищета возвысившихся — вехи этого пути. Истинный мир литературы велик — и каждый голос, и каждый внимающий ему велики в своем единении равных. Сегодня мы публикуем письмо одного из наших читателей на эту вечную тему.

Ждет ли фантастику деградация и гибель?

Один из лучших российских знатоков и исследователей фантастики, автор монографии «Природа фантастики» (Иркутск, 1984), Т. А. Чернышева в своей статье «Надоевшие сказки XX века» пишет: «И все же во многих работах о фантастике, появившихся в последнее десятилетие, наблюдается одна тенденция, о которой хотелось бы поговорить особо... Речь идет... об ощущении какой-то закругленности, законченности, исчерпанности идей и образов научной фантастики... Выражают это ощущение исследователи по-разному, в разных системах координат, но само ощущение повторяется с удивительным постоянством» («Вопросы литературы», 1990, № 5, с. 63).

Т. А. Чернышева в упомянутой монографии *весь* массив фантастических произведений традиционно подразделяет на т. н. «научную фантастику» и «фэнтэзи» (при этом, правда, непонятно, куда в

этом случае отнести мистическую фантастику и «литературу ужасов» — в той ее части, которая относится к фантастике), в дальнейшем почти пренебрегая «фэнтэзи» и обращая исключительное внимание на «научную фантастику». Но каково же качество этой лучшей из лучших, «научной фантастики»?

«Так вот научная фантастика и является в определенном смысле *рафинированным лубком для... научных работников*» («Вопросы литературы», 1990, № 5, с. 80. Выделение здесь и далее по всему тексту мои. — Я. Н.). То есть фантастика — это современный эквивалент лубочной литературы. «Нет сомнения, что фантастика выйдет из кризиса, стереотип в конце концов будет преодолен. *Но какой бы она ни стала в грядущем, какие бы новые источники для создания фантастических образов ни открылись перед ней, место ее в искусстве будет все же не рядом с Л. Толстым и Шекспиром, а рядом с... Э. Сю*» (там же, с. 82).

Во-первых, не надо забывать, что тот же Шекспир является автором «Сна в летнюю ночь» и «Бури» — и никто еще не доказал, что художественный уровень этих произведений существенно *ниже*, чем других произведений великого драматурга (уж не говорю о хрестоматийном появлении тени отца Гамлета в «Гамлете», ведьмах в «Макбете» и т. п. эпизодах).

Во-вторых, никто не доказал, что «Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий» Н. В. Гоголя, «После смерти (Клара Милич)» И. С. Тургенева, — что все эти произведения в художественном отношении *находятся на уровне произведений Э. Сю*. Становится непонятным, например, почему так восхищался Достоевский «Пиковой дамой», характеризовал ее как «верх искусства фантастического» (да и какое может быть «искусство», если фантастика — новая разновидность лубка, пусть в то время находившаяся еще в зародыше в этом своем качестве)? Много, очень много наших недоумений предстоит преодолеть Т. А. Чернышевой, прежде чем она сумеет должным образом обосновать свою точку зрения.

Если, например, исследовательница даже признает фантастику Шекспира, Пушкина, Гоголя, Тургенева высокохудожественной, относя свои суждения исключительно к настоящему и будущему фантастики, то и тогда хотелось бы *обоснованного* мнения. Иначе какой серьезный исследователь *не* скажет, что «Властелин колец» Д. Р. Р. Толкина — произведение высокохудожественное, что тетралогия «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин или роман «Дверь в Лето» Р. Э. Хайнлайна относятся все же к т. н. «Большой Литературе»?...

Отождествив всю современную фантастику с «единственно правильной», «единственно перспективной» «научной фантастикой» и понимая, как и Т. А. Чернышева, что наступил период «исчерпанности идей и образов научной фантастики», другой исследователь, Е. М. Неёлов, в монографии «Волшебно-сказочные корни научной фантастики» (Ленинград, 1986) начал проделывать для научно-фантастических произведений то, что было в свое время сделано Андреевым и Ларне по отношению к народным сказкам: выделение и схематизацию всех возможных сюжетов, образов героев и т. д. и т. п. Теперь «научному фантасту», проживающему в России, не нужно больше мучиться, выдумывать сюжет, создавать какие-то там образы героев — достаточно открыть на нужных страницах монографию Неёлова и выбрать одну из возможных, приведенных исследователем, схем... С появлением этих

неёловских схем «научная фантастика» (а стало быть и всякая другая) действительно... «исчерпалась» и «умерла»... Вместе с тем мы видим, что полки книжных магазинов и киосков буквально ломятся от наплыва «фантастических» книг. Хотя, по большей части, это англо-американская фантастика, но уже на ее примере мы видим, что нет практически ни одного крупного мастера т. н. «научной фантастики», который в то же время не был бы автором «фэнтэзи» или даже мистических произведений. Как же наши знатоки-литературоведы, специалисты по англо-американской фантастике объяснят нам это обстоятельство?.. Неужто оно вызвано желанием во что бы то ни стало снизить художественный уровень фантастического произведения, превратить его в «рафинированный лубок»?..

По моему глубокому убеждению, кризис во многих областях современной жизни (и в том числе и в фантастике) является лишь *следствием* кризиса западноевропейского рационализма в тех его формах, которые господствовали и развивались от Р. Декарта до К. Маркса. Наметьте пути разрешения этого *основного кризиса*, указать обществу новые ориентиры развития, а науке — новую парадигму способна только философия. Поэтому фантастике для выхода из кризиса следует сейчас ориентироваться не на естественные науки (как это делает «научная фантастика»), не на «окультурные науки» (как делает это мистическая фантастика), а на философию.

Интуитивно крупнейшие фантасты так и поступают (отсюда и обращение мастеров «научной фантастики» к «фэнтэзи» и мистике), задачей же критиков является помочь фантастам действовать *осознанно*, помочь, так сказать, *переориентироваться «с наименьшими потерями» с естественных наук на философию*.

Причем, если речь идет о России, я имею в виду не ориентацию на тех официальных профессоров философии, которые рабски повторяют «зады» чужих теорий, разучившись (а вернее, так никогда и не научившись) мыслить самостоятельно; нет, я имею в виду ориентацию на теории таких оригинальных и смелых мыслителей, каков, например, В. В. Налимов. «Но, может быть, процесс растворения философии в технологизированной науке должен будет привести к выкристаллизации из этого раствора обновленной метафизики? — спрашивает мыслитель и продолжает: — Нам представляется, что постнаучная метафизика будет полетом свободной наднаучной фантазии, исходящей из самой науки — из ее математических структур и порождаемых ими языков» (В. В. Налимов. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989, с. 15–16). *Вот на такую начавшуюся развиваться «обновленную метафизику» (симптомом чего служат, в частности, работы самого В. В. Налимова) и должна ориентироваться современная фантастика для преодоления кризиса.*

Аналогичный пример в истории литературы уже был: фантастика романтиков первой трети XIX века, давно, казалось бы, «умершая» и «исчерпанная», помогла в свое время такому титану, как Ф. М. Достоевский. В душе любого человека есть тот невостребованный «иррациональный остаток», который не может проявиться вовне в повседневной работе или общении. Но вот пошли разговоры, появились проекты (Фурье, Петрашевский и др.) преобразования общества на социалистических началах. Несомненно, в ходе такого переустройства этот «иррациональный остаток» не может не проявиться, а в иные

исторические моменты не может не играть главной и определяющей роли. Но как художественно исследовать его, если Достоевский сам у себя, в своих глубинах души, хорошо его чувствовал, а у других людей в повседневной жизни обнаружить его было невозможно?.. На помощь пришла фантастика, те наработки в области фантастики, которых в изобилии было более всего у немецких романтиков. Философски обобщив и переработав в соответствии со своими принципиально новыми целями методы романтиков, используемые при создании фантастических образов, Достоевский решил в «Двойнике» эту задачу. И с «Двойника» начинается *гениальный фантаст* Достоевский. Его открытие, что душа человека далеко не исчерпывается повседневной работой или общением людей (т. е. нахождение *конкретных* художественных средств для показа соответствующих процессов в *конкретной* душе) сопоставимо по своему *всемирно-историческому значению с открытием неевклидовых геометрий в математике*. Но без использования фантастики такое открытие в литературе никогда бы не состоялось. И позднее Достоевский недаром называл свой метод «фантастическим реализмом» — фантастику он применял всякий раз там и тогда, где и когда все традиционные способы изучения жизненных явлений оказывались бессильными. Этим и объясняются его глубочайшие прозрения, до сих пор изумляющие нас...

И я думаю, что и в будущем фантастика не раз еще сыграет не менее важную роль в истории литературы. И рано или поздно должен появиться гений, который использует наследие современной «научной фантастики» в чем-то аналогично использованию Достоевским фантастики романтиков — для нового рывка, для выхода на новые рубежи, завоевания новых, недоступных ранее возможностей... Так что напрасно специалисты пугают нас деградацией или вообще гибелью фантастики. Фантастика бессмертна, и пределу ее совершенствования нет.

Николай Яковлев

Тюменская область, г. Заводоуковск.

FB2 created by

mefysto